

Николай
Чувиков

18+

СКВОЗЬ бесконечность

ЭРА ОТВЕРЖЕННЫХ

А К Т П Е Р В Ы Й

Николай Чуви́ков

**Сквозь Бесконечность. Акт
Первый: Эра Отверженных**

«Автор»

2023

Чувиков Н.

Сквозь Бесконечность. Акт Первый: Эра Отверженных /
Н. Чувиков — «Автор», 2023

Далёкое будущее. Управляемая твёрдой рукой Великого Межпланетного Объединения Галактика погрязла в войнах, преступности и противоречиях, в то время как в изведанный человечеством космос проникают древние силы, чьи жестокие игры ставят под угрозу существование всего живого. На фоне этого разворачиваются истории шести, казалось бы, ничем не связанных людей, которые невольно оказываются в центре событий апокалиптического масштаба. Разыскиваемый по всей Галактике мошенник, получивший в свои руки все силы космоса... Отверженный обществом капитан космолёта с тёмным прошлым... Прирождённая воровка с тяжёлой судьбой и тягой к чему-то большему... Неунывающий искатель приключений, замахнувшийся на что-то, что оказалось ему не по зубам... Бывшая королева далёкой планеты, понемногу теряющая свои ментальные силы... Вечный неудачник, попавший в самую худшую историю в своей жизни... Шесть судеб. Шесть историй. Шесть изгоев, которым суждено принести перемены в Галактику.

© Чувиков Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

I. Абурхарк	5
II. «Энкратуриус»	9
III. Щаклак	22
IV. Кирис Айам	28
V. Ну-Иль-Як	35
VI. Кош'далаглак-ка	46
VII. Локенгон	58
VIII. Щекалак	76
IX. Пла-Кнут	90
X. Марл	104
XI. Кроль-тора	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Николай Чувигов

Сквозь Бесконечность. Акт Первый: Эра Отверженных

Слава тебе, бог великий, владыка обоюдной правды. Я пришел к тебе, господин мой. Ты привел меня, чтобы созерцать твою красоту. Я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена 42 богов, находящихся с тобой в чертоге обоюдной правды, которые живут, подстерегая злых и питаюсь их кровью в день отчета перед лицом Благого. Вот я пришел к тебе, владыка правды; я принес правду, я отогнал ложь. Я не творил несправедливого относительно людей. Я не делал зла. Не делал того, что для богов мерзость. Я не убивал. Не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пищи богов, не исторгал заупокойных даров у покойников. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов. Я чист, я чист, я чист, я чист.

Книга мёртвых

I. Абурхарк

Пейзаж производил гнетущее впечатление. Яркое, пылающее солнце слепило глаза незадачливого путешественника и выпаривало из него жидкость со скоростью нескольких литров в минуту; сероватый, грязный песок усеивали узоры из мусора и городских нечистот, которые местные жители принципиально сваливали в эту долину, продолжая древние устоявшиеся традиции своей нелицеприятной планеты; не улучшали положение и маленькие скелетики живучих растений – харпасов, как их называли местные жители, – которые за один век вырастали лишь на пару миллиметров. Если здесь и было когда-либо что-то живое, то оно давно вымерло или же поумнело настолько, что давно покинуло эту долину. Или планету – что было бы гораздо умнее. Что же мог забыть здесь обычный человек, взрощенный в теплицах патриархального Та-Кемета и привыкший к дорогим напиткам, красивым женщинам и таким же красивым космическим кораблям?

Если честно, то Каспер Вэнс и сам не знал ответа на этот вопрос – кроме одного: будучи прохиндеем, он хотел заработать на билет до планеты развлечений Эйн. Однако он никогда не согласился бы с подобной формулировкой – благо с самовлюблённостью у него всё в порядке, – и по мере своего тяжёлого продвижения по долине Абурхарк (долине Неумолимой Смерти – именно так её называли аборигены) он продолжал придумывать всё новые и новые версии ответа на поставленный вопрос. Нельзя сказать, что его размышления увенчивались успехом. Вместо этого в голову лезли удручающие предположения, что карта, купленная у местного торговца барахлом, которая в теории должна привести к сокровищам древнего императора Куахти, на самом деле – наглая подделка. Однако Каспер отказывался верить в подобное стечение обстоятельств, – и пусть на подобный шаг его толкнули исключительно безысходность и невозможность выбраться из этой сточной канавы славной Галактики, а заодно и неуёмное желание заработать как можно больше при наименьшем ущербе для самого себя. Именно поэтому он всё ещё продолжал идти, несмотря ни на что.

Концентрированной воды ещё оставалось вдоволь, пищи в имплантированном желудке хватит ещё на две с лишком недели, компас продолжал всё так же уверенно показывать на юг, а навигатор утверждал, что он прошёл уже двадцать шесть километров в нужном направ-

лении – почти половину пути. Всё складывается не так уж плохо – действительно, при хорошей подготовке любой житель Галактики, даже презренный Уфундей (ох, ну и поквитается он с ним при следующей встрече!), мог бы найти эти сокровища. Каспер даже позволил себе сделать небольшой привал, расположившись на раскалённом валуне и вытянув ноги так, чтобы их укрыл песок. Жизнерадостным взором он окинул раскрывающуюся перед ним панораму и подивился, сколько мусора сюда раньше сбрасывали жители соседних планет: здесь и контейнеры от космического топлива, и бытовые отходы как людей, так и скампов, и давно вышедшие из строя автомобили, самолёты и космические корабли. В общем, свалка всего, что только может представить любой представитель межгалактического сообщества. Хоть музей открывай! И всё бы ничего, если бы в один прекрасный день какой-то умник из Межзвёздного Союза Путешествий и Исследований (МСПИ) не догадался высадиться на планете Мусора и не обнаружил, что на самом деле здесь проживают разумные существа, в данный момент находящиеся на третьем уровне цивилизационного развития, – небольшие гуманоиды, напоминающие помесь человека и таракана: округлое лицо с фасеточными глазами и практически человеческим ртом украшали антенны-локаторы, а на шести лапах развились хитиновые наросты, помогающие им лазать по разного рода возвышениям. Так вот, прожив с ними несколько недель, узнав, что они называют себя Куахто (или Куахти – кому как нравится; лично Каспер предпочитал называть их куахтарами – так проще), познав, что до этого на планете существовала высокоразвитая цивилизация эфемерных созданий, пришедших из самых глубин космоса, и ужаснувшись тому, что на их головы постоянно обрушивается поток небесного мусора, сей путешественник написал обстоятельный труд: «Куахти: существа из мусора». Его труд, несмотря на кошмарное название, быстро привлёк к себе внимание галактических правозащитников, которые наспех решили, что последующее сбрасывание отходов на планету Куахти приведёт к вымиранию тамошних аборигенов. Таким образом, издали следующий закон: «Представитель любой межгалактической расы, входящей или не входящей в любой альянс, федерацию, союз, а также в Великое Межгалактическое Объединение (ВМО) или же в иного рода образование, который будет замечен сбрасывающим мусор на планету Куахти (Куахто) (координаты приведены в дополнении) будет немедленно арестован и подвергнут наказанию в связи со статьёй „Покушение на жизнь представителя галактической расы 3-го уровня“ (соответствующая статья приведена в дополнении)». На орбиту Куахти вышли патрульные корабли, и скоро у экологии планеты появился шанс хоть на какое-то воскрешение. Однако каково же было удивление учёных-биологов и социологов, когда они узнали, что после означенных мероприятий аборигены застопорились в развитии и начали проявлять все признаки цивилизационной деградации. Оказалось, что все свои достижения, изобретения и идеи они успешно основывали на «дарах Богов» – том самом мусоре, который постоянно валился на их головы по вине соседей по планете. Галактическое сообщество спохватилось и начало посылать на планету экспедиции с провиантом, учебниками по прикладным наукам и чертежами признанных изобретений, но опоздали. Не помогла и частичная колонизация планеты с основанием учебных учреждений для коренного населения и налаживанием производства запчастей для примакальных скутеров – куахтары просто-напросто превратились в иждивенцев, выживающих за счёт паразитирующего контакта с колонистами, которые принесли на планету не только свет и просвещение, но и наркотики, алкоголь, азартные игры и прочие бессмертные наслаждения любого мало-мальски уважающего себя гуманоида. В итоге после нескольких веков негласной борьбы с невежеством Куахти, ВМО махнуло рукой на эту богом забытую планету и прекратила вести на ней всяческую деятельность. Сейчас, наряду с местным населением, здесь проживали лишь межгалактические разбойники, пираты и торговцы наркотиками. А некоторые соседние планеты даже возобновили сбрасывание отбросов на поверхность планеты. Какая ирония судьбы.

Каспер пролистнул в голове последние страницы безрадостной и поучительной истории планеты Куахти, радостно усмехнулся, в очередной раз подумал о беспробудной тупости всего

межгалактического сообщества, затем медленно поднялся с валуна и хотел было восстановить баланс жизненных сил, как обнаружил, что к цистерне с концентрированной водой присосалось непонятное существо, внешним видом напоминавшее слизняка, а размером – с довольно упитанного кота. Каспер мгновенно запаниковал – его поразило не само существо, а лишь одна маленькая догадка, которая сразу перечеркнула весь смысл его путешествия. С остервенением он начал отдиравать слизняка от цистерны, пытаясь поддеть его всем, что только попадалось под руку – веткой деревца харпас, ржавым ножом земного происхождения, осколком примакального стекла, непонятым предметом, по виду напоминавшим древко от копья, – но всё тщетно: слизняк намертво приклеился к цистерне и досасывал последние капли живительной влаги. Через несколько минут Каспер уже лежал на песке, направив свои очи на пыльное небо, – одной рукой он поглаживал слизняка, который успел слезть с пустого баллона и даже наполовину зарыться в песок (жестокая и мучительная смерть ещё настигнет его – зачем спешить с таким наслаждением), а другой теребил свою куцую бородку, как будто сие времяпрепровождение могло хоть на шаг приблизить его к спасению. Идти обратно нет никакого смысла – это противоречило как здравой логике, так и его складу ума. Идти вперёд тоже нет смысла – он всё равно не пройдёт даже четверти оставшегося пути: просто-напросто превратится в высохшую мумию, которая пришлась бы по вкусу любому любителю закусывать пиво хрустящими снеками. При всём при этом у него на руках всё ещё оставалась карта, а куахтарский торговец (бесчестный тип!) разглагольствовал о каких-то оазисах, разбросанных по всей долине Абурхарк. Только никто не знает, где они находятся. Потому что никто никогда их не находил. Поэтому никто не знает, где они находятся... Потому что никто никогда... Поэтому...

Мысли путались и превращались в настоящую кашу. Каспер понял, что дальше так продолжаться не может, выбросил из головы уже успевший надоесть ему порочный круг, мощным рывком вскочил на ноги, снова упал, опять встал и смело пошёл в заданном направлении, не забыв предварительно превратить рокового слизняка в склизкое месиво. Его переполняла уверенность, голову осенила шальная мысль, что карта на самом деле врет и сокровища находятся где-то рядом, а дорога показалась такой лёгкой, будто кто-то подгонял его хлётким кнутом. И так продолжалось примерно полчаса, пока Каспер не заметил, что кожа на руках начала заметно трескаться, а во рту пересохло настолько, что язык готов свернуться в трубочку и покинуть незадачливого хозяина. Ещё через пятнадцать минут Каспер с упоением глотал раскалённый песок, надеясь хоть в нём найти немного влаги. Тщетно.

Глупо. Как же глупо. Миллионы возможностей умереть, бесчисленные враги и ненавистники, обманутые любовницы и разъярённые самцы-мужья – никто не смог даже пальцем его тронуть. А тут его погубил один проклятый слизняк. Из всех оружий массового уничтожения, нейтронных распылителей, временных дислокаторов, преторианских межгалактических ружей, снайперских кораблей-самоубийц и всех мыслимых и немыслимых способов размельчения, испепеления и полной и бесповоротной аннигиляции его погубило лишь стремление одного-единственного слизняка к продлению своей никчёмной жизни. Как бы он сейчас хотел ещё раз раздавить его и посмотреть, как внутренности последнего постепенно испаряются под куахтарским солнцем. Каспер издал отчаянный хрип умирающего человека, ударил ладонями по земле, зачерпнул горсть песка, смешанного со смердящими отходами, и хотел было швырнуть её в сторону солнца, как вдруг почувствовал, что по руке прошёл разряд освежающей прохлады. Ощущение было такое, будто его внезапно перенесли в уютный межпланетный лайнер с системой поддержания наиболее благоприятной температуры. Сравнение, конечно, никуда не годилось, но нужно помнить, что Каспер никогда по сути своей не был ни философом, ни романтиком. Блаженство охватило все его члены, и он с упоением закрыл глаза, подумав, что смерть не так страшна, как её постоянно малюют, а Бог всё-таки существует, несмотря на все протесты Общества по Борьбе с Божественной Тиранией (ОББТ – да, Вселенная любит аббревиатуры). Он уже представил, как крылатые ангелы подхватывают его на руки и несут в

II. «Энкратуриус»

Массивный, будто объятый пламенем космический корабль походил на огромное копьё, пронзающее самую оболочку космоса. Слишком огромный, чтобы похвастаться быстротой и манёвренностью, и слишком маленький, чтобы внушать врагам уважение, «Энкратуриус» был живой легендой, всё ещё функционирующим музеем истории покорения космоса. Каждый раз, когда он пришвартовывался в порту какой-либо планеты, он приковывал к себе внимание тысячи любопытных глаз: многие вдохновенно выдыхали, ощущая себя так, словно вживую прикоснулись к легенде; другие удивлялись, как такой корабль вообще прошел планетарную атмосферу и не сгорел как спичка; третьи же – и их всегда было подавляющее большинство – просто и откровенно смеялись над этой древней колыхагой, а потом все вместе обсуждали, какой же неудачник её капитан. Капитан Андрей Макаров ненавидел их всех. Он с гордостью стоял на мостике и презрительно оглядывал толпы разнузданных зевак. Капитан Макаров любил свой корабль: за десять лет вынужденного командования «Энкратуриусом» он успел с ним не то чтобы сродниться, но скорее выработать некое взаимоуважение. Капитан с лёгкостью прощал кораблю его «винтажный» внешний вид, а тот в ответ пока что не разваливался на куски. Остальная команда не разделяла взглядов Макарова на «Энкратуриус» и во время отпуска на поверхность исправно врала, что на самом деле они с другого, более нового корабля – просто их временно командировали на этот мусор. При этом они краснели как раки. Гораздо лучше они себя чувствовали в открытом космосе: по крайней мере, в эти моменты им не приходилось стыдиться своей участи.

Так было и сейчас, когда «Энкратуриус» вышел из червоточины и лёг на автоматический дрейф по направлению к планете Куахти. Или Куахто. Им было решительно наплевать. Самая сложная часть полёта уже позади, и теперь они могли спокойно расслабиться с бутылкой крепкого пива или чего позабористее. Благо, ВМО, казалось, забыло об их корабле и не послало никого оснастить их пищевые синтезаторы блокировкой на алкоголь. Через пару часов в каждом коридоре и закоулке «Энкратуриуса» затаились спящие матросы – лучшие рекруты, которых ВМО пожертвовало капитану Макарову.

Капитан не только не порицал поведение своей команды – он всячески ему подражал: обладая довольно тонким складом ума, свои жизненные утешения он находил на доньшке бутылки. Конечно, в отличие от обычной матросни, он предпочитал более изысканные сорта алкоголя, многие из которых привёз прямо из кометских запасников. Прошлым вечером, когда «Энкратуриус» был ещё в другой солнечной системе (где капитан участвовал в захватывающей миссии по перевозу дальнерубежных шахтёров к их месту отпуска) и только-только подлетал к заданной червоточине, алкогольное меню Макарова состояло из вишнёвого пива западноевропейского производства, эдолины (терпкий напиток, приготовленный из горных трав, найденных в диких землях планеты Варото) самого высшего качества и, конечно же, фирменного перегонника – напитка, который, по легенде, изобрели первые инопланетные колонисты и который до сих пор варился по засекреченной технологии. Вполне логично предположить, что после такого царского пира капитан Андрей Макаров спал как убитый, время от времени похрюкивая и мерно цедея тягучую слюну. Не самая лицеприятная картина, конечно, – особенно учитывая, что в прошлом он носил звание ни больше ни меньше героя Солнечной системы и Та-Кемета.

Но это в прошлом.

Сейчас же он больше напоминал спившегося бомжа: его острокнутое лицо украшала жёсткая щетина, о которую при желании можно было заточить тесак, впалые щёки покрывало раздражение, скорее всего появившееся от постоянного смешивания алкогольных напитков, отросшие чёрные волосы с ярко заметной стальной проседью закрывали уши, а когда-то рос-

кошные бакенбарды сейчас напоминали двух разъярившихся и давно не мытых псин. По крайней мере, одет он был в форму ВМО: тёмно-синий камзол с кричащими золотистыми эполетами, приталенная белая рубашка, которую в теории должно украшать пышное жабо, но оно отсутствовало не только на капитане, но даже в этой солнечной системе, узкие брюки с модными лампасами и ослепительно-яркие высокие сапоги с внушительным каблуком. Да вот только всё это форменное великолепие оказывалось велико Макарову размера эдак на три: так как последние несколько лет он сидел на алкогольной диете, то сейчас его ранее ухоженное тело напоминало узловатый скелет, покрытый скудным слоем кожи и остатками того, что раньше называлось мышцами. Интересно, что при таком образе жизни у него полностью отсутствовал такой мужской атрибут, как пивное пузико, – века сменяли друг друга, технологии совершенствовались и снова забывались, а избавиться от этого феномена невозможно. Однако Макаров каким-то удивительным образом не пал жертвой этой мужской заразы, хотя и потреблял пиво эпичными порциями. В итоге шикарнейший мундир капитана ВМО висел на нём как объёмистый мешок на анорексике – каждое утро ему приходилось подгонять его под свою фигуру при помощи примитивных шпилек. А зачастую он просто прикрывал всё это дело своим обожаемым плащом – интересным элементом гардероба, обладающим высоким воротником, массивными отворотами на рукавах и такими длинными полами, что они почти доставали до земли. Чёрный цвет капитанского плаща придавал ему сходство с соборными внемлющими и осознавшими – неприятными типами, столкнуться с которыми капитан не пожелал бы никому. Вторая проблема заключалась в том, что спал он не в грязной и изношенной капитанской кровати, на которой при желании можно было поместить ещё пару-тройку таких же, как и он, капитанов (остальные члены команды обзавидовались бы Макарову, если бы знали о размерах его ложа: «Энкратуриус» отнюдь не славился удобством матросских и гражданских кают), и даже не на скользкой и неудобной кушетке, ненавидимой Андреем всеми фибрами его души, – своё брненное тело он расположил на полу, причём в самой неудобной позе, до которой только могло додуматься его подсознание.

Вчера он, конечно, позволил себе лишнее – и в этом нет ничего удивительного: одно дело – служить такси для вонючих шахтёров, и совсем другое – задание, которое он вчера получил по защищённому каналу напрямую из Лунного штаба ВМО. Надо сказать, в последний раз его вызывали по этому каналу примерно семь лет назад – с самыми нехорошими последствиями... Теперь же всё вышло совсем по-другому. Теперь у капитана был шанс. Теперь он мог изменить свою жизнь раз и навсегда. Более того, скорее всего, он бы смог отомстить... Только сначала он захотел в последний раз как следует напиться – во имя долгих семи лет отчуждения и изгнания.

О входе в солнечную систему планеты Куахти капитана оповестил его личный бортовой компьютер, что одновременно послужило для него будильником. Раскальвающаяся голова намекала Макарову, что было бы неплохо сегодня вообще не вставать, а затёкшая правая рука напомнила о том странном и непередаваемом чувстве, когда он лишился левой. Тогда он лежал на испещрённом микропробоинами дьявольски холодном полу доживающего свои последние минуты армадского крейсера «Виорра»; его трясло так, будто он вот-вот разорвётся на мириады маленьких кусочков, а головокружение создавало впечатление падения в штопор. Он попытался опереться на левую руку, чтобы встать, но осознал, что даже если мозг и посылает сигналы в её рецепторы, то они никуда не доходят, – не было ни боли, ни мучительной агонии: просто невероятное чувство того, что часть его куда-то исчезла, будто её никогда и не было. И сейчас он чувствовал себя примерно так же: словно его судно только что обстреляла целая флотилия примакальных судов-уничтожителей. Искусственная левая рука потянулась к правой и проделала некое подобие скрипучего массажа («Надо будет смазать...» – пронеслось в этот момент у Андрея в голове), и через некоторое время капитан уже стоял на ногах, при этом пошатываясь и спотыкаясь, но всё-таки в вертикальном положении.

Голова разразилась пылающим вулканом, а из лёгких вырвался душераздирающий пыльный кашель, и капитан понял, что если он прямо вот сейчас, немедленно, не заглушит всё нарастающую боль хоть какой-то дозой этилового спирта, то он, скорее всего, умрет в кошмарных муках. Походкой человека на грани жизни и смерти он прошагал к своему холодильнику – устарелому устройству, за сущие гроши купленному у барахольщика на одной из автономных заправок, где-то на пути к сверхскоплению Персея-Рыб. Дверь холодильника недружелюбно скрипнула, и капитан обнаружил, что его содержимое может порадовать только сгустком плесени, который раньше был экзотическим фруктом с Марса, и почему-то пустой бутылкой лоржеи (жуткий напиток, по вкусу напоминающий прокисшее молоко, – зато по голове даёт сильнее, чем осиновая дубина). Андрею захотелось хлопнуть дверью холодильника так, чтобы он перевернулся и пробил собой обшивку корабля, но он справился с гневом, вспомнив о своей головной боли, и закрыл её тихонько и аккуратно. Капитан, бросив унылый взгляд на год как сломанный пищевой синтезатор, чертыхнулся, мысленно пообещал переломать все кости уволившемуся с корабля инженеру, а заодно и командованию ВМО, которое подсунуло ему такую ответственную миссию как раз в разгар его ежегодного запоя, и начал размышлять, чем ещё он может вылечить адские боли в черепе.

Мимолётом Макаров взглянул на себя в настенное зеркало и понял, что надо бы не то чтобы привести себя в порядок, но даже произвести настоящую реставрацию. Благо, камера восстановления всё ещё работала, в отличие от большинства примочек на этом летающем корыте.

Он вздохнул, потянулся, в очередной раз прослушал скрипучую арию в исполнении своей искусственной руки и решил провести время наедине с собой и трудом всей своей жизни, который он озаглавил просто и ясно – «Человек»: благо дрейф продлится ещё целые сутки, а писание всегда отвлекает его от головной боли. Макаров решил написать свою книгу, после того как в магазине на Марсе ему попала на глаза голокнижка под названием «Рактоног. Тот, кто даёт космосу свет». Капитан, оскорбившись в своих лучших чувствах, скомкал в руках форменную фуражку ВМО, в душе посетовал на несправедливость и неблагодарность любого инопланетного разума и именно тогда написал первые строки своей книги, которые, надо сказать, потом переписал несколько раз, дабы его никто не заподозрил в расизме. Никогда в своей жизни он не был расистом: он всегда испытывал уважение к жителям и аборигенам любой из возможных планет. Ну практически всегда. Иногда. Да нет же, всегда и всенепременно. Как и любой житель планеты Та-Кемет. Да, самообман был определенно присущ сущности Макарова.

«Человек! Да, это до сих пор звучит гордо. Человек самостоятельно вышел из глубин океана, пробрался через непроходимые леса невежества, развёл свой первый костёр, убил своего первого мамонта, построил себе дом, написал первую книгу, сочинил незабываемую мелодию, развязал войны и так же быстро закончил их, построил космический корабль и, подобно ангелу милосердия, вознёсся к небесам, простирая свою щедрую длань инопланетным разумам, которые так нуждались в его помощи. Человек был первым, кто установил контакт с жителями другой планеты и дал им шанс пробиться в сокровенные тайны космоса. Не требуя никакой благодарности, он кормил детёнышей аквиллов, ухаживал за свежими яйцами рактоногов, показал оцимусам, что такое огонь и как им пользоваться, и даже объяснил альдебаранцам, что нет ничего страшного в хождении по суше – им просто нужно было спуститься с небес на землю...»

Капитан усмехнулся своему бездарному каламбуру и продолжил заносить в компьютер свежие мысли. Надо сказать, он намеренно не пользовался своим сектором Простора, что заметно упростило бы написание его книги и её неминуемую редактуру, но в последнее время Андрей столкнулся с изрядными приступами паранойи, а посему искренне опасался, что какой-нибудь хакер взломает его сектор и выкачает всю важную информацию и труд всей его жизни прямо у него из головы.

«Поэтому неудивительно, что человек до сих пор занимает первенствующее положение в Галактике, возвысив себя над примитивными...»

– Зачеркнуть последнее слово! – раздражённо бросил он в сторону компьютера и продолжил.

«...менее удачливыми представителями галактического сообщества. Мы распростёрли свои огненные крылья межгалактических двигателей и долетели до самых тёмных закоулков Галактики, сея вокруг себя лишь знание, мудрость и просвещение. Не говоря уже о вере. Мы дали всем расам Вселенной то, во что можно верить, мы дали им Слово Единого Бога, единственного в своей премудрости. Мы дали им всё. А что получили в ответ? Что?..»

– Зачеркнуть последний абзац! – снова выкрикнул капитан и резко вскочил на ноги. – Какой Единый, к чёртовой матери...

Надо сказать, что по сути своей Андрей религиозным человеком не был: скорее он просто привык к тому, что кеметское правительство, да и ВМО в том числе, навязывает всем и каждому свои представления о Единой вере. При этом благостные чиновники и политики всячески уверяли межпланетное сообщество, что Единая вера лишь сплотит всевозможные расы, сделает их похожими и уравнивает их менталитеты. Это всё, конечно же, звучало хорошо и красиво, но только Макаров искренне не мог понять, как Единая вера до сих пор не попала под запрет – особенно учитывая, к чему привели её последователи Та-Кемет в прошлом. Или лучше сказать – Землю... Тогда ещё Землю. Регрессия... Забвение... Бесконечная война с цаннами... Собор... Может, всё дело в нём? Может, правительство его родной планеты до сих пор трясётся в страхе перед этой могущественной организацией, которую, может, и изгнали на Плутон в прошлом, но она до сих пор имела свою армию, свой флот и своих агентов по всей Галактике. Кто они, эти внемлющие, услышавшие и осознавшие? Что же, в скором времени у него появится шанс узнать это.

Андрей намотал несколько кругов по каюте, собрался с мыслями и снова сел за приёмщик мыслей в надежде написать ещё хоть несколько строк.

Внезапно за стенкой его капитанских покоев разразился настоящий ураган – казалось, кто-то медленно резал ножом непотребного карданского хряка. Капитан выругался последним словом, вспрыгнул на ноги, перекошил лицо от непомерной боли в височной доле и рванул обратно к маленькому холодильничку, где вознамерился выжать ещё хоть несколько капель из бутылки с лоржеей. Спасение, к сожалению, к нему не пришло: содержимое бутылки состояло исключительно из сухой мухи и пары-тройки пылинок, – даже при всём напряжении мысли Андрей не смог бы объяснить, как так вообще вышло. Пение продолжалось, и капитан понял, что пора ему осуществить выход в свет, чего он не хотел делать по крайней мере до завтрашнего утра, на которое назначил общекорабельное совещание – алкоголизм алкоголизмом, а они всё ещё находились под предводительством ВМО, так что приходилось выполнять определённые поручения от вышестоящего командования, что, конечно, чрезвычайно нервировало Макарова, так как раньше он отдавал приказы, а все эти инопланетные чудики бегали у него на побегушках... А теперь... теперь можно лишь ругаться, что капитан и сделал, припомнив ещё одно словечко из обильного кеметского кладезя нецензурщины. Ладно, это задание совсем другое. Оно всё изменит.

Пьяные песни не думали заканчиваться – всё усугублялось тем, что пропитый хор решил не ограничиваться современной классикой алкогольных песен, а вдарился в настоящий фольклор: мелодии, которые сопровождали любое космическое застолье уже не первое столетие. Макаров предположил, что некоторые из этих песен знали ещё до Забвения – жаль лишь, что в настоящем исполнении они превратились в заунывный вой, от которого Андрею хотелось выброситься в открытый космос. В углу каюты обнаружился тот самый выдавший виды капитанский плащ из чёрного синтезированного полимера, который в теории считывал показатели тела носившего и время от времени предупреждал об опасностях и возможных вирусах. Плащ

Макарова перестал работать ещё полтора года назад и теперь мог лишь определять, когда его владельцу нужна стрижка. Однако он так к нему привык, что носил всегда и везде, даже в тех ситуациях, когда этого не требовали формальности или обстановка.

Капитан рванул к двери, и она с явным недовольством поползла в сторону, однако выйти из неё оказалось не так и просто – со стороны коридора к ней привалилась туша явно хватанувшего лишнего кока. Рядом с ним огромная крыса с аппетитом доедала роскошный капитанский завтрак. Андрей нервно сморгнул, отпихнул крысу (она лениво перекатилась с бока на бок и медленно двинулась восвояси) и, совершив отчаянный прыжок через кока, вломился в покои навигационного командования, которые по необъяснимому дизайнерскому просчёту находились как раз рядом с его каютой. Два певуна всё ещё сидели за столом, в то время как третий пустился в пляс, размахивая своей длинной бородой и выписывая ногами такие па, что не снились и стоногому гипшару.

– Всем немедленно построиться! – Капитан рявкнул так громко, что песня немедленно стихла, а танцор замер на месте и посмотрел на вышестоящее командование таким взглядом, будто увидел свою смерть.

– Капитан... – пробурчал он.

– Сама догадливость! – немедленно парировал Макаров.

– Капитан... – Навигатор вытянулся по струнке. – Мы уже давно легли на нужный курс и начали сканирование Куахти. Через двадцать три стандартных часа мы пришвартуемся к станции Дерис для заправки и подбора пассажиров.

– Ага, пассажиров. – Капитан полазил по карманам и чуть было не улыбнулся, когда нашёл там одинокую сигарету. – Господин Артер, если не ошибаюсь. – Его собеседник кивнул, и на секунду Макарову показалось, что из бороды у него что-то выпало. – Расскажите мне что-нибудь, что мне неизвестно.

– Тогда чем мы ещё можем вам помочь? – Два других навигатора молчали, видимо, решив, что одного парламентёра достаточно.

– Ну, к примеру, вы можете застрелиться из того звуковика. – Он указал на оружие, которое украшало собой обшарпанную стену навигаторских покоев. – Или же просто заткнуться, пока ваш капитан занят работой.

– Работой, капитан?

– Да, знаю, это словечко для вас в новинку. – Макаров отломил фильтр, и сигарета запищала, предостерегая о возможном вреде для лёгких. – Но мне надо дописывать... – Он на секунду замолчал, осознавая, что рассказывать навигаторам о своей книге было бы по меньшей мере глупо. – Готовиться к визиту пассажиров.

– Капитан, – Артер говорил осторожно, но вполне уверенно и, может быть, даже немного нагло, – информирую вас, что, при всём нашем уважении, у нас сейчас релаксационная смена, которую мы проводим в соответствии с уставом...

– Не припомню, чтобы в уставе было прописано безостановочное потребление алкогольных запасов корабля и распевание давным-давно устаревших и всем надоевших мелодий, да ещё таким голосом, что всех демонов распугать можно. – Сигарета шла легко, словно он курил не убойный табак со спутника Арейры, а обычную полевую травку. – Более того, если вы ещё раз посмеете мне дерзить, то я вот этими руками оторву вам бороду и заставлю сожрать её...

Даже смены тона никакой не было – Макаров говорил всё тем же хриплым и размеренным тоном, а вот животы навигаторов, а особенно у Артера, заурчали прямо-таки сразу. Одна из особенностей капитана – никогда нельзя было понять, когда он просто упражняется в язвительности и красноречии, а когда серьёзно готов порвать подчинённого, который подвернулся под руку. Не то чтобы ему были присущи вспышки спонтанного гнева, но любой матрос на корабле прекрасно слышан, в чём этого человека обвиняли в прошлом и почему его раз-

жаловали. Раз он смог совершить то, о чём говорит вся Галактика, то изничтожить одного маленького навигатора – как комара прихлопнуть.

– Да, капитан, мы поняли, капитан. – Это откликнулся уже второй из компании навигаторов, Ярослав, длина волос которого могла поспорить с длиной его бороды.

– Отлично. – Макаров повернул голову к Артеру. – А ты понял?!

Вот оно. До вспышки гнева совсем недалеко. Артер сглотнул и проямлил:

– Да, капитан, больше никакого шума.

– Отлично.

Напряжение сразу спало, и Макаров двинулся по покоям, осматривая быт и пожитки навигаторов: тут было много всего, недаром говорили, что их каста – барахольщики. Скланки с замаринованными существами с разных миров, устройства непонятного назначения, среди которых встречались и новые, и раритетные, многочисленные свитки, книги и карты, беспорядочно разбросанные то тут, то там, и, конечно же, пустые бутылки из-под эля, пива, карнака и даже классической водки – где они её только отрыли? Капитан бы и сам не отказался от стопки... Был здесь и аквариум, в котором ползало кошмарное чудовище, переваривать которое Макаров ну никак не мог: сколопендра. И не какая-нибудь там инопланетная, а самая что ни на есть родная, гигантская – причём модифицированная: на усиках виднелась пара антеннок, которые делали жуткое существо равным по интеллекту домашним кошкам. Кому только пришла такая идиотская мысль в голову – дать интеллект сколопендре? Навигаторы с опасением наблюдали за капитаном, не желая дразнить или злить его ещё больше, – мало ли что ему в голову взбредёт?

– Я понимаю, что до некоторого момента у нас на «Энкратуриусе» царил полный бардак и беспредел. – Он прихватил продолговатый предмет, который еле заметно жужжал и вибрировал, при этом проецируя в голову бессмысленный набор букв и чисел. – Но всему есть граница.

– Мы понимаем, капитан. – Ярослав определённо был местным дипломатом и мировым судьёй. – Мы это обязательно учтём на будущее.

– Особенно тогда, когда ВМО удостоило нас важной и ответственной миссии.

– Капитан, – Артера, казалось, немного подавляло происходящее, – простите мне мою неосведомлённость, но мне казалось, что перевоз беженцев с одной планеты на другую не считается ответственной миссией... ВМО, при всей своей гуманитарной пропаганде, гораздо больше выгоды видит в...

– Господин Артер, знаете, что раньше полагалось по уставу за отсутствие патриотизма? – Тот же самый спокойный голос, в котором, однако, прозвучало столько железа, что хватило бы на новый космолёт. – Тридцать дней в одиночной камере с попеременной подачей кислорода. Сейчас такая практика, к сожалению, запрещена какой-то там правозащитной организацией, но ничто не помешает задушить мне вас одной своей рукой. Вам всё ясно?

– Всё ясно, капитан, но всё же... – Каста навигаторов всегда славилась своей неуживчивостью с вышестоящим начальством; видимо, сказывались последствия чрезмерно развитого спинного мозга. – Миссия кажется мне, – он на секунду задумался, – кажется нам довольно рутинной.

– Борода у вас рутинная, Артер. – Капитана внезапно посетила навязчивая мысль: ему захотелось всё рассказать этим пьяным увальням и посмотреть на их реакцию. Да, по протоколу он должен был доложить о реальной миссии «Энкратуриуса» на предстоящем совещании корабельного состава, но какого чёрта? Неужели нельзя хоть немного себя порадовать?

– Знаете, что меня больше всего бесит? – Капитан и принялся мерить шагами каюту, с удовольствием замечая на лицах навигаторов нечто вроде признаков протрезвения. – Зазнайки, которые смеют выражать своё мнение, когда обладают лишь десятой долей информации. Вам же, как я вижу, неизвестно, что мы будем перевозить не только беженцев, но и ещё одну очень важную персону.

– Кого же? – Лучшим лекарством от опьянения всё ещё являлось любопытство: все трое навигаторов вытянули шеи по направлению к капитану и мерно потрясывали бородами.

– Внемлющего.

Андрей на секунду замолчал, оценивая их реакцию на новость: недавно танцевавший навигатор протрезвел настолько, что застыл на месте и теперь его можно было принять за статую. Другие навигаторы, казалось, моментально поседели и состарились: пожалуй, во всей Вселенной не было другого человека или даже существа, кого они боялись больше, чем внемлющего. Вот уже сто лет как внемлющие сновали по Вселенной в поисках тех, кого они считали еретиками, отступниками или же просто врагами Единой Веры и силой отвозили их на свою базу на Плутоне. Что происходило там, не знал никто. Поговаривали, что им очищали разум и превращали в верных и бездушных служителей церкви, которые остатки своей жалкой жизни проводили в тёмных коридорах Великого Храма, вымаливая себе прощение или же быструю смерть. Другие рассказывали об изошрённых пытках, когда человека буквально разделявали на миллионы всё ещё живущих и чувствующих кусочков. В любом случае противников Собора ждала не лучшая участь. Парадокс в том, что Собор считался абсолютно независимой организацией, которая даже имела членство в ВМО. Де-факто они друг от друга не зависели, но существовал целый ворох положений, которые разъясняли внемлющим, кого они имеют право обвинять в ереси, а кого нет. На самом же деле люди иногда исчезали без суда и следствия – особенно с дальних рубежей, где ВМО имело минимальное присутствие. Более того, учитывая всю религиозную пропаганду со стороны Та-Кемета... Кто знает? Теоретически «Энкратуриус» выступал как определённая буферная зона, где внемлющий не сможет причинить вреда ни одному матросу, но кому приятно находиться в обществе могучего зрячего-фанатика, который загубил не одну и даже не десяток душ?

– Как мне вчера доложила штаб-квартира ВМО, в настоящем секторе космоса нет ни одного свободного корабля, кроме нашего. – Капитан был определённо доволен произведённым эффектом. – Большинство заняты последствиями войны с цаннами или же уведены на границу с нейтральной территорией. Не могу сказать, что я рад такому шансу реабилитироваться перед ВМО, но другого выхода нет, и нам придётся взять внемлющего к себе на борт. Как вы понимаете, в момент его перевозки на корабле должна быть восстановлена жёсткая дисциплина. Я требую, чтобы каждую каюту, каждое машинное отделение, каждую рубку вычистили до зеркального блеска. Я требую, чтобы каждый член моей команды обращался ко мне в соответствии с моим капитанским чином, а это означает, ГОСПОДИН АРТЕР! – Когда капитан наконец рявкнул, навигаторы даже вздрогнули. – Что ни один поганый навигатор не смеет мне грубить или ставить под сомнение мои приказы или мнения.

– Да, капитан... – Два обречённых голоса.

– Я требую, – продолжил Макаров, – чтобы всю живность собрали в мусорный отсек и выкинули за борт. И да – это касается вашей чёртовой сколопендры, господин Артер.

Побритый налысо и от этого напоминавший человеческого зародыша (с бородой) младший навигатор и неудачливый певец Артер вздрогнул и хотел было возмутиться, но понял, что лучше будет впервые за время разговора промолчать и просто запрятать гигантскую сколопендру Летицию к себе в сейфовый шкаф – так и шума меньше, и его верное домашнее животное целее.

– Но что самое главное, – пауза определённо была намеренной, – я требую, чтобы вы немедленно прекратили этот истерический вой! Вы мешаете как мне, так и другим членам... – капитан вспомнил про спящего кока и усомнился в том, что ему помешает даже взрыв сверхновой, – ...этой команды. Надеюсь, я ясно выразился. Немедленно займите свои места на командном мостике и лично следите за сканированием поверхности этой... Как её?

– Куахти... – шепнул волосатый навигатор Ярослав и моментально съёжился.

– Я помню! – гаркнул Макаров и резко развернулся на месте, намереваясь с победой уйти в свои покои и там продолжить свои письменные экзерсисы. По пути он незаметно прихватил со стола недопитую бутылку некоей мутной жидкости: теперь надо было быстрее бежать к себе в каюту. Но тут ему в голову пришла одна интересная мысль. – Артер!

– Да, капитан? – Артер к этому моменту решил, что эти два слова являются наиболее полезными в общении с Макаровым, особенно когда он ни с того ни с сего решил воссоздать дисциплину на «Энкратуриусе».

– Как зовут третьего? – Он указал худым пальцем на пышного навигатора, делившего скамью с Ярославом: за весь разговор он не сказал ни слова, лишь покачивая головой, грустно моргая свинячьими глазками, облизывая губы и время от времени приглаживая распухшей рукой раздавшуюся бороду. – И почему он молчит, когда с ним капитан разговаривает?!

– Э-э-эм-м... Капитан... Его зовут Смогли и... он немой.

Капитан расширил глаза и уставился на Артера непонимающим взглядом.

– Это распространённый дефект у навигаторов, – осторожно продолжал тот, стараясь не наговорить лишнего, – да и не только у нас: даже у обычных зрячих наблюдаются ещё более заметные отклонения. Считается даже, что немые навигаторы лучше наводят курс и держат координаты... Они, как бы вам сказать, чтобы вы поняли...

– Да, скажи мне, чтобы я понял... – Макаров сжал кулак и невольно поймал себя на мысли, что сейчас украсит лицо Артера красивым синяком.

– Они лучше... э-э-эм... настраиваются на космос... – Артер сглотнул и попытался дать понять капитану, что больше он не вправе рассказывать. Принадлежность к касте навигаторов подразумевала не только умение пронизывать космос в поисках червоточин, точек наведения и безопасных траекторий, но и умение хранить свои внутренние секреты, которые делали касту незаменимой для ВМО и других организаций, бороздящих космос.

– Ясно. – Капитан вполне уловил мысль Артера. – Бывай! – гаркнул он, глядя на Смогли. – Запомните то, что я тут вам наговорил, – добавил он и быстро выскочил в коридор, с удовольствием вслушиваясь в навигаторские шепотки и ощущая настоящей рукой приятной холод трофейной бутылки. Теперь можно возвращаться в каюту и хоть немного поработать над книгой, которую, будем говорить честно, он писал уже года четыре, но каждый раз переписывал снова и снова. А заодно – и вылечиться.

Но как только он оказался в коридоре, «Энкратуриус» будто очнулся ото сна: каждая целая и разбитая лампочка замигала красным цветом, а хриплый голос по радио объявил об «экстренной ситуации». «Невозможно... – пронеслось у Макарова в голове, – Что-то произошло...»

Через несколько минут командный мостик кишел сонными и всё ещё пьяными матросами, которые бегали от одного экрана к другому, сверяя поступающую на корабль информацию с архивами ВМО. Крики, матерная брань и нервные смешки превращались в какофонию, сводившую капитана с ума и в то же время странным образом радующую: впервые за несколько лет его команда что-то делала, а он находился в центре этого упорядоченного хаоса. Ещё десять минут безумных гонок по мостику, и перед Макаровым выросла фигура младшего офицера Гариманова, который, как потом выяснилось, был самым трезвым среди всей команды, да и то потому, что ему в пищевод вмонтировали чип, отторгающий все возможные виды алкоголя.

– Мы... – Он запнулся.

Выдохнул, откашлялся и снова начал:

– Мы нашли Каспера Вэнса.

Капитан Андрей Макаров никак не отреагировал на это заявление, он лишь немного сузил глаза, украшенные добротными синяками, и произнёс:

– Вы считаете, мне должно быть известно это имя?

Гариманов немного потупился, словно внезапно забыл весь кеметский лексикон, но положение спас внезапно появившийся справа от капитана его собственный заместитель Дол Гакло, – как и у любого урождённого марсианина, его кожа имела смуглый оттенок, а золотые глаза были лишены век, вследствие чего они постоянно краснели и иссыхали: приходилось носить специальные очки, которые предохраняли их от вредоносного климата других планет.

– Каспер Вэнс является одним из самых разыскиваемых преступников в Галактике, на его счету сотни преступлений, махинаций и просто случаев неуважения к закону... Только в открытой базе данных зарегистрировано около тысячи обращений от жителей ближних и дальних колоний, которые варьируются от соращения до предумышленного убийства.

– То есть большая птичка? – Капитан выглядел незаинтересованным, но внутренний голос ему подсказывал, что наклёвывается что-то большое – то, что снова может привести его на вершину военной карьерной лестницы. Больше не придётся общаться с этой гражданской шелупонью вроде навигаторов, физиков, ксеносоциологов и иже с ними... Более того, перевозка внепланетного может оказаться не такой и важной на этом фоне. – То есть его поимка не просто важна, но просто обязательна?

– Я бы сказал так, капитан. – Макарову нравился Гакло, он был той же закалки, что и сам капитан, разве что немного попроще в общении с подчинёнными, но всё же.

– Раз так, то, может, кто-то соизволит сказать, где он?! – Капитан скрывал свою заинтересованность, которую подчинённые могли принять за слабость.

– На планете Куахти. В каком-то смысле наш корабль указывает прямо на него. – Гариманов был счастливым обладателем образного мышления. – Посреди пустыни... Сканер показывает, что он без сознания. Логично, что он страдает от истощения и чрезвычайной жары.

– Немедленно запеленговать его и держать на мушке, пока мы не сможем выслать за ним лифт. Мне нужны два человека, два матёрых солдата, шприц, успокоительное, а также сонное ружьё на случай сопротивления. Пока он не в городе, мы его изловим. – Капитан замолчал, оглядел затаившую дыхание команду и продолжил: – Дальнейшую процедуру вам объяснять не надо, надеюсь...

– Один момент, капитан. – Дол Гакло имел обыкновение держать руки за спиной, в том числе ту, которой он давно лишился; это некоторым образом тоже сближало его с Андреем. – Каспер Вэнс совершил в прошлом сто двадцать один зарегистрированный побег из рук закона. Я бы рекомендовал принять дополнительные действия в виде предупредительной меры номер шесть-пять-шесть.

«У всего есть свой номер», – пронеслась ненужная мысль в голове капитана, но вслух он сказал совершенно другое:

– Да, согласен, выполняйте... – Он ума приложить не мог, о каких мерах говорил Гакло, но выказывать безразличие к протоколу и бесконечным номерам и кодам ВМО он не хотел. – Если понадобится, я буду у себя в каюте. И... Гариманов.

Тот всё ещё стоял с недовольным лицом, на котором выделялись нос картошкой и огромная татуировка, закрывающая правый глаз и добрую половину лба, – она изображала то ли доисторического птеронадона, то ли милую птичку с планеты Дромагон, на которой они причаливали два с половиной года назад.

– Проследите, чтобы навигаторов лишили алкоголя вплоть до того момента, пока мы не прибудем на Плутон. – Гариманов кивнул, и капитан понял, что настало время откланяться. Хороший не тот капитан, который умеет раздавать приказы, а тот, который даёт их выполнять.

Капитан вошел в свою каюту и устало плюхнулся в кресло, которое в прошлом служило ему и кроватью (уж поудобнее пола будет), и массажёром, и ещё чёрт знает чем, и просто вытянул ноги. Он испытывал двойственные ощущения – с одной стороны, хотелось послать всё куда подальше и просто продолжить скитаться по космосу с рутинными миссиями, при этом

активно потребляя спиртное и пробуя табаки каждой встреченной им планетки. Он прекрасно осознавал, что умные люди называют подобное состояние души стагнацией, но большего ему на данный момент и не хотелось. Или всё-таки хотелось? Заиндевший мозг начал потихоньку оттаивать: если он сейчас поймает этого Каспера и привезёт его прямо в штаб ВМО, то его могут не то чтобы реабилитировать, но по крайней мере повысить. Он снова будет выполнять важные и ответственные миссии, снова получит собственный военный крейсер, а не этот начинённый алкоголиками, психами и имбецилами драндулет. Капитан закрыл глаза, и перед ним мгновенно возник интерфейс его сектора Простора – к сожалению, соединения с кеметской сетью на данный момент не было, но он заблаговременно скопировал себе в сектор все архивы Военно-Космического флота.

– Каспер Вэнс. Полная информация, – приноровиться к управлению Простором при помощи мыслей было не так и просто, но практически все воспитанники доминантных планет проходили соответствующее обучение ещё во время начального образования. – Преступник. – Последнее он добавил на случай, если вдруг в базе данных Касперов Вэнсов окажется больше чем нужно, хотя лично он сомневался, что чьи-то ещё родители могут быть настолько жестоки, чтобы так обозвать ребёнка. Хотя однажды он слышал об отдалённой людской колонии, где имена даются детям в качестве наказания за их проступки... Может, этот Каспер как раз оттуда.

За считаную долю секунды он уже обладал полной информацией о Вэнсе – точнее, тем, что взэмошные клерки считали информацией: обвинения провинциальных судов, жалобы планетарных политиков, сплетни пойманных пиратов... Послужной список Каспера, конечно, производил впечатление, но достоверностью здесь и не пахло, – если верить всем поданным в его голову сводкам, этот недомерок убил человек четыреста, в чём Макаров очень сомневался: маньяка такого масштаба давно бы уже изловили при помощи отряда зрячих – не пожалели бы средств на специалиста третьего уровня или даже наблюдателя: эти могут откопать человека за пару световых лет. А может, он и вправду гений, что сумел укокошить столько человек и слинять от всех нарядов ВМО. Кто знает? В любом случае дело пахло отвратительными сложностями, а потому капитан пребывал в нерешительности.

Между подушками кресла внезапно обнаружилось сокровище: он зажал сигарету ссохшимися губами и сделал такую глубокую затяжку, что чуть не закашлялся, – не хватало ещё ему простудиться перед внемлющим. Прогорклый дым окутал его легкие (точнее сказать, «лёгкое», так как на месте второго ему установили силиконовую губку продолжительного действия, – можно хоть гнойными испарениями планеты Уэбстер дышать, всё равно выживешь) и на него мигом нахлынули воспоминания...

Остаётся лишь гадать, почему злодейка-судьба распорядилась с ним так строго и засунула его в древнее корыто, которое, может быть, и считалось век назад самым быстроходным и комфортабельным космическим кораблём за всю историю кораблестроения, но сейчас представляло из себя лишь грудку металлолома с вышедшими из строя светоускорителем и времявыпрямителем. Всему виной чудовищная несправедливость, которая настигла его подобно губительному маятнику, и он ничего не мог с этим поделать. Он отчётливо помнил, как челюсти вице-премьера ВМО клацали и брызгали на него слюной (если эту жёлтую жидкость можно назвать слюной); до сих пор чувствовал, как мускулистые руки ишкетов держали его запястья, чтобы он не мог вырваться; даже те самые слова всё ещё дребезжали в его голове: «Вы разжалованы до капитана». Сколько боли он испытал тогда... Какое это было унижение... он даже не был достоин смерти в их глазах.

Его тяжелые размышления прервало, казалось бы, страннейшее событие, которое, однако, совсем не смутило капитана, а даже обрадовало, – в каюту вплыла летающая буква «Я», написанная стандартным компьютерным шрифтом и достигавшая примерно метра в высоту. Только знающий человек мог узнать в последней букве кеметского алфавита удивительное

существо, которое земные ксенобиологи называли Кайманской Переменной. Существо представляло собой сконцентрированный сгусток невидимой человеческому глазу энергии, который обладал всеми признаками высокоинтеллектуального инопланетянина с высокоразвитым показателем логики. В зависимости от своего настроения, а также от мысли, которую Переменная хотела донести до собеседника, она могла принять форму всего возможного и невозможного, осязаемого и неосязаемого. Во вселенской практике зафиксированы случаи, когда Переменная принимала форму скрипичного звука, что сводило с ума любого инопланетянина, который пытался с ней поговорить, ибо, по широко распространённому мнению, звук можно лишь услышать, но никак уж не увидеть.

Эта Переменная привязалась к капитану ещё лет десять назад, когда он оказался единственным выжившим в Кромальонской резне: он распластался на обугленном поле, усеянном цветами из плоти и крови его сослуживцев и слушал, как грохот пехоты кромальонцев становится всё ближе и ближе... Он открыл глаза, приготовившись из последних сил броситься на этих парнокопытных уродов, как вдруг услышал что-то, что буквально пронзило его душу насквозь, заставив забыть и о бесчеловечной бойне, и о бесчисленных трупах, что окружали его, и о своём чувстве самосохранения, которое обычно бессознательно ставится любым человеком в высочайший приоритет. Андрей услышал зов, но не крик, нет, скорее измученный и усталый шёпот, что происходил из непонятного и неподвластного ему источника. Сейчас он не мог сказать точно почему, но тогда Макаров решил, что голос этот исходит откуда-то из-под земли, – и он принялся копать мокрую от крови почву голыми руками, буквально раздирая пальцы о мелкие и твёрдые камешки и срывая ногти неподатливыми корнями местных растений. Возможно, со стороны он выглядел как сумасшедший, обезумевший от войны и бесконечного насилия, но тогда Андрей понимал, что у него есть цель – он должен найти источник этого голоса. И когда он уже начал приходить в себя и осознавать всю абсурдность своих действий, навстречу ему из-под рыхлой и красной земли показался лучик света – настолько яркий и всепронизывающий, что он только и мог что зажмуриться и откинуться на спину, почувствовав, как прямо над ним пронёсся разряд допотопного бластера. Когда же он открыл глаза, то прямо перед ним сидела девушка неземной красоты, чья смуглая кожа удивительным образом блистала в огнях сгоравшей планеты, а волосы развевались чёрным флагом на фоне бессмысленного разрушения. Силы покинули Макарова – он потерял много крови и фактически лишился хоть какого-либо запаса сил: оставалось лишь одно – умирать.

Очнулся Андрей уже на крейсере-лазарете ВМО, в уютной реанимационной капсуле, пройдя несколько курсов восстановительного лечения и пластических реконструкций – его потрепало очень сильно, и если бы не спасённое им существо, то он бы уже давно отдал свою душу космосу. Она находилась рядом с ним и не отходила от его капсулы ни на секунду – или, можно сказать, не отлетала, так как Переменная постоянно меняла свой облик и то обращалась в какое-то экзотическое животное, то в неодушевлённый предмет, то во что-то настолько трудноописуемое, что человеческое воображение не могло себе представить даже в самых смелых мечтах. Инопланетянка рассказала ему, что он спас её из многотысячелетнего заточения, буквально пожертвовав своей жизнью, за что она готова теперь отдать ему свою – практически бесконечную, особенно по человеческим меркам. Именно она сделала так, чтобы кромальонцы не смогли найти и добить его, а его жизненные силы не покинули окончательно. Когда же битва закончилась и на поле боя вышли поисковые отряды ВМО, то Переменная сделала так, чтобы Андрея нашли. Так они и путешествовали вместе, и переживали все удары судьбы, которые выпадали на долю капитана, – честно признаться, если бы не она, то Макаров давно сгнил бы в каком-нибудь кабаке на окраине исследованного космоса. Иногда, конечно, ему надоедал тот факт, что Переменная постоянно принимает новые формы, но её неоценимые советы и логическое восприятие мира сослужили ему неоценимую помощь. Он не раз спрашивал Переменную, кто именно её заточил в её импровизированную темницу, которая, как он понял, была

более ментальной, чем физической, но инопланетянка каждый раз то ловко меняла тему, то просто отмалчивалась. Но самое удивительное заключалось в том, что, как этого ни хотел сам капитан, Переменная больше никогда не превращалась в ту девушку, что он впервые увидел на Кромальоне – даже если в своих снах он часто видел её смоляные волосы, закрывающие собой весь уродливый горизонт этой ненавистной ему планеты...

Сейчас же она, конечно, приняла совсем странную и непонятную форму – одно дело обратиться каким-нибудь инопланетным уродцем или животным, но совсем другое – буквой алфавита... Ну да ладно, он потом об этом задумается.

– Я почувствовала, что вы хотите переговорить со мной, наисветлейший мой капитан, – запела Переменная голосом молодой девушки лет двадцати пяти. – Только сразу хочу предупредить, что сегодня я в настроении называть вас просто Андреем.

– Это не имеет значения, – соврал капитан и в душе обиделся. – Ты уже, наверное, слышала последние новости? На этой жалкой планетке обнаружено настоящее преступное сокровище: Каспер Вэнс. Хотя, конечно, ты всё и без меня знаешь, что я спрашиваю...

– Что в нём такого, милый Андрей? – В отличие от недавних песенных воплей навигаторов, голос Переменной напоминал капитану мягкий бархат – настолько он был приятным. – Неужели он так важен для твоей расы?

– Пф, глупый вопрос! – Почему-то сегодня ему хотелось грубить всем и каждому, – он обжулил и ограбил сотни торговцев по всей кеметской территории, контрабандой перевозил алкоголь и сигареты на шахтёрские планеты и карантинные космические станции, похитил двадцать четыре реликвии национального масштаба и продал их пиратам, разорил пятьдесят шесть представителей власти со всей Галактики, распространял азартные игры, такие как кости и покер... Но это всё меркнет перед тем, что случилось совсем недавно... Практически год назад...

– Да, я уже нашла, – ворковала Переменная. – Интересный и забавный человек. Выделяется из вашей толпы и попирает всю сложившуюся у вас логику. Не сказала бы, что он уникален. Скорее здесь присутствуют личные мотивы обиды, которые мне не дано понять. И он не убийца, нет... Но не будем об этом. Я пришла сюда немного по другой причине.

Капитан как можно удобнее расположился в кресле и приготовился слушать.

– Светлейший Андрей, – песня полилась ещё красивее, но как будто стала тише и превратилась в спокойное речное течение, – космос есть взаимосвязь происшествий; события переплетаются и создают предпосылки для другого, более значимого события. Каждая жизнь на любой планете есть результат этих событий. Я чувствую здесь что-то похожее... – Песня на секунду оборвалась и сразу же потекла заново: – Я чувствую слишком много совпадений и не вижу в них никакой стройной логики. Меня волнует это. К сожалению, даже если вы и хотели получить мой совет, то вы его не получите. Мне нужно время для анализа отзвуков вашей находки. Мне нужно видеть последствия принятия Каспера Вэнса на борт... Я чувствую что-то... Я не знаю, что...

– Это связано со внеземным? – практически прошептал Макаров.

– Нет, Андрей, – песня словно ускорялась, – хотя я и раньше говорила тебе, что не стоит брать внеземного на борт «Энкратуриуса», в этот раз его сущность здесь ни при чём. Всё дело в каком-то странном тумане, который застилает мои мысли, когда я думаю о Вэнсе. Я волнуюсь за тебя, Андрей, и хочу предупредить: будь осторожен. Логика неясна. Будущее во мраке.

Наступило гробовое молчание, которое никто не решался прерывать.

– Так как же мне поступить? – Он говорил настолько тихо, что даже не слышал самого себя. – Брать его на борт или не брать? Я о Каспере...

– К сожалению, коэффициент логики в данном случае слишком сложно вычислить, и мне может понадобиться не один день на решение этой проблемы. Будет уже слишком поздно.

Как раз в данном случае, Андрей, лучше применить ваш подход, нежели мой. Это вся звуковая информация, которую я могу вам передать.

Такого капитан никак не ожидал: за всё время работы с Переменной она ещё ни разу не давала ему неоднозначного ответа. Она медленно развернулась (русская буква «Я» превратилась в английскую «R») и медленно поплыла к выходу из капитанских покоев.

– Постой-постой, – Андрей устроил локти на коленях, – почему буква «Я»?

– Как я уже сказала, это вся звуковая информация, которую я могу вам передать.

И с этими словами Переменная растворилась в воздухе.

Капитан Макаров потупил взор и трясущимися руками сдёрнул с головы фуражку, обнажив копну тёмных волос, прореженную сединой. И правда, он поседел очень рано, ещё в двадцать пять лет, чему способствовал как образ жизни, так и его вечное душевное состояние: словно мерные весы, которые находятся внутри каждого человеческого создания, никак не могли прийти в равновесие. Он медленно повернулся к голоэкрану, щёлкнул переключателем, оглядел только что возникшее на экране лицо младшего навигатора Артера, у которого наглым образом бегали глаза, и чётко проговорил:

– По готовности занять орбиту вокруг планеты.

Древний и благородный корабль, который большинство разумных созданий давно бы уже разобрало на запчасти и продало на чёрном рынке, еле заметно качнулся и подобно птице, внезапно лишившейся крыльев, ринулся к Куахти. И только гордое название «Энкратуриус» успело блеснуть в свете жестокого солнца планетарной системы под кодовым номером 042.

III. Щаклак

Вишну не могла не удивиться местным аборигенам, которые сходили с ума от любых текстов или записей: щаканаги по каким-то неизвестным причинам не умели писать в стандартном понимании этого слова – видимо, сказывались недоразвитые двигательные функции – а потому обожествляли любой текст, который только попадался им в лапы (или, точнее сказать, – отрубки). В этом смысле первый контакт с людьми явился для них чем-то вроде откровения – навязчивая идея человека записывать на бумагу и в Простор всё и вся показалась щаканагам божественным промыслом, и некоторое время они даже относились к людям как к неким полубогам. Пришлось проводить воспитательную работу и объяснять им, что да как, но даже после этого они продолжали трепетно относиться к любому гостю-гуманоиду, который хоть иногда забредал к ним на планету, – мало ли что он записать захочет. Однако Вишну сейчас интересовало совсем другое – как они отнесутся к человеку, который хочет не одарить их новым письменным реликтом, а выкрасть у них уже имеющийся?

Её наниматель, чьего имени она пока не знала, утверждал, что десять раз подавал запрос на определённый документ в Верховную библиотеку Щаклака, но все десять раз получал вежливый отказ. Однако документ этот был нужен ему позарез, а потому он и решил прибегнуть к помощи такой, как она, – прирождённой воровки. Вишну родилась на далёкой кеметской колонии, которую, как утверждают местные учебники истории, основали ещё во времена Расцвета, до Забвения, под скромным названием Вавилон. На ранних этапах колониального развития планировалось, что на ней будут собирать лучи местного квазара, которые содержали бешеное количество витамина Т, ответственного за развитие телепатических способностей человека, но что-то пошло не так, и колонист за колонистом начал покидать Вавилон в поисках лучшей жизни... В итоге Та-Кемет (тогда ещё Земля) решил использовать её родной дом как своеобразную колонию для мелких преступников – воров, мародёров, вымогателей... Прошли столетия, связи с Та-Кеметом разрушились из-за всем известных событий, бывшие заключённые превратились в аборигенов, подстроившись психически и физически под тяжёлые условия жизни на Вавилоне (сложный газовый состав планеты привёл к тому, что её жители достигали максимального роста метр тридцать, а весили не больше двадцати пяти килограммов), и ввели в обиход культуру воровства. На нём были построены все экономически-планетарные отношения: хочешь есть? Своруй. Хочешь новые тапочки? Тоже своруй! Только не обижайся, если кто-то что-то сворует у тебя. А когда к ним снова нагрянул Та-Кемет и взял их под своё заботливое крыло, мастерство и навыки вавилонских воров оказались на вес золота. Посему, когда она запросила со своего нынешнего нанимателя баснословную сумму денег, он без сомнений согласился: он знал, что так или иначе она выполнит свою работу.

Тонкая и хрупкая, она зигзагами перемещалась по переполненному рынку Щакары – центрального города Содружества Щаканаги, которое занимало целый континент на планете. Аборигены ей ни разу не встретились, они обычно избегали подобных мест, презирая торговлю и рыночные отношения, – в этом плане Вишну была с ними согласна. Зато здесь проводили время другие расы, которые по тем или иным причинам вынужденно осели на этой маленькой и технологически отсталой планетке. Вишну не разбиралась в подвидах инопланетян, но она не могла не удивиться всевозможным конечностям, щупальцам, антеннам, роговицам, лапкам, хитиновым наростам и кожистым мешкам, кои украшали несчётное количество галактических рас. Один поворот, лёгкое движение руки, и она уже держала в руках съедобный фрукт, ранее принадлежавший живой деревянной оглобле с грустными глазками и жутким количеством насекомых, переползающих из одной дырки его «тела» в другую. Ещё одно осторожное движение, и она избежала столкновения с гуманоидоподобным панцирным существом, которое держало в руке стеклянное лезвие, – искало себе обед ни больше ни меньше! Плавный

прыжок, и она поняла, что чуть не раздавила миниатюрную семью гусеничек, каждый член которой издавал противные щёлкающие звуки. Но больше всего ей понравился хозяин прилавка с электротрансформаторами (вместе с этим он почему-то торговал закусками из местного эквивалента баклажана), – по внешнему виду практически мифическое существо: его украшали пять пар когтистых лап, нечётное количество рук, пальцы которых венчались длинными шипами, изукрашенными в разные цвета, и огромные перистые крылья, светящиеся так, что Вишну невольно пришлось зажмурить глаза. Она с трудом представляла атмосферу планеты, где такое экстравагантное существо могло не то чтобы комфортно жить, но даже появиться. Жалко лишь, что она не смогла увидеть его «лица» (если, конечно, у него есть лицо...), – его скрывало диковинное подобие респиратора.

Вишну не разглядывала всех и каждого, всё-таки время поджимало, а её местный контакт, как ей говорили, не любил подолгу ждать. Встретиться с ним надо сегодня, так как уже послезавтра у Щаканаги начинался Всемирный день поклонения Букве, а это означало, что пробиться к нужному документу у неё не будет никаких шансов. Ей нужно дойти до самой окраины рынка, там, где он граничил с местными выгребными ямами, – воистину, не самое лучшее место для встречи. Она пробежала местный бордель, когда услышала гнусавый человеческий голос:

– Эй, креветочка! – Она обернулась лишь из интереса и увидела, что на неё глядит, поблёскивая окулярами, высокий мужчина с улыбкой из золотых зубов и такими маньеризмами, что ей захотелось всадить клинок прямо ему в сердце. – Неплохо заплачу за тебя! Подика прямо сюда! – И он указал на свою промежность, при этом гадко посмеиваясь и дыша как вол.

Вишну проигнорировала его и двинулась дальше, продираясь сквозь очередную порцию рецепторов и разросшихся инопланетных волос, и её нагнали лишь его гнусные ругательства, от которых покраснели бы даже самые отвязные друзья из её родного мира. Она уже не замечала, что чем дальше планета от Центрального штаба ВМО, тем больший на ней царит беспредел, что, может, и звучит логично, но иногда начинался такой разгул преступности, что страшно становилось. Она и сама воровка, что в глазах ВМО тоже не приветствовалось, но по сравнению с этим ублюдком Вишну чувствовала себя святой: он определённо был детским сутенёром, предлагавшим развлечения для тех, кому нужны девочки до двенадцати лет. Она же его заинтересовала своими комплекцией и ростом: если сравнивать её со стандартной кеметской внешностью, то комплекцией она как раз тянула на девочку лет двенадцати, но только с развитыми половыми признаками. Ладно, сейчас лучше забыть об этом уроде, нужно сосредоточиться на текущем задании. Тем более что она и так уже задерживается – randevu с заказчиком состоится через четыре дня, и Вишну очень сомневалась, что успеет добраться до Та-Кемета за этот срок.

На южной окраине рынка в продажу шли самые экзотические товары, доступные в Галактике: говорящие цветы, предсказывающие будущее; ручные слизняки, умеющие излечивать подагру; устройства, напоминающие портативную мельницу и предназначенные для рассеивания мыслей (чтобы их не могли прочесть зрячие); колбочки с разноцветными жидкостями и запахами, варьирующимися от сладких и возбуждающих до тошнотворно-отвратных; кошмарного вида комки гнили, которые, как поговаривали местные торговки с нарывами вместо лиц, позволяют любому существу превратиться в другое; небольшие механические жучки, которые заползали прямо в ухо и, по заверениям самопальных ментальных хакеров, устраняли у человека чип, отвечающий за соединение с Простором... На каком-то прилавке даже раскидали бушель зелёных яблок – настоящая редкость в местных краях, которая стоила целое состояние. Около прилавка дежурило уткообразное нечто с внушающей уважение гравитационной пушкой, – Вишну знала, что такие были запрещены законом ВМО от позапрошлого года, но кому это здесь интересно?

Наконец она увидела нужных ей существ – благо, на первый взгляд они казались людьми: один держал в руке потёртый томик «Руководства по использованию кроваторов» – опознавательный знак. Вишну замедлила ход, ненароком пошарила в кармане пальто какого-то чудища с огромными ушами-локаторами, нашла там лишь нечто, похожее на иссушенный эмбрион, и размеренно подошла к нужной ей паре. Державший в руках книгу мало чем отличался от стандартного галактического бомжа – из одежды на нём висели одни лохмотья, из дыр которых выглядывали телесные волосы, которые, видимо, покрывали всё его тело. Лицо выражало изрядную усталость: мешки под глазами поражали своими размерами, искривлённый рот постоянно что-то жевал, а впавшие щёки испещряли прыщи и угри. Лицо второго персонажа рассмотреть не удавалось – на голову тот натянул огромный капюшон, полностью скрывающий его внешность. Этот обрядился в нечто вроде плащаницы – как раз такой, которая не позволяет сделать суждение о том, худой человек или толстый. Он бы сошёл за древнего священника или монаха, если бы не держал в руках внушительных размеров шар, в котором время от времени виднелись всполохи разноцветного пламени. «Воспоминания», – поняла Вишну. Грациозно, будто лемуарская кошка, она подошла к странной парочке и выдала заранее заготовленную фразу:

– Сколько световых лет до ближайшей библиотеки? – Она встала в соблазнительную позу, немного выставив правое бедро: по местному колориту она успела понять, что такие, как она, здесь в почёте; вполне возможно, что так будет проще договориться. При этом она смотрела на бомжеобразную личность, предположив, что с тёмным капюшоном лучше не связываться. Однако все её суждения оказались неправильными: оба не обратили внимания ни на её позу, ни на неё саму, а прыщавый нищий, даже не глянув на неё, пробубнил:

– Это к нему. – Он кивнул в сторону псевдомонаха. – Я тут просто читаю.

Вишну вздохнула и повторила свой вопрос, только теперь обращаясь к тёмному капюшону. Самое интересное, что она подсознательно чувствовала, как из тёмного провала, где должно быть лицо, на неё кто-то смотрит. Даже изучает. При этом её ждал ещё один сюрприз: непонятно почему, но она ожидала, что под балахоном скрывается человек, а никакой не инопланетянин. Каково же было её удивление, когда вместо членораздельной речи она услышала что-то вроде бульканья – словно кто-то пытался утопить животное, но оно отчаянно сопротивлялось.

– Ах, чтобы тебя, – возвела Вишну глаза к небу. – Секундочку.

Пришлось порыться в ранце, где Вишну носила инструменты своего непростого труда – все возможные и невозможные приспособления для облегчения воровской работы находились при ней. Где-то там, среди всего этого хлама, имелся и портативный переводчик, производитель которого заверял, что тот ознакомлен с несколькими миллионами языков, наречий и даже жаргона. Конечно, как это всегда водится в жизни, найти его в нужную минуту оказалось гораздо сложнее, чем в обычной обстановке. Бурление усилилось, и тут подал голос бомж:

– Вы ему не нравитесь. – Он словно хотел усмехнуться, но потом понял, что это непрофессионально, и просто снова уткнулся в книгу (Вишну сомневалась, что он вообще читать умел). – Он очень торопится.

– Поняла... – процедила Вишну сквозь зубы и тут же осознала, что наткнулась пальцами на искомый ей предмет. Она быстро извлекла его и незаметно приложила к виску, сразу почувствовав слабую головную боль – одно из последствий восприятия всех известных языков Галактики. В эту же секунду бурление оборвалось, и вместо него она услышала синтезированный человеческий голос:

– ...безалабернее и безалабернее, – говорил он. – Ну, неужели нельзя заранее подготовиться? Раньше нам присылали профессионалов, а это что вообще такое? Кеметская сучка!

– Я вас понимаю, – проговорила Вишну, во второй раз за день испытав тягу к убийству: век идёт за веком, а шовинизм и сексизм всё так же процветают.

– Вот и отлично, – продолжило булькающее существо, – в следующий раз будешь знать. Что встала? Вопрос повторяй, человечиска!

– Кхм... – спокойно, спокойно, ей ведь даже неизвестно, есть ли у этого уродца шея, может, душить окажется нечего. – Сколько световых лет до ближайшей библиотеки?

– Я сам не местный, лишь барбашем торгую. Вам дать упаковочку?

– Барбаш? – Разговор пошёл по нужному руслу. – А почём он?

– Три гинеции или одна луна... – Существо помедлило. – Но гинеции предпочтительнее.

– Да, будьте добры упаковочку. – Тут Вишну была уже готова и заранее положила монеты в нагрудный карман. – Сдачи не надо.

Тут она оказалась немного шокирована, так как монеты внезапно сами поднялись в воздух и, описав небольшую дугу, скрылись под тьмой капюшона. Телекинез, поняла Вишну и постаралась никак не выразить своей заинтересованности, – такими способностями обладала лишь горстка галактических рас, население которых сокращалось из года в год. Поговаривали, что способность к телекинезу вырабатывается у представителей особо древних рас, но вместе с ними приходит вырождение генома, ведущее к её вымиранию, – очередная жестокая шутка природы, которая никогда не даёт могущество просто так. Правда, в Просторе часто появлялись мнения о том, что ВМО заодно с Собором скрывает настоящий потенциал своих зрячих – мол, среди них тоже достаточно телекинетиков. Однако Вишну предпочитала не верить всем сплетням и домыслам – она считала себя реалисткой и предпочитала верить в то, что могла увидеть и потрогать.

Мимо прошёл очередной инопланетянин, тащивший на себе огромные тюки со специями: душистым шафраном, ароматной ванилью и приторным калганом, – щаканаги оказались довольно неплохими аграриями ввиду того, что везде, куда бы они ни катились, они оставляли за собой плодородную слизь, которую вполне можно эффективно использовать для удобрений. Кеметские специи пользовались особым почётом в этом секторе Галактики, а посему таких торговцев здесь толкалось до кучи. Вся компания подождала, пока носильщик скроется из виду, а потом снова послышался голос булькающего:

– Сейчас, мелочь. – С этими словами сфера с воспоминаниями начала пульсировать и из неё вылетел небольшой шарик, который мгновенно скрылся под капюшоном инопланетянина, но потом так же быстро оттуда вылетел – завернутый в неприглядную серую упаковку: казалось, кто-то просто завернул камень в переработанную бумагу.

Вишну вытянула руку, и предмет успешно оказался у неё на ладони.

– Теперь вали отсюда. – Беседа определенно закончилась, а молчавший до этого момента бомж всё-таки позволил себе рассмеяться.

– Спасибо за ваш контакт, – произнесла последнюю заготовленную фразу Вишну и стремглав пустилась обратно в толпу. Однако, хотя она этого и не хотела, всё же услышала последние слова булькающего:

– Мразь!

И Вишну тут же поклялась себе, что рано или поздно вернётся на эту планету и что-нибудь сотворит с зазнавшимся уродцем.

На самом деле улицы города мало чем отличались от местного рынка – повсюду толпились инопланетяне, размахивающие различными товарами на продажу, но здесь чаще всего попадались книги и свитки. Если приглядеться, то можно заметить, что здесь попадались сами аборигены – щаканаги, обладающие довольно экзотической внешностью. Они напоминали большой шар из плоти, усеянный непонятными наростами и чем-то вроде опухолей и жировиков: в основном они сидели на одном месте, подставляя своё уродливое тело солнцу и мерно вибрируя, вбирая в себя его лучи и тепло. Когда к ним кто-то подходил, они мигмом раскрывали глаза, и вот тут незнающего путешественника ожидал настоящий сюрприз. Их

огромные глаза, создавая невероятный контраст с телом, были просто прекрасны – практически лишённые белков, украшенные несколькими зрачками сразу: один помещался в другой, и все имели разные насыщенные цвета. Однако главное заключалось в центральном зрачке, или хрусталике, который сиял подобно сверхновой, пронзая окружающих мудрым и вдумчивым взглядом. Кеметские учёные поговаривали, что глаза щаканагов способны видеть даже сквозь твёрдые объекты, но изучить их не удавалось из-за дипломатических разногласий: аборигены считали, что сочетание цветов закладывается в их глаза божественными силами и определяет кастовую и социальную принадлежность, а потому изучать их – значит оскорбить богов, в том числе Бога Писаний. Так что единственное, что могли делать люди и другие инопланетные существа, – наслаждаться их красотой и дивиться матери-природе, которая создаёт такие удивительные сочетания.

Гости из других миров подсакивали к отдыхающим на солнце щаканагам и пытались продать им свои свитки и книги, – дело верное, так как в девяноста девяти процентах случаев те соглашались и одачивали их чем-то, походившим на золотые слитки или же местной валютой – гинециями (которую, кстати, ввели кеметцы, поскольку у самих щаканагов торговли раньше не существовало в принципе). Но иногда живые шары почему-то отказывались брать тот или иной письменный труд – никто не мог сказать почему, ибо это не зависело ни от его содержания, ни от формы подачи (один предприимчивый мошенник с земли умудрился продать местным две тысячи листов с обычными каракулями). Тогда гости планеты поднимали скандал и временами даже пытались применить насилие по отношению к щаканагам, но тщетно, – те либо их игнорировали и сносили удары, либо внезапно отращивали сразу несколько отростков с присосками, коими обматывали обидчика и ломали ему все кости. Причём никто не обращал на это внимания – одним из условий вхождения планеты в ВМО было то, что щаканаги будут в праве карать своих обидчиков самыми радикальными методами.

Какую мораль извлекла для себя из всего вышесказанного Вишну? Лучше не попадаться им в лапы (отростки?), когда она будет хозяйничать в Верховной библиотеке.

Она торопливо перебежала с улицы на улицу, про себя сетуя на местную запылённость и отсутствие публичного транспорта, и по пути просматривала то, чем её одарил булькающий тип. Бумага и правда оказалась упаковкой, а вот шар на деле являлся головоломкой (просто прекрасно...) – определённо, неземного происхождения, – которая, при её правильном решении, предположительно указывала на местоположение требуемого ей документа в местной библиотеке. Видимо, инопланетянин в капюшоне и сам не раз осуществлял налёты на это учреждение, а потому и имел у себя в сфере подсказку о внутреннем её плане. А может, он просто кого-то убил и высосал его воспоминания... мало ли что он ещё кроме телекинеза умеет. Только вот зачем их зашифровывать? Это отнюдь не упрощает ей работу! Вишну покрутила шар перед глазами, пытаясь разобраться в мирадах взвешенных букв и символов, и при этом чуть не врезалась в пыльный косяк дома – местные использовали в строительстве исключительно местную глинистую грязь, считая, что если по ней стучать, то глухой звук будет отгонять незваных духов.

– Вот всегда всё нужно усложнять... – посетовала Вишну и решила подыскать тихое местечко, чтобы хоть как-то разобраться в записях на сфере.

Однако тут она поняла, что сзади к ней кто-то подкрадывается, – подсказку дали лёгкое движение ветра и еле уловимый отвратительный запах, который она мигом идентифицировала с встреченной ею сегодня личностью. Она не подала виду, что что-то заметила, и просто продолжила рассматривать шар, пока не поняла, что золотозубый извращенец уже стоит за её спиной. Ей хватило одной десятой секунды, чтобы достать из-за пояса длинную заострённую электроспицу, развернуться и вонзить её аккуратно под коленную чашечку нападающему. Однако и тому хватило этой же десятой доли секунды, чтобы вогнать ей в шею тончайшую иглу с единственной капелькой нейтрализатора на кончике. Да, ему определённо больно, о чём

можно судить по его дикому ору и матерной брани, но она, в свою очередь, почувствовала, что её покидают силы и руки и ноги одеревенели. Вишну упала на землю, попробовала перекатиться, чтобы попасть на следующую улицу, которая уходила вниз под уклон, но поняла, что даже этого сделать не может. Перед тем как окончательно отключиться, она увидела, как золотозубый выдёргивает из колена спицу, а к нему подбегают два молодых парня – скорее всего, помощники.

– Теперь я тебя так отдеру, что ты будешь истекать кровью неделями... – произнёс её новый заклятый враг, а Вишну наконец потеряла сознание.

Слепяще-белое солнце планеты Щаклак уже начало скрываться за горизонтом, когда золотозубый перебросил бесчувственное тело Вишну через плечо и немедленно скрылся в переулке.

IV. Кирис Айам

Кэсседи не мог поверить, что на его родной планете всё ещё сохранились места такой красоты: сквозь дымчатые облака пробивались весёлые лучи золотистого солнца; они радостно играли в высокой некошенной траве и серебрили очаровательные капельки росы на листьях нетронутых деревьев. Куда-то за горизонт убегала давно разбитая и запущенная, но от этого только более загадочная асфальтовая дорога, которую время от времени перебегали юркие зверьки, спасающиеся от зноя и неожиданного вторжения человека. Из тёмного и манящего леса тянуло давно забытым запахом еловых шишек и несобранных грибов, а до ушей доносилось еле различимое журчание далёкого источника пресной воды. Воистину, даже на этой повидавшей виды планете кто угодно мог найти для себя райский уголок. Если, конечно, этот самый «кто угодно» сможет пройти через тройные кордоны тяжеловооружённых солдат кеметской гвардии, навороченной бронетехники, оснащённой самым современным тепловым оружием, и душегубцев, которые патрулируют окрестности, обвешанные лазерными ятаганами и ультразвуковыми распылителями. Так называемую Запретную территорию тщательно скрывали от внешнего мира: здесь не имелось ни современных городов, ни дач, ни вилл, ни магазинов, ни ресторанов, ни личных космодромов, ни даже военных баз, – правительство тщательно охраняло эту священную и дьявольски опасную землю от искателей приключений, разного рода учёных и просто любопытных глаз. При этом никто на всей планете не знал, почему эта территория является закрытой – некоторые поговаривали об орде уродливых мутантов, которые заселили эти земли после войны с Жао, другие намекали на старую как мир теорию заговора, которая гласила, что оттуда секретное правительство контролирует разумы всех жителей планеты; самые же безумные индивидуумы считали, что древние тираны захоронили там несметные сокровища, навороченные у простого народа как на этой планете, так и на других. Однако при всём при этом все распространители сплетен и просто шептуны сходились в одном – Запретная земля чрезвычайно опасна, и мало кто сможет в ней выжить. Опасна до того, что кеметские войска и спецслужбы охраняли лишь территориальный периметр, не пуская никого внутрь, – на самой же Запретной земле не было ни солдат, ни правительственных агентов. Считалось, что она сама уничтожит незваного гостя...

Кэсседи же хотел выжить.

И именно поэтому рядом с ним стояло что-то, лицом вполне напоминающее человека, но своей комплекцией превосходящее добротных размеров гориллу. Оно радостно поигрывало мускулами размерами с преторианские арбузы (в два раза больше кеметских) и время от времени хрустело пальцами-сардельками, словно надеясь на скорое крупномасштабное кровопролитие или хотя бы мелкий мордобой. Существо это звали Крогг, и оно родилось на орбитальной станции Голова Зевса, мерно вращающейся вокруг Юпитера (как парадоксально это ни звучало). И даже если Кэсседи он напоминал Снежного человека с марсианской полярной шапки, то у себя дома считался чрезвычайно маленьким, почти что карликом: комбинация малоизученного радиоактивного излучения, которое присутствует в этом секторе Солнечной системы, и сверхмощного притяжения Юпитера превратило жителей Головы Зевса в настоящих великанов, почти что Голиафов, как они сами себя и называли. Крогг, достигнув совершеннолетия, оказался в полтора раза меньше своих сверстников, что, конечно же, навлекло позор на его семью, и его изгнали на Европу, где он с успехом вдарился в пьянство и разврат, не очень-то жалея, что больше никогда не увидит своих родителей и бывших друзей. Он бы погряз в алкоголе и лёгких наркотиках до конца своей жизни, если бы на него случайно не наткнулся Кэсседи Адамс – человек экзотической, но в то же время довольно распространённой в Галактике профессии: искателя приключений. Неожиданно друг для друга они быстро сдружились и вскоре стали неразлучными компаньонами-путешественниками.

И вот сейчас они вдвоём – один всё ещё прыщавый, но при этом вполне себе симпатичный, и второй, больше похожий на глыбу неотёсанного гранита, – стояли на опушке манящего леса, вдыхая удушливые ароматы лета и пытаясь понять, куда же им нужно идти, чтобы добраться до своей цели.

– Не мог бы ты мне сказать: на черта мы сюда явились? – Гулкий бас Крогга заглушил хрупкие голоса природы и вывел Кэсседи из глубокой задумчивости. – Здесь нет ничего, кроме напоминания о человеческой слабости.

– Ты ведь никогда не имел ничего против кеметцев, Крогг. – Кэсседи с явным интересом взглянул на чудовище, о котором он каждый день узнавал что-то новое. – Я думал, твоё врождённое отвращение распространяется исключительно на тех, кто живёт вне нашей Солнечной системы.

– Моя ненависть не касается ни тебя, ни кого-либо ещё, кроме меня самого. Меня так воспитали мои проклятые родители, так я живу, и так я умру. И даже если я плевать хотел на свой народ, я обязан следовать их пути, иначе умру так же, как умираете вы, – в слезах и мучениях.

– Надеюсь, подобная смерть обойдет меня стороной. – Кэсседи невольно поморщился. – Лично я рассчитываю умереть в своей постели, окружённый несколькими безумными сорванцами, которые приходят в восторг от каждого моего слова. При этом желательно, чтобы моя постель была расположена на моей личной яхте. Так было бы хорошо.

– Пф, – Крогг сплюнул, – мы уже говорили об этом. Это мечты слабака.

– Богатого слабака.

– Неважно какого. Мы с тобой слишком разно понимаем своё предназначение.

– Ну, именно поэтому мы с тобой так хорошо друг другу подходим. – Лёгкая улыбка пробежала по хитрому лицу Кэсседи. – Ты отдаёшь дань своему изуверскому богу, за одно поклонение которому Собор вырвет тебе кишки и заставит съесть их на обед, а я набираюсь жизненных впечатлений и набиваю карманы деньгами и древними побрякушками. Не знаю уж, что ты вдруг сейчас взбунтовался, но раньше такая схема работала.

– Потому что даже такой варвар, как я, чувствует, что здесь произошло что-то, что покалечило людей. Причём не только физически.

– Да нет, как это ни странно, но наши вдумчивые историки считают, что здешний город покинули как раз из-за войны, – Адамс покивал, – Жао. Сам понимаешь.

– Тоже те ещё трусы. – Крогг сложил руки на груди и сузил глаза, пытаясь разглядеть что-то вдаль. – Они даже из кораблей не вылезали, пока разрушали твой мир.

– Да, так оно и есть. Просто взяли и разнесли к чертям целый континент.

– А потом сбежали. – Очередной сгусток слюны полетел в траву.

– Я бы не сказал, что они сбежали, Крогг. – Кэсседи любил читать, а потому неплохо знал историю Та-Кемета; по крайней мере, ту историю, которая разглашалась или вообще была хоть кому-то известна. – Они, скорее, просто улетели, хотя могли уничтожить Землю по мановению руки. При условии, что у них есть руки, хех.

– Я бы не сказал, что между нашими словами есть разница. – Тот факт, что Крогг с ним сегодня спорил, обозначал, что у гиганта паскудное настроение: обычно он просто молчаливо выслушивал все тирады Кэсседи, а в ответ лишь хмыкал или мычал. – Просто ты облагаешь мысль в другую форму, вот и всё.

– Сильно сказано. – Адамс поглядел на суровое лицо своего спутника: иногда тот казался умнее, чем был на самом деле. – На Голове Зевса ты посещал кружок философии?

– Нет, но у меня был кружок смерти, в котором меня научили убивать. – Он вытянул вперёд ладони. – Вот этими руками я в четыре года задушил своего друга, который был младше меня. Знаешь, что мне сделали? Дали награду. А потом носили на руках как героя дня. Так что со смертью я дружу с самой колыбельки, и поверь мне на слово: тут её нет.

– В смысле?

– Здесь не было войны. Здесь не убивали людей.

– Вот и хорошо, – Кэсседи постарался обнадеживающе улыбнуться, но почему-то сразу понял, что Крогг ещё не закончил, – нам же лучше...

– Зато здесь было ещё что-то. Хуже. Опаснее.

– Темнее?

– То есть ты тоже чувствуешь?

– Нет, – читал Кэсседи не только умные книги, но и бульварное чтиво, а там чего только не писали, – по слухам, здесь находилась земная лаборатория, в которой разрабатывали оружие галактического масштаба. Госпожа Кокловецкая, известный лунный конспиролог, утверждает, что это оружие умело контролировать разум любых живых существ на далёком расстоянии...

– Пф... Оружие тр...

– Да, трупов. Ну что ты заладил? Итак. Представь: стоит лишь подлететь к планете, включить оружие, и жители сами тебе сдаются – ну неужели не круто?

Крогг уверенно промолчал.

– Однако, когда произошла война с Жао, проект успешно забросили и теперь где-то там лежат сотни нетронутых документов, компьютеров, сердечников и тому подобного добра... А может, всё ещё проще: там просто зарыты сокровища, кто знает?

– Никаких сокровищ... Вы, люди, хоть и боитесь своей собственной тени, но здесь я с вами соглашусь: здесь что-то не то... Правильно вы сюда не суётесь. – Третий плевок.

– Странно, лично я чувствую лишь глупые предрассудки и древние поверья в чудесное и сверхъестественное. – Кэссиди попытался повторить трюк помощника и сделал попытку плюнуть, но слюна повисла у него на подбородке и даже умудрилась заляпать ему его новый комбинезон. – Ты всегда так говоришь перед тем, как мы планируем ворваться в очередной заброшенный храм или древнюю гробницу многоруких богов. Просто суеверия, и ничего больше...

– Хм, я бы назвал это храбростью, но она происходит из безразличия, так что ты так же слаб, как и твои земляки. – Крогг любил иногда поносить и опускать Кэсседи, причём делал это абсолютно бесконтрольно, будто внезапно срывался с цепи, однако на самом деле любил этого хлипкого (по его стандартам, конечно) и слишком умного для своего собственного блага человека. – Почему *они* здесь?

Крогг покосился на небольшой межпланетный катер, небрежно припаркованный прямо на обочине разрушенной дороги, вокруг которого возилась горстка разномастных инопланетян, найденных Каспером на разных планетах. Они методично вскрывали запечатанные коробки и герметичные контейнеры и обвешивались самым современным вооружением и поисковым оборудованием.

– А, кхм... – Кэсседи готовился к этому вопросу. – Ну-у, понимаешь, они все нам нужны.

– Зачем?! – Ох уж эта ревность верного телохранителя. – Я могу справиться со всем, что ты поручил этим уродам.

– Хорошо, Крогг. – Кэссиди предвидел и такой вопрос. – Давай разберёмся. По порядку. Видишь того чудика, чьё лицо покрыто странного рода наростами, из которых время от времени сочится тошнотворная жидкость? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – Это Горец с планеты Аркус. При всей своей непривлекательной внешности эти ребята умеют автономно производить такие мощные яды, что не снились ни одному кеметскому алхимику. Но и это ещё не всё: когда я три года назад оказался на его родной планете и тамошние аборигены бросили меня в яму с ядовитыми плотоядными растениями, этот уродец достал меня оттуда и каким-то образом высосал весь яд из моей крови. Тогда он спас мне жизнь, а я, со скупой слезой на глазах, пообещал взять его с собой в своё главное приключение.

Крогг фыркнул. Реакция вполне достойная жителя Головы Зевса.

– Далее: вон там, в заднем отделении катера, роется полупрозрачная девушка Урра: она утверждает, что её родная планета Урр была последней колонией землян перед первым контактом с цаннами. Ну, сам понимаешь – одна из тех заброшенных колоний, связь с которыми оборвалась после Жао... Так вот – её полупрозрачность является побочным эффектом жидкости, которую они потребляют на этой планете, чтобы там выжить. На Урр каким-то образом за четыреста лет Забвения установилось нечто вроде монархии, где порядок престолонаследия определяется уровнем IQ кандидата. У кого он выше – тот и достоин управлять Урр: есть, конечно, ещё и выборная система. Вполне логичная мысль, по-моему... Однако интереснее другое: выяснилось, что сок местного дерева, которое они называют «руакки», выделяет жидкую смолу, которая при правильном употреблении значительно развивает умственные способности человека и даже даёт ему силу, сравнимую с наиболее мощными зрячими. Дальше сам понимаешь, что было: началась целая охота за соком этих деревьев, которая чуть не довела планету Урр до кошмарной мировой войны. Остановило их только то, что, как выяснилось, этим же самым соком питаются местные аборигены, жившие на этой планете уже несколько миллионов лет. Оказалось, что поселенцы их не видели из-за того, что сок не только повышает способности к усвоению и обработке информации, но и каким-то непонятным образом оборудует наше тело светоотражающими элементами, делая человека – ты правильно понял, если понял, – невидимым! Не сразу, конечно, но с течением времени... В итоге с аборигенами Урр заключили соглашение о «Равнозначном потреблении смолы руакки» – с этого момента её употребляли лишь десятки избранных народом лидеров, один из которых, в зависимости от эффекта смолы, мог стать монархом Урр. Представь себе, наша Урра как раз и была монархом своей планеты, причём на протяжении пяти лет, что для их мира ой как много... При этом она умеет обрабатывать и запоминать информацию за несколько секунд, способна влиять на эмоции живых существ и знает больше, чем всё население Та-Кемета, вместе взятое. Из-за этого она, конечно, иногда подвисает, подобно древнему компьютеру, но тут уж ничего не поделаешь...

В этот раз Крогг удостоил полупрозрачную инопланетянку своим взглядом, при этом в нём скользнула искорка неподдельного интереса.

– Ещё один представитель инопланетных рас – удивительный житель астероида А – шестьсот семьдесят восемь, что кочует по Вселенной уже несколько миллионов лет: это даже не существо, а скорее разумная эктоплазма, умеющая просачиваться в любые, даже микроскопические отверстия. При этом, если это нужно, она умеет отращивать отростки наподобие наших с тобой рук и ног. Представь себе, мы оказываемся на пороге древнего хранилища с такими толстыми дверями, что их даже семисотмегатонная бомба не снесёт. А тут у нас под рукой оказывается Аллаотт – так его зовут, – он находит микроцель между дверьми, сжимается до полумикрона в ширину, и через несколько секунд он уже находится в хранилище и открывает для нас двери изнутри. К тому же Аллаотт однажды спас жизнь моей ныне уже покойной собаке, что опять же заслуживает огромного уважения.

Крогг попытался что-то сказать, но Кэсседи продолжил свою долгую и увлекательную речь:

– Последняя в нашем списке, к сожалению, ещё не явилась, но ты определённо оценишь её умения и таланты. У нас с ней randevu через четыре дня в установленной локации. Проблема лишь в том, что она уже сорок восемь часов на связь не выходит, но я лично уверен, что с ней всё в порядке...

– Где ты только умудряешься находить этот сброд? – Нелюбовь Крогга к инопланетным существам не мог объяснить даже он сам. Скорее всего, его просто так воспитали, причём на подсознательном уровне: их раса почитает силу и ненависть, так что такое объяснение вполне логично. – Ты же всегда со мной таскаешься?

– Ну, не всегда, ты ещё и отпуска берёшь, а у такого скитальца, как я, отпусков заведомо быть не может.

Огромный мужчина ещё раз озабочено хмыкнул и бросил небрежный взгляд на инопланетян, которые извлекали из катера небольших размеров пулемёт – древний, но всё ещё эффективный.

– Раньше нам не нужны были подобные помощники. – Крогг морщился от всё более жаркого солнца. – Раньше мы разрешали все наши вопросы лишь при помощи моей силы и твоих не менее сильных слов.

– Раньше... – Кэсседи на секунду задумался. – Раньше мы не видели конца. А здесь... На моей собственной планете мы наконец подошли к концу нашего долгого пути.

Крогг резко обернулся на говорившего и вопросительно поднял свою густую бровь.

– Да, друг, – длинные блондинистые волосы Кэсседи на солнце становились похожими на только что созревшую пшеницу, – я недавно снова видел свою сестру. Во сне, естественно. Я видел, как дикари, живущие на самом краю нашей проклятой Вселенной, поедали её конечно-сти, когда она медленно поджаривалась на разведённом ими костре, – он запнулся, – и поверь мне... Каждый раз, когда мы убиваем кого-то ради наживы или даже ради того, чтобы освободить рабов, как на той самой планете... уж прости, не помню названия... в душе я понимаю, что и они были чьими-то братьями... Или сёстрами.

Трясущимися руками он достал из кармана пачку кеметских сигарет и попытался достать одну, но сразу же передумал.

– Да кем угодно, чёрт их возьми! Мне... пора на покой. Мне уже сорок лет... Не так много, понимаю, но посмотри на меня. Я до сих пор ношусь с планеты на планету в поисках чего-то неуловимого... Я всё время ищу...

– Все мы чего-то ищем, уж поверь мне. – Даже Крогг поддался настроению Кэсседи и сейчас уже затягивался огромных размеров сигариллой.

– Да, но никогда не находим... Но здесь... На планете, которая породила меня, я наконец должен найти то, что мне нужно. Я хочу... воплотить в жизнь свои мечты: свой дом – где-нибудь подальше от разбойников, пиратов, контрабандистов и тому подобного отродья – с видом на озеро... Своя жена... Немного пухленькая, но при этом добрая и заботливая... Свои детишки... Тоже пухленькие... Ведь дети должны быть такими, да?

– М-да. – Глубокая затыжка, и струйка густого дыма быстро унеслась в голубое небо. – И ты такой же пухленький, сидящий в кресле и залипающий в Простор. Это путь слабака, Кэсседи.

– Да, может, я хочу быть слабаком, Крогг! Тебе не понять, я знаю, но хотя бы постарайся поверить: я устал... Эта жизнь грызёт меня изнутри, и все эти воспоминания – о сестре, о родителях, обо всех тех, кому мы продырявили головы ради «благого» дела, – губят меня, уничтожают. Поэтому я прошу тебя, друг, помоги мне в последний раз... И не спускай собак на этих существ... Некоторые из них стоят десятка таких, как я.

– Ладно. – Сигарилла полетела на землю. – Пусть будет по-твоему. Пока.

Кэсседи вопросительно глянул на друга-амбала. Тот не медлил с ответом.

– Лично я сомневаюсь, что это место принесёт тебе покой.

– Так как ты сказал тебя зовут, чужестранец? – Полупрозрачная девушка Урра со смесью интереса и отторжения поглядывала на распухшее лицо незнакомого ей инопланетянина, с которого капельками стекала сероватая жидкость.

– У нашего народа нет имён. – Аркусианец переводил дух от тяжёлой работы и с некоторой гордостью поглядывал на распакованное и разложенное оружие. – Можешь называть меня Горцем, если тебе нужно как-то меня называть. Я замечал эту слабость за людьми.

– Я уже не человек. – Женщина растянулась на щекочущей траве, которая мягко приняла её в свои объятия. – Технически нет. После четырёхсот лет параллельной эволюции я Урр: гордая представительница своей планеты. Прародитель назвал меня Урр-а, что означает «дитя Урр». Мой прародитель, гордясь тем, что его ребёнок ещё до рождения отобрали в перечень кандидатов в монархи, назвал меня в честь своей Родины...

– Да-да. – Горец угрюмо переминался с ноги на ногу. – Я не просил тебя рассказывать мне свою подноготную. – На кеметском языке он говорил постоянно чавкая и будто бы пытаясь что-то сплюнуть.

– В отличие от нашего шефа, ты не отличаешься вежливостью. В моей базе данных нет информации о таких особях, как ты, но рискну предположить, что культурой твоя родина не славится. – Урра методично перебирала свои длинные волосы, будто бы пытаясь отделить каждую волосинку от другой, хотя на самом деле она подсознательно их пересчитывала: аборигены планеты Урр говорили, что таким образом ей будет проще сортировать накопленную информацию – волосок к волоску. – Соратник Кэссиди тоже меня интригует – его аура светится преданностью, прямо как у цепного пса. Дондель.

– Что?

– Дондель. Я не могу точно выразить это слово, но думаю, что оно близко к кеметскому «хранитель». У нас так называют людей, которые служат монарху, защищая и оберегая его...

В их головах внезапно раздался мягкий, практически шепчущий голос:

«Я бы сказал „телохранитель“. В данном случае это выражение гораздо более уместно».

– Отлично. – Горец встрепенулся и постарался спрятаться в крошечной тени катера. – Проклятая слизь умеет читать наши мысли.

Аллаот выполз из-за одинокого дерева, давно уже иссохшего и погибшего.

«Простите, но я бы не стал так резко выражаться, господин Горец. – Интонации голоса ничуть не изменились. – Особенно если вы неправы: как вы видите, у меня нет внешних органов, отвечающих за звуковую коммуникацию. Именно поэтому мои нейронные клетки способны посылать речевые сигналы, которые ваш мозг трактует как речь. Было бы гораздо сложнее работать с господином Адамсом, если бы он не мог меня слышать и понимать, не правда ли?»

– Всё равно это отвратительно, – парировал Горец.

– А мне это кажется довольно интересным. Коренные уроженцы Урр общаются точно так же, но их слова появляются у нас в головах подобно мыслям, так как их коммуникационное излучение воздействует непосредственно на мозговые нейроны. – Урра с интересом поглядела на жижу, которая пробиралась сквозь траву, подминая под себя одну травинку за другой. – Я бы хотела побольше с вами пообщаться, Аллаотт.

«Благодарю вас, госпожа Урра, хоть кто-то здесь может оценить мои таланты», – прошептала слизь и медленно откатилась обратно за дерево.

– Ладно, ущербные, давайте делом займёмся, а то вон наши наниматели идут.

Действительно, с пригорка спускались Кэссиди и Крогг, который выглядел ещё более злобно, чем обычно.

– Адамс, – резко бросил ему Горец, – все вещи распакованы, и мы готовы к переходу по кеметской земле. Правда, я до сих пор не понимаю...

– Почему мы не используем транспортёр? – Как-то слишком весело ответил Кэссиди. – Потому что идти нам всего ничего, а до пункта назначения можем найти кучу всего удивительного. Плюс к этому рёв транспортёра может привлечь кеметских душегубцев.

«Это понятно, – слизь снова вступила со всеми в мысленный контакт, – но всё-таки нам надо было приземлиться подальше. Долгий путь может измотать нашу группу, особенно молодую Урру».

– Обо мне не беспокойся, Аллаот. – Женщина поднялась с травы. – Наши монархи проходят глубокое обучение не только в плане интеллекта, но и в самозащите. Радикально настроенные группировки всегда угрожают жизни монарха, и мы умеем за себя постоять. Более того, никак не ожидала от существа, как вы, такого проявления неуважения и бестактности по отношению к девушке...

– Приехали... – буркнул Горец и потёр рукой лоб, одновременно почёсывая нововыросшие наросты.

Крогт вроде даже улыбнулся, но сразу отвернулся и отошёл за катер. Всем показалось, что слизь даже немного поёжилась и сжалась:

«Простите, дорогая Урра. – Голос звучал даже обиженно, если это вообще возможно при мысленном контакте. – У меня на родине тридцать семь полов, лишь двенадцать из которых задействованы в размножении, поэтому мне сложно представить ваши половые взаимоотношения».

Урра немного смутилась:

– Да, Аллаотт, вы правы... Я определённо не учла межкультурные различия...

– Вашу мать! – Грубый голос Горца почему-то всегда радовал Кэсседи: он напоминал ему тех молодящихся космических моряков, которые уволились с флота и теперь остаток жизни просиживают в пабах, распивая весь галактический алкоголь, куря всё, что можно курить, и рассказывая пропитыми голосами о своих мнимых приключениях. – Хватит любезностями обмениваться. Как в университете, ну честное слово. Может, вам чайку налить?

Урра и Аллаотт промолчали – обоим определённо не нравился Горец и его грубые манеры, что немного напрягло Кэсседи, так как для любой миссии слаженность просто необходима.

– Возвращаясь к нашему вопросу, – сказал он, пытаясь сменить тему и разрядить обстановку. – Если бы мы приземлились в другом месте, то я бы не мог устроить вам Кирис Айам.

– Что? – бросил Горец, взглянув на своего командира как на сумасшедшего.

«Да, признаюсь, я тоже немало заинтригован вашим странным выражением мысли. – Слизь подползла ближе к недружной компании искателей приключений. – Не поймите превратно, я понимаю, что значат эти слова, они означают, что вы хотите удивить нас чем-то неожиданным и, возможно, пугающим. Язык цакси, если не ошибаюсь. Но что же именно вы хотите нам продемонстрировать?»

Кэсседи таинственно улыбнулся, нащупал ногой что-то, давно заросшее травой и погребённое под слоем земли, нагнулся, немного повозился и поднял на руки небольшую табличку. Он хитро глянул на всех исподлобья и перевернул табличку так, чтобы все её увидели. На синем фоне горели давно выцветшие, но всё ещё различимые буквы русского алфавита, который позже стал кеметским и даже общегалактическим. Буквы складывались в одно слово, внушающее страх даже тем, кто никогда не бывал на Та-Кемете: название давно покинутого, самого загадочного и зловещего города во Вселенной; города, где произошли великие и кровавые события, навсегда изменившие жизнь Галактики.

Губы Кэсседи медленно зашевелились, и он торжественно, будто бы посвящая всех присутствующих в великую тайну мироздания, прошептал:

– Москва.

V. Ну-Иль-Як

Нет, произошедшее пока нельзя назвать безумием. Безумие, это когда под вашей кожей лазает паразит с астероидного пояса, который недалеко от планеты Альдебаран, вам в голову целится ухмыляющийся наркоторговец, разъярённый тем, что вы переспали с его любовницей, пол под вами вот-вот провалится от того, что планета потихонечку разрушается вследствие взрыва сверхновой, а на самом деле единственные ваши мысли касаются того, где можно достать хоть что-нибудь поесть, ибо вы не ели уже целых семь дней. Вот это настоящее безумие, которое однажды пришлось испытать Касперу Вэнсу, – он до сих пор удивлялся, каким таким невероятным образом ему удалось выжить. Сейчас же перед ним стоял кубический человек, и он не видел в этом ничего ненормального. Ну мало ли кто как выглядит. Не удивился он, и когда человек этот внезапно закричал, да с такой силой, что цвета мира начали искажаться и плавиться, а по земле пошли тонкие трещины. Каспера сие событие несколько не заинтересовало, и, смачно зевнув, он отвернулся в другую сторону. Какие-то линии проносились перед его глазами и преобразовывались в странные фигуры: некоторые формировали сферы, другие складывались подобно пазлу из миллиона кусочков в единое целое, которое тут же рассыпалось и восстанавливалось. Кубический человек к этому времени тоже успел взорваться и теперь пытался собраться заново, но нельзя сказать, что ему это удавалось. «Скукота, – подумал Каспер, – от стравальской дурноты и то большой эффект».

И стоило ему помечтать, что неплохо бы сейчас вколоть себе пару капсул какого-либо наркотика и понежиться в кровати с белокурой землянкой, как на него внезапно надвинулось что-то необъяснимое. Он почувствовал странную неизвестность, которая окружала его, как тьма обволакивает человека, стоит лишь ему выключить свет и погасить все небесные светила. И что самое главное и, наверное, самое страшное – это Ничто было живым: Каспер отчётливо чувствовал, как эта бесформенная, невидимая и неслышимая масса дышала, двигалась и пробиралась сквозь время и стену пространства. Дикий, первобытный страх перед неизведанным и непонятым завладел Вэнсом, и он почувствовал, что падает в абсолютное ничто, словно всю жизнь из всего мира за секунду высосали и уничтожили, а остался... лишь... белый слепящий свет... И тогда в голове Каспера появились слова. Слова на диковинном, давно забытом языке, который не выразить ни обычной человеческой речью, не отобразить ни в каком письменном виде, не понять и не услышать ни одному живому существу. Но он чувствовал их, осязал каждым рецептором своего мозга, и в голове его ткались удивительные, невероятные, но каким-то образом знакомые видения. Он не понимал, что вызывало в нём первородный страх, но каким-то образом знал, что уже видел их... Не сейчас... Но когда-то... Когда его ещё не...

Тяжёлый удар головой, и у Каспера будто душа вылетела из тела: к его собственному удивлению, он лежал отнюдь не на жёстком колючем песке, а на некоей холодной поверхности, больше всего напоминающей металл. На секунду он решил, что сон всё ещё продолжается, и сейчас его взору предстанет очередное видение, но все ощущения говорили ему о том, что он бодрствует. В общем-то, тут сгодится какое угодно объяснение: он мог просто потерять сознание, а тут внезапно абориген, мечтавший поживиться каким-то мусором, нашёл его и забрал домой. Что же – сам виноват: будет нагло обворован. Как-никак, а продолжать путь надо, а воды, как мы знаем, в запасе нет совсем. Каспер уверенно открыл глаза и сразу же понял, что ошибался: он находился в небольшом помещении, больше всего напоминавшем тюремный отсек в кораблях чёрт знает какой давности. Голые стены украшали лишь скучные ряды болтов и заклёпок, а в качестве мебели выступала железная койка с протёртым матрасом. На космических кораблях такого качества сейчас летали исключительно пираты или браконьеры – отвратительные личности с абсолютно непредсказуемым поведением. Человека или инопла-

нетянина можно обокрасть, развести на деньги, немного даже унизить, но никогда не убить. Каспер слишком ценил свою жизнь, чтобы отнимать её у кого-то другого.

– Хватит, – прошептал он, – хватит рассуждений. Пора действовать.

Каспер с любопытством проинспектировал дверь: в общем-то, ничего сложного, стандартный силовой замок, – если только удастся отковырять панель под потолком и добраться до силового кабеля, он уже через пять минут окажется практически на свободе. Осталось лишь понять, кому может принадлежать корабль. По отсутствию вибрации он сразу понял, что они никуда не летят, скорее всего, ещё висят над Куахти или пришвартовались к местной космической станции. Хотя он провёл без сознания довольно много времени, скорее всего, это не пираты и не браконьеры: их налёты всегда отличались внезапностью и скоростью, – чтобы никто на планете не понял, что именно произошло. К тому же на Куахти определённо нечем поживиться. Такими кораблями иногда пользовались сектанты или же просто группировки, противоборствующие Собору, но Каспер не постигал, зачем он им мог понадобиться. А может быть, его схватил какой-то обиженный Каспером человек, жаждущий мести за оскорбление и унижение, – вот это было вполне вероятно. Чёрт возьми, да это ведь мог быть даже Уфундей! Проклятый мерзавец, всё-таки он достал его! Только этот полурослик может настолько продешевить, чтобы нанять подобный корабль, чтобы достать Каспера. Никакого уважения – уж если лететь на такую миссию, то можно было приобрести космолёт подороже.

В отчаянии и негодовании Каспер ударил ногой по стене, и тут, как по волшебству, дверь словно сошла с петель и ушла вправо. Взору Вэнса предстал высокий статный человек со сложносочинённым выражением небритого лица и такой унылой и вымученной миной, что хотелось кинуть в него чем-нибудь потяжелее. От такого добра не жди – человек суровый! Однако, несмотря на всю жёсткость, у него был бегающий и растерянный взгляд, как будто он время от времени проваливается в себя, переживая или даже сожалея о чём-то. Но самое поразительное, что данный субъект носил форму капитана ВМО. Вот этого Каспер никак не ожидал. Словно кто-то вонзил ему в спину ордовый нож – тот самый, который, вступив в контакт с плотью, начинал потихоньку разрастаться и всё больше и больше расширять рану. Каспер однажды познакомился с таким клинком – воспоминания остались не самые приятные, о чём говорил огромный шрам между лопаток. Нет ничего хуже, чем попасть в лапы к таким личностям, – слишком большие гордецы, слишком полагаются на ложную честь. Однако что-то с ним определённо не так... Странная затуманенность бегающих глаз, лёгкое подёргивание губ... Он определённо нервничал, причём вполне возможно, что на протяжении нескольких лет. А это значит – куча комплексов, несостоявшиеся мечты, разбитые надежды... Ещё Каспер сразу обратил внимание на скудное физическое состояние капитана – тут уж ничего не поделаешь, долгие полёты до дальних рубежей Галактики невольно расслабляют любого человека. Каспер, взвесив все возможные варианты ведения диалога, немедленно подскочил к незнакомцу и хотел было разразиться отборной бранью, запасами которой по праву гордился, но тот немедленно вскинул руку и швырнул в Вэнса чёрный шар... Который сразу размотался и обвился вокруг Каспера – через секунду тот чувствовал себя марионеткой, управляемой неведомым мастером: шаг за шагом он невольно подходил к койке с уныло потёртым матрасом и через пару секунд его насильно в неё уложили. Койка сразу же дрогнула, удручающе заскрипела и начала поворачиваться в сторону взёмшника, – механизм, видимо, не чинился и не смазывался уже лет пять, но работал пока исправно. В итоге кровать превратилась в кресло, а Каспер оказался надёжно связан душилками, – да, он знал, что его только что обмотало, сам такими пользовался. Интересные приспособления, которые, если пытаться из них высвободиться, затягиваются ещё сильнее и оставляют на теле глубокие рубцы. ВМО всегда славилась своей добротой и состраданием.

– Понимаешь, где ты? – Голос капитана хрипел, даже хрустел, как лунная галька под ногами, будто он каждый день курил пачки по две сигарет, да не простых, а из самого убойного

табака из Центральных районов Галактики (Каспер в своё время выкурил немыслимое количество такого табака – до сих пор иногда ощущал его гаденький привкус во рту). – Каспер Вэ-э-энс... – Он похлопал рукой по коллекции бумаг у себя под правой подмышкой, будто желая намекнуть, что информацию сию он почерпнул из увесистого досье. Да, Каспер бы сам никогда не догадался.

– Каспер Вэнс?! – спонтанное решение было принято, и первая карта разыграна. – Кто такой этот Каспер?! Вы, капитан, наверное, обознались... Я состою в археологической гильдии при планете Хироси, там родилась моя мама... Я отбился от группы и...

– Нет, серьёзно? – Капитан даже не моргнул и не повысил голос ни на йоту. – Ты серьёзно меня пытаешься так обмануть? Я что, по-твоему, совсем имбецил?

– Ну что ж вы так себя оскорбляете...

– Даже если планетный детектор и имеет двадцать процентов погрешности, – реплику Каспера он проигнорировал (хамство какое!), – то ментальный тест никогда не врёт.

Ментальный тест... Значит, он пролежал тут уже часов двадцать – сам тест проводится за секунды, а вот свериться с галактическими базами данных не так просто, как кажется: как ни крути, а в ВМО проживают сотни миллиардов человек, и даже наиболее современному компьютеру нужно время, чтобы прошерстить все данные – а Каспер сомневался, что на этом корабле найдется хоть какое-то современное оборудование. К тому же связи с Простором в этом уголке Галактики днём с огнём не сыскать. Наступало время следующего хода, гораздо более тривиального. Однако капитан не стал терять времени зря:

– Я, капитан Андрей Макаров, двадцать пятого военно-разведывательного легиона ВМО, объявляю тебя своим заключённым и пленником в связи с...

– Вы не имеете права! – заорал Вэнс, немного дёрнувшись, что сразу спровоцировало душилку, и она поплотнее стиснула его грудь. – В соответствии с Межпланетной конвенцией от три тысячи двести пятьдесят пятого года я имею право на защиту от аборигенов той планеты, на которой вы меня нашли!

– В связи с целым рядом заведённых на тебя уголовных дел и огромного количества неподтверждённых жалоб, объединённое правительство Куахти согласилось выдать нам тебя без проволочек. – Опять никакой реакции: возможно, это будет сложнее, чем предполагалось.

– Да ты меня послушай, умник! – Каспер просто орал, чуть ли не переходя на визг. – В соответствии с пятнадцатым пунктом Конвенции «О вынесении правосудия в галактическом масштабе» правоохранные органы планеты, на которой поймали подозреваемого, то есть меня, обязаны первыми вынести правосудие, в том случае, если подозреваемый – опять же я – совершил преступление на вышеозначенной планете. Я же обворовал пару почтенных Жуков с Куахти, так что грузи меня в кузов катера и гони с ветерком на поверхность планеты! – Каспер рассчитывал, что убежать от полиции Куахти заведомо гораздо проще, чем от этих космических зануд (нет, ну неужели у этого военного деятеля вообще чувства юмора нет?).

Тут капитан соизволил помолчать и даже отреагировать на слова Каспера – только не так, как тот рассчитывал:

– Ага... Теперь у меня к тебе два вопроса. – На секунду на его лице появилась довольная ухмылка, которая больше напомнила Вэнсу улыбку его первой долгосрочной подруги: она тоже улыбалась так, будто минут пять назад целую дюжину крошечных рактоногов задушила. – Правда, первый скорее тянет на утверждение... То есть ты всё-таки Каспер Вэнс, как смог зарегистрировать мой маленький и умный детектор лжи?

– Что... – Под ложечкой противно засосало.

– Никакого теста мы не делали. – Капитан-умник мерил пространство камеры наглым прогулочным шагом. – У нас оборудования-то такого нет. Ты вообще видел это место? Я пивото открываю об угол стула, а ты повёлся на ментальный анализатор...

– Твою ж... – Нет, понятно, что им и так всё стало ясно, но неохота же понимать, что ты проиграл в первом же раунде словесной перепалки. – Так получается, что доков-то нет, кэп! Мало ли что я там сказал.

– Да не «мало ли»! – Казалось, Макаров торжествует, но выражение лица оставалось унылым. – Ты пару раз прямым текстом заявил, что ты и есть «подозреваемый», а моя машинка подтвердила, что ты не врёшь.

Каспер выдохнул. Как ребёнок, вот честное слово, этот капитан.

– Хорошо, выиграл, – проямил он. – Что там за второй вопрос?

– Второй? Хорошо. – Тот внезапно подался вперёд. – Ещё раз мне «тыкнешь», я тебе зубы выбью! Понял?

– Да нет, повторите уж, – осклабился Каспер: нет ничего приятнее, чем выводить из себя вояк.

– Она повторит. – И с этими словами капитан сжал кулак, на что немедленно отреагировала душилка, – Каспер понял, что ещё пара секунд, и она начнёт разрезать ему плоть.

Вэнс замер и не двинулся, даже решил, что лучше на этот раз помолчать, а то вдруг душилка подумает, что он слишком сильно вибрирует и затянется потуже. Он по-кошачьи умоляюще глянул на Макарова, но тот продолжал сжимать кулак, и вот тут на Каспера напала паника, – он инстинктивно дёрнулся, можно даже сказать, извернулся подобно личинке и понял, что совершил роковую ошибку – обжигающая верёвка немедленно разрезала остатки его одежды и врезалась в кожу. Ещё секунда, и он окажется прекрасным дополнением к меню гнольских каннибалов, – мяса в нём не так много для главного блюда, но на мясной салатик вполне сойдёт. Следующая секунда тянулась вечно: капитан понял, что переборщил, и немедленно разжал кулак, а Каспер закусил губу, верёвка пробила первый слой кожи, и тут... Вэнс услышал коротенькое «пуф».

Последовала немая сцена, которая часто сопутствует ситуациям, когда никто не может понять, что же такое вообще происходит. У Макарова глаза расширились до размеров звезды-сверхгиганта, а Каспер внезапно осознал, что никакой верёвки больше нет: она просто... исчезла. По помещению лишь летали крошечные пылинки непонятного происхождения.

– Что? На марсианском рынке покупали? – процедил он.

Теперь события понеслись подобно межпланетному локомотиву повышенной комфортности – Каспер саблезубым тигром прыгнул на капитана: мгновение, и тот оттолкнул опешившего Андрея в сторону. Макаров даже не успел открыть рот для ругательства, как понял, что падает, ибо его бывший заключённый уже успел от него оттолкнуться и в данный момент делал героический прыжок по направлению к выходу. «Что за циркач!» – пронеслось в голове у капитана, когда он ударился головой о тюремную койку.

Каспер в этот момент схватился руками за косяк двери и просто-таки вылетел в коридор, где его ждал неприятный сюрприз в лице другого верзилы: золотолицый тип в тёмных очках громко присвистнул и прицелился в Каспера из какого-то ружья – он не рассмотрел точно; предмет мог с тем же успехом оказаться и клюкой. Вэнс заскользил по полу, взбежал на противоположную стенку, при этом отметив, что здесь не помешала бы крупномасштабная уборка, перекувырнулся, почувствовал, как что-то пролетело в сантиметре от его спины (по звуку он догадался, что это была игла), приземлился на ноги и, свистнув золотолицому в ответ, пустился наутёк, петляя как игрок в червебол. Ещё несколько игл чиркнуло о стенку, а Каспер наконец добежал до поворота.

– Не волнуйся, с каждым мужчиной рано или поздно случается, – выкрикнул он, сам не оценил собственную шутку и припустил бегом.

Корабль не мог не удручать – неудивительно, что капитан (как его там... Макаров?) – такой угрюмый. Однако интересный тип – языкастый, он бы с ним пообщался при более приемлемых обстоятельствах. Но как там его звали? Андрей... Стоп.

Каспер даже немного сбавил шаг, ибо к нему в голову стали возвращаться воспоминания о трансляциях Простора, которые он нехотя слушал в джунглях планеты Чичи, пока ждал, чтобы с ним вышли на связь. Это было лет семь назад... Только он не был капитаном... Точно – адмирал Андрей Макаров! Про него визжали в каждом сегменте Простора, спасу от его имени не было. Да неужто? Тот самый? «Нет, с таким точно не надо связываться...» – решил для себя Каспер, почувствовал, как по спине пробежал арктический холодок, и свернул за новый угол.

Однако там его ожидал очередной сюрприз: он сразу встал как вкопанный, не веря своим глазам. Уж какой чертовщины он на своём веку ни навиделся, но этот корабль определённо населён призраками или чем похуже. А что? Возраст сходится, на таком ещё мамонты, скорее всего, летали. Точно, призраки. Каспер от неопределённости даже разулыбался: на него смотрел он сам. Или, точнее, то, что очень походило на него, ибо кожу двойника избородили гнойники и рытвины, а из глаз струилась густая кровь, медленно капающая на пол. Его двойник тоже улыбался, но вместо зубов он увидел чёрное смердящее нечто, больше походившее на угли.

– Ладно, хочу обратно в камеру, – только и вымолвил Каспер, и в тот же миг в спину ему вонзилась игла. – Да, несите меня...

Он обмяк и рухнул на пол, пока его клон продолжал разлагаться прямо у него на глазах.

Её глаза были закрыты, но она видела.

Она была оглушена, но она слышала.

Её дух был сломлен, но она чувствовала его...

Она прожила слишком долго и уже не надеялась, что цель её жизни сама найдёт её, окажется перед ней в момент глубочайшего кризиса, когда кажется, что всё самое значимое в жизни человека ушло навсегда и осталась лишь тьма. Она чувствовала отвратительный запах своего пленителя, но запах исходил не от его тела, а от сущности – того, что прячется в самом сердце любого мыслящего существа. Он умирал, и она это знала, болезнь уже брала своё, и из страха перед неминуемым он возненавидел всё, что окружало его. Она помнила, как он бил её со всей силы и плевал ей в лицо, называя еретичкой. Она признала поражение и поддалась ему, хотя одна лишь её мысль могла поработить его, и он бы с удовольствием ползал перед ней на коленях и целовал её ноги. Он смеялся над ней, поносил её имя и грозил вечными пытками и муками. Удивительно, за всё время, пока это продолжалось, она не позволила себе проронить ни звука, слишком сильна была её гордость. Или гордыня. Она и сама не знала. И когда у неё совсем не осталось сил терпеть, она задала себе очевидный вопрос: «Зачем я это сделала? Почему я поддалась этому плебею? Почему я бросила борьбу?» Но ответ был так же очевиден. Она сдалась, потому что то, ради чего она жила, бегало от неё, пряталось за углом, издевалось над ней. Иногда она видела искомое самым краешком глаза, но стоило ей только обернуться, как оно оборачивалось мифом и растворялось подобно горькому дыму. Отчаяние находит каждого из нас – рано или поздно. Но как же она удивилась, когда её поражение обернулось её же величайшей победой. Он здесь. Он нашёл то, что она искала всю жизнь. Он рядом, на этом древнем корабле. И его зовут... Каспер Вэнс.

«Энкратуриус» был даже древнее, чем мог предположить Каспер, – если бы где-нибудь на Марсе открыли музей старинной техники, то этот корабль взяли главным экспонатом. Яркий представитель эпохи Культурного застоя на Та-Кемете, когда человечество, восстав из пепла сотен гражданских и религиозных войн, пыталось искоренить всю культуру и любое инакомыслие, ведущее к отклонению от нормы. Длинные узкие коридоры цвета самого грязного во Вселенной болота, украшенные разве что индикаторами жизнедеятельности, невольно вызывали у экипажа клаустрофобию и длительную депрессию. Длинный ряд одинаковых дверей только добавлял уныния общему пейзажу безысходности. Однако, к чести космолётов данного класса,

следует отметить, что они отличались особой прочностью и надёжностью, – ни одна пушка в Галактике не может с первого раза пробить их броню. Люди в то время пытались закрыться от всего неизвестного и пугающего, сами себя подвергали заточению в летающих саркофагах, будто хоронили заживо. На протяжении последних ста пятидесяти лет корабли стали строить из лёгких металлических, древометаллических и даже пластиковых сплавов, – защита, конечно же, снижалась, но скорость новые космолеты развивали невероятную, да и эстетически смотрелись гораздо лучше. Время лечит любые раны, и на Та-Кемете родились новые художники, архитекторы, писатели, поэты, – началось новое Возрождение. Строительство космолётов тоже превратилось в своеобразное искусство, особенно во время войны с цаннами: земные правители, послы, высокопоставленные чиновники и духовные лица заказывали проекты личных космических кораблей у знаменитых людей искусства. Порой их причуды доходили до настоящего абсурда – просторы Галактики бороздили гигантские японские черепахи, пронзённые гарпунами киты и расправившие крылья птероящеры. Армия и ВМО придерживались более традиционных методов строительства кораблей, при этом не забывая хоть немного следить за новыми технологиями и модой.

– Да, но меня это не касается, – пробубнил капитан Андрей Макаров, наблюдая, как перед ним, издавая умирающие звуки, открывалась металлическая дверь шлюза.

Из герметизаторов повалил пар, а заодно и рой каких-то мошек, которых они, скорее всего, подхватили во время последнего ремонта на этой дряной планетке... как её там? Неважно. Густой пар смешался с едким дымом капитанской сигареты, а из проёма послышался недовольный кашель, предположительно, принадлежавший человеку. «Ну, хоть так», – подумал Андрей и шагнул вперёд, заранее вытянув руку: скорее всего, его встречал управляющий станции, а потому правила хорошего тона требовали от него учтивости. Однако вот же удивление: на капитана уставился отощавший, как будто недавно выбравшийся из соборной тюрьмы на Плутоне рядовой, одновременно пытающийся отдать честь и не задохнуться от пара и дыма. Мешковатая форма висела на нём как на вешалке, а лицо покрывали то ли прыщи, то ли какая-то сыпь.

– Вольно... – слишком тихо произнёс капитан.

– Уполномоченный Ну-Иль-Як ожидает вас в своём кабинете, капитан. – Голос рядового вполне мог позволить ему записаться в хор кастратов на Эйне. – Он сказал, что вряд ли бы вас принял, но у него освободился временной слот.

– Что он себе позволяет?! – поперхнулся Макаров.

– Капитан, прошу вас, – нельзя было не изумиться молящим ноткам в его голосе, – я просто выполняю поручение...

– Ладно, – смилостивился Андрей, понимая, что, по сути, рядовой, конечно, прав, – веди.

Коридоры космической станции Дерис, дрейфующей вокруг Куахти чуть ли с самого появления на планете ВМО, заметно выигрывали на фоне «Энкратуриуса», – и это учитывая, что она тоже безнадежно устарела. Но, по крайней мере, здесь нашлось ментальное оборудование, что уже огромный плюс. Благо, по размерам станция довольно скромна, так что им не пришлось долго ходить, подниматься на безумных лифтах и перелетать на катере в другое крыло. Поход до кабинета уполномоченного занял всего полминуты – Андрей обожал замерять время, в душе считая, что так он лучше его экономит, хотя на деле лучше бы он так заботился о времени, когда лежал в пьяном угаре. Рядовой время от времени спотыкался – он определённо был не в лучшей физической форме и, что самое удивительное, по пути им встретилась ещё пара таких же отощавших космосолдат. В общем, картина происходящего уже сформировалась в голове у капитана, но ему нужно было точное подтверждение.

Они миновали слабое силовое поле и оказались в приёмном зале, который хоть и начистили до блеска (Андрей обратил внимание на очередного рядового, который в поте лица драил пол), но от этого не становился более оживлённым. Повсюду царил мерзость запустения

– будто станцию законсервировали лет сто назад, а теперь внезапно снова затеяли ею пользоваться. Из посетителей здесь находился только излишне нервный таракан с Куахти, который постоянно щёлкал челюстями и вращал фасеточными глазами во всех направлениях. При этом он топтался на месте, отчего капитан сразу вспомнил, как в детстве он ходил в Цирк танцующих жуков на Ио, спутнике Юпитера. Чертовски холодное местечко, но шоу они там умеют ставить обалденные. Второй посетитель был человеком, точнее, очень старым человеком; капитан даже в душе удивился, как он выжил во время перегрузок при взлёте. Старик мирно дремал, запрокинув голову за спинку сиденья, – казалось, он не жаждет ни с кем встречаться, а просто пришёл сюда, чтобы выспаться. «Уж не с ним ли встреча отменилась...» – призадумался Андрей, но тут услышал голос сопровождавшего его рядового:

– Прошу вас. – С этими словами он церемонно распахнул внушительных размеров двери в кабинет Управляющего.

Капитан нахмурился, отнюдь не впечатлившись торжественностью происходящего, и прошёл внутрь кабинета, по пути закуривая сигарету, скорее, даже не из желания закурить, а просто, чтобы нагадить Управляющему. И его ожидания оправдались – огромный полукруглый кабинет являл собой гимн расточительству: в основном место занимали странного вида зелёные вазы (или это не вазы?), которые время от времени попухивали и выпускали в воздух клубы влажного пара. Андрей сразу определил, что растения не местные, а значит, дело пахивало браконьерством и нелегальным импортом. Мебели в человеческом понимании здесь не имелось – таковой можно было обозвать разве что склизкий кокон на потолке кабинета, что-то вроде колонны из болотной слизи, в которую воткнули десятка два лезвий, и такого же цвета стол, за которым восседал хозяин станции – конечно же, инопланетянин. Капитан даже вспомнил цитату из своей книги: «Все ключевые управленческие места в штабе ВМО скоро займут пришельцы из других миров, которым нет выгоды вести прочеловеческую политику...» Бирюзовое существо больше всего напоминало помесь богомола, стрекозы и обезьяны, если такое вообще можно представить. Лицо обладало всеми стандартными приметам – два рта, один из которых что-то пожёвывал, несколько рядов глаз и что-то вроде носа, но капитан сомневался, что он предназначался для обоняния. Две длинные передние лапы как раз и напомнили Андрею богомола, но вот венчались они вполне себе тривиальными пальцами. В комплекте шла пара золотых крыльев, а всё остальное скрывал от капитана препротивный стол. Почему-то Андрей сразу понял, что он не будет вежлив; Управляющий станции, видимо, разделял его сантименты и продолжал наглым образом рассматривать гостя, при этом не говоря ни слова. Наконец Андрей решился, ибо понял, что он не сможет слишком долго сдерживать свои рвотные позывы.

– Я – капитан космического военно-разведывательного судна «Энкратуриус», Андрей Макаров, – отчеканил он стандартное приветствие и гораздо менее воодушевлённым голосом продолжил: – Вы сами знаете, зачем я сюда пришёл.

– Почему тебе не напомнить мне? – Стоит, конечно, отдать должное этому богомолу: он достаточно натренировал свои голосовые связки, чтобы общаться по-кеметски без переводчика или вавилонки, но, чёрт его дерь, как же он трещал! Будто кто-то пытался связаться с капитаном из чёрной дыры или негативного подпространства.

– Потому что мы здесь не в школе. – Капитан выпустил в слизневую колонну густое облако удушливого дыма. Однако Управляющий уверенно отмалчивался. – Как вас там? Ну-Ик-Кяк?

– Ну-Иль-Як. – Оно ещё и щёлкало, будто кокосы пыталось разгрызть!

– Ага, так, – наконец капитан понял, что играть с ним в игры нечего и что пора уже к делу переходить, – у меня на борту находится Каспер Вэнс — преступник из первой десятки разыскиваемых людей ВМО. Мне нужно уладить с вами одну формальность...

– Формальность? – Богомол будто впервые это слово слышал.

– Вот именно, ничего больше. Мне нужно ваше разрешение.

Ну-Иль-Як взмахнул передними лапами и очень коротко бросил:

– Я его не дать. Свободны.

Самый логичный вариант устранить данную проблему – просто достать из-за пазухи фракционный нож и разрубить этого ублюдка на несколько маленьких стрекозок и богомоликов, но Андрей быстро придумал другой план.

– Интересные вазы... – протянул он и подошёл к одной из странных зелёных штук.

– Да-а-а... – Ну-Иль-Як говорил так странно, что нельзя было понять, доволен он комплиментом или просто кидает очередную реплику. – Моя планета расти. Дай хороший воздух. Углекислый газ для дышать. Дышать, а потом расслабления. Это настоящий редкость.

– Удивительно. – Капитана порадовал ответ, хотя он мало что из него понял (вроде как это что-то вроде их наркотика, от которого приходит расслабление, но он не был уверен). – Просто невероятно. Как жаль, что мне придётся их уничтожить.

– Что? – Пока ещё богомол сохранял спокойствие – Я не понять. Кемет язык не ложись на мой полностью.

– Я говорю уничтожить. Сжечь. Взорвать. Измельчить. Дезинтегрировать. – Тут он дал волю гневу. – Понял ты, наконец, жалкая букашка?!

Ну-Иль-Як замер на месте, раскрыл все свои глаза разом, а его второй рот даже прекратил жевать и начал потихонечку разеваться.

– Ты что, чмо, – продолжал капитан, не теряя напора, – серьёзно думал, что я явлюсь сюда, посмотрю на тебя и всё тебе спущу? Да ты кто вообще такой? – Для пущего эффекта Андрей говорил медленно, размеренно и очень нагнетающе. – Думаешь, я не заметил, как выглядят твои подчинённые? Ты правда думал, что я не сложу два и два и не пойму, куда идут твои бюджетные деньги?

– Я... – попытался сопротивляться опешивший богомол, но Андрей не уступал:

– Молчи, уродище! Я лично добьюсь того, чтобы тебя разжаловали и отдали под трибунал! – Он не на шутку вскипятился и в душе понимал, что в данной ситуации это неправильно, но контролировать себя было сложно: даже кулаки уже сжались, готовые нанести Управляющему сокрушительный удар по одному из ртов.

– Это мне говорить ты? – наконец Ну-Иль-Як понял, что надо сопротивляться. – Я иметь нет дел с убийца!

Вероятно, богомол рассчитывал на паузу в разговоре, во время которой его оппонент смутится, а он бы продумал дальнейшую стратегию поведения, но Макаров не остановился – он уже разогнал, как самый быстрый кеметский космолинкор.

– Я уже ответил за содеянное! И такие, как ты, не смеют судить меня! – Если в прошлых разговорах Андрей сохранял определённое спокойствие, то сейчас он уже орал, почему-то чувствуя себя ответственным за отощавшего рядового и его сослуживцев. – Более того, глядя на твою отвратную рожу, я понимаю, что сделал бы это ещё раз, не задумываясь, лишь бы остановить тебя!

– Жалоба! – Богомол явно признал поражение. – Жалоба!

– Никакой «жалоба». – Почувствовав себя победителем, капитан немного подуспокоился и закурил ещё раз. – Ладно, зелёный, у меня к тебе предложение. Готов торговаться?

Богомол опять опешил, не ожидая от своего оппонента такой быстрой смены настроения.

– Да ладно тебе. – Сигарета приятно обжигала лёгкие: в его век уже давным-давно придумали тысячи видов сигарет с различными ароматами, которые не приносили никакого вреда здоровью, но капитан предпочитал курить по старинке – с никотином и возможной катализацией раковых клеток. – Ты же торгаш по натуре. Я вижу.

– Слушать. – Второй рот снова зажевал, но, правда, немного беспокойно, если, конечно, можно было это так охарактеризовать.

– Вот и душка. Я бы не отказался присесть, но боюсь плащ запачкать – небось твои испражнения так просто не отмоешь. – Давление на оппонента всегда шло на пользу, особенно в разговоре с такими, как этот вор. – Смотри. Дело у меня такое: мне нужен Каспер Вэнс...

– Отмыть грех? – Проницательный попался богомол, но нельзя же признавать этого вслух, так что капитан решил и дальше продолжить прессинг:

– Если не заткнёшься, то возьму на себя ещё один. – Иногда Андрей забывал, что в связи с известными событиями его не то чтобы уважали, но побаивались точно. – Итак, ты отказываешься от обвинений к Вэнсу, я его забираю, а я не рассказываю штабу ВМО на Та-Кемете о твоих контрабандных растениях и этой жиже... Идёт?

– Как мочь знать, что не лукавство? – Интересно, что Ну-Иль-Як даже не обсуждал условия, а просто сразу перешёл к вопросу доверия. Андрей лишь предполагал, что тот и сам подумывал о таком варианте, а потому так быстро и согласился.

– Никак, – ответил капитан, – но у тебя выбора нет, зелёный.

Вместо ответа Управляющий внезапно дёрнулся, хрустнул чем-то неведомым для капитана, скорее всего, каким-нибудь внутренним хитиновым скелетом, и начал довольно живо вылезать из-за стола. Макаров наконец смог разглядеть всё остальное его тело, и тут, конечно, было на что посмотреть: аккуратно за стрекозиными крыльями начиналось червеобразное туловище, абсолютно лишённое ног, которое больше всего напомнило Андрею стандартную кеметскую копчёную колбасу, – только размякшую и истекающую жижей. Получалось, что Ну-Иль-Як был смесью богомола, стрекозы, слизняка и обезьяны: воистину, капитану иногда казалось, что эволюционное развитие на разных планетах не имеет никакого логического объяснения. Разве что какому-то беспечному божеству захотелось поэкспериментировать с формами, и он от души натворил всяких гибридов, от которых обычного Homo Sapiens тянет на тошноту.

Пока Андрей размышлял о божественном чувстве юмора, Ну-Иль-Як подполз к нему почти вплотную и, немного поклонившись, протянул ему одну из своих конечностей.

– Земной ритуал, насколько мне известно? – Андрей немного удивился, так как голос исходил из молчавшего до этого рта, и на этот раз у него не было ни акцента, ни трещания. – Пожмём друг другу руки и договоримся следовать своему слову, аки планеты следуют за солнцем, и солнца следуют за галактиками.

– Поэтично. – Не особо хотелось Андрею пожимать руку этому умнику, тем более что на самом деле тот одним движением мог разорвать его на пару довольно мёртвых кусков, но ничего не поделаешь: в противном случае они и правда не будут связаны никакими обязательствами. Благо, он в перчатках, которые можно потом сжечь.

Андрей пожал конечность Ну-Иль-Яка, и откуда-то сверху послышался тоненький голосок сканера-секретаря, предназначенного как раз для таких случаев:

– Договор между капитаном космического корабля «Энкратуриус» Андреем Макаровым и Управляющим космической станции Дерис-Куахти Ну-Иль-Яком зафиксирован и нотариально заверен. При дальнейшем рассмотрении данного дела номер ЛВК99056/89Н77 просьба обращаться к межгалактическим нотариальным архивам.

– Надо же, какие мы подготовленные. – Наконец голос капитана вернулся в своё прежнее хриплое русло.

При этом решил, что задерживаться больше не имеет никакого смысла: картинно развернувшись, он исчез за дверью, в душе радуясь свежему воздуху и отсутствию слизи на стенах. Рядовой пытался к нему подскочить, но капитан отстранил его, коротко бросил что-то о том, что «он сам найдёт свой шлюз», и быстрым шагом направился к «Энкратуриусу». Что же, не самые худшие переговоры, – тем более что самого главного он ему не пообещал.

Аккурат за проржавевшим (и откуда только ржавчина в космосе берётся?) шлюзом «Энкратуриуса» его ожидал Дол Гакло, напомнивший Андрею межпланетного бегуна на далё-

кие дистанции – настолько он покраснел и вспотел: пот стекал с него не то что градом – настоящими ручьями.

– Капитан, – даже говорил он так, будто только что тягал стокилограммовую штангу, – уф... Переменная доставила нам кучу проблем, но мы всё же изловили и её... Она что-то говорила о вас, но сейчас успокоилась и дремлет... Или что она там обычно делает... Фуф. Вроде даже обличье своё сменила, а то, когда я увидел двух Вэнсов, то не на шутку перепугался. Кто знает, на что этот сукин сын способен?

– Да, это точно. – Честно говоря, капитан выслушал лишь половину его речи, а потом погрузился в свои мысли, так как прекрасно знал, что просто так Переменная никогда не волнуется. – Ладно... Каспер теперь наш, можем готовиться к приёму на борт внепланового и других пассажиров. И... Гакло!

– Капитан? – У того на лице появилось такое выражение, будто Андрей собирается послать его в открытый космос ловить киков, что, надо сказать, дело до ужаса противное и сложное: для такой охоты нанимают специалистов за изрядные деньги.

– Свяжитесь с центральным командованием ВМО и передайте им эту запись. – Одной рукой он растянул своё правое веко, а второй прихватил глаз, полностью вынув его из орбиты. – Знаете, как глазкомом пользоваться?

– Ага... – Дол Гакло, может, и смутился в душе, но виду не подал: у капитана много боевых ранений, так что и не то ещё могло обнаружиться. – У моего братишки был такой. Он на него порнуху записывал, и мы... – Тут он заметил гневный взгляд одинокого капитанского глаза и решил не развивать мысль. – Будет сделано.

– Отлично. – Макаров выглядел довольным. – Удали оттуда все эпизоды, которые изобличают Управляющего станцией в контрабанде, и сосредоточься на превышении должностных полномочий и потенциальном воровстве из казны ВМО. Ты сам поймёшь, что оставить, а что подчистить.

– Понял, капитан, сделаю.

– И... – он на секунду запнулся, даже примерно не представляя, как ему сформулировать свою мысль, – те душилки... проверь наши запасы, там ещё вроде штук пять осталось. Они могут быть бракованными.

– Конечно, капитан, вас понял.

Вот все бы были такими сговорчивыми. Но ведь нет – сейчас нужно прокладывать курс к Та-Кемету и дожидаться внепланового, а это означает общение не только с «его святейшеством», но и, что гораздо хуже, с навигаторами. Андрей Макаров невольно фыркнул и решил предварительно докончить очередную главу своего эпического труда. Он кротко кивнул Долу Гакло и быстрым шагом зашагал по трухлявому коридору «Энкратуриуса».

А Ну-Иль-Як между тем упорно нажимал кнопку на своем личном коммуникаторе в надежде переговорить со своей второй проблемой, которая прибыла на станцию за несколько дней до вьедливого капитана. На другом конце линии никто не отвечал, и он уж решил, что придётся ему послать своих людских лакеев наверх в гостевые покои, но тут коммуникатор ожил, и хриплый прерывистый и будто бы даже электронный голос спросил:

– Да?

Он всегда общался короткими фразами: вторая сущность подсказывала Ну-Иль-Яку, что это из-за того, что такие, как он, презирают все формы жизни, отличающиеся от кометцев, но полной уверенности он имел.

– Каспер не наш. Корабль капитан взять его.

– Хорошо. – Короткая пауза показалась управляющему вечностью. – Кх-х... Так и надо.

– Выполнять условия договор?

– Да... – Ещё одна вечность. – Тебя никто не тронет.

На Ну-Иль-Яка снизошло благословение – Всевеликий услышал его, и он снова сможет погрузиться в лечебный транс. Мало ли когда сюда снова ВМО забредёт. Даже вторая сущность согласилась с его суждениями и тоже внесла свою лепту в разговор.

– Спасибо, внимлющий Локенгон.

VI. Кош'далаглак-ка

Этот дождь... На её планете дожди – такая редкость, что её отец, почтенный сорванец и вор, всегда отплясывал танец счастья, когда с неба падала хоть одна капелька. Как говорится, воровство воровством, а потомство своё кормить надо, – вырастить мало-мальский урожай мелкой картошки, которая, как ни парадоксально, прижилась чуть ли не на всех колонизированных Землёй планетах, являлось довольно сложным мероприятием, особенно без участия воды, льющейся с неба. Посему, как только на улице появлялась какая-нибудь ущербная тучка, лишь чуть-чуть окрашенная в тёмно-синий цвет, её отец выбегал на улицу, воздевал руки к небу и прыгал, крича от радости и счастья. Да, он был эксцентричным типом. И выставил её за дверь, как только ей исполнилось шесть земных лет. Тогда как раз шёл дождь... «Настоящая воровка должна уметь выживать одна...» – сказал он и захлопнул дверь перед самым её носом. Вишну ненавидела дождь...

Она раскрыла свои большие голубые глаза и сразу поморщилась – да, на Щаклаке шёл дождь, но вот только это была не совсем вода, что стекала с её длинных спутанных волос, цвета самого яркого вавилонского утра. По запаху она догадалась, что в воде присутствовал хлор, – не так много, чтобы разъесть её кожу, но достаточно, чтобы она почувствовала, что покрылась красными ноющими пятнами. Руки её были свободны, и она натянула на голову капюшон, – нет, ну хорошо, что её хоть не раздели. Хотя ранец и её вспомогательный пояс отсутствовали – просто прекрасно: теперь у неё нет ни своего инструментария, ни сферы... Вишну попыталась встать на ноги, но тут же обнаружила, что нога её прикована к длинной и толстой цепи, которая другим своим концом крепилась к огромному кольцу на серой стене.

– Да вы шутите... – прошептала она. – Я будто в клише оказалась... Не хватает лишь молнии.

Молния не заставила себя ждать, причём такая, которая на секунду покрыла весь небосвод ярчайшей сеткой, после которой Вишну даже пришлось на несколько секунд зажмурить глаза. М-да, не самая приветливая планетка в плане климата... Да и местная архитектура продолжала её разочаровывать. Она находилась в одном из тысяч внутренних дворов столицы, в колодце с пустыми серыми стенами, словно сооружёнными из земли и глины. Ни украшений, ни фресок, ни колонн, ни изразцов... Одна серость, и ничего окромя. Неудивительно, что щаканаги питают такую тягу к книгам, – без них тут помереть от депрессии можно. Коробка громоздилась на коробке, к ней, подобно сиаемскому близнецу, лепилась ещё одна, там ещё одна, и ещё, и ещё... Так до бесконечности. Пока город не превращался в хаотичное нагромождение тёмных дворов, грязных переулков и опасных аллей, где сновали проходимцы со всех соседних миров: встретить местного там довольно сложно... разве что в библиотеке. Если и она окажется лишь серым квадратом из спрессованной пыли, то Вишну потеряет всю веру в Щаклак. Что подвело её к вопросу...

Надо отсюда выбираться... Кто знает, сколько она провела без сознания?

Осталось лишь проанализировать ситуацию и понять, что же она может сделать: Вишну взвесила цепь на руке, пару раз подергала её, попробовала вывернуть ногу так, чтобы вынуть её из кольца, но пока все усилия проходили даром. Ладно, может, надо начать с другого конца – она подобралась к стене, туда, где цепь крепилась к одному из камней. Приковали её на совесть – видимо, тюремщики знали, что делали. Вишну тяжело выдохнула и привалилась спиной к стене: как только она не предвидела, что этот золотозубый извращенец последует за ней? Так всегда и бывает с этими сволочами – они примечают жертву, потом следуют за ней, а потом, в самый удобный для них момент, выскакивают прямо из-за угла. И даже такой профессионал, как она, ничего не может сделать... Хотя коленку она хорошо ему продырявила – теперь до самой смерти ковылять будет. Ладно, хватит время терять: она прислушалась и осознала, что

откуда-то издалека до её ушей доносятся отголоски радостных окликов и хоральных песен. Похоже, наступила ночь перед Днём поклонения Букве и на улицу вываливали тысячи шаканагов и гостей планеты, пройти мимо которых незамеченной очень и очень сложно. Возможно, её отец и смог бы выкрасть всё что угодно, при каких угодно условиях, но вот она... Опиет она отца вспомнила, да что же это такое? Надо навестить его, что ли, когда она покончит с этим делом... Да, вот будет сцена: она заявляется к отцу через двадцать лет разлуки и поливает его имя грязью. Он, скорее всего, сузит глаза и ответит что-нибудь псевдомудрое вроде: «Зато ты стала сильной и мудрой...». А она...

Стоп.

Делу время, воспоминаниям час.

Надо изучить окружающую её обстановку – дождь как раз ослабел, и Вишну смогла разглядеть весь двор сразу. Словно кто-то начертил его при помощи линейки – более прямоугольного сооружения она в жизни не видела. Никаких окон – лишь одинокая дверь на противоположной стороне, через которую её, предположительно, затащили и до которой добраться с этой цепью на ноге не представлялось возможным. Думай, Вишну, думай. И почему он дал ей такое странное имя? Её отец исповедовал индуизм – придерживался какой-то древней земной религии, в которой, если покопаться, разногласий больше, чем в её запутанном внутреннем мире. Он всегда говорил, что она родилась в самое жаркое лето в его жизни, когда вавилонское солнце выжигало поля и нагревало мелкие и раскиданные по холмикам домики так, что внутри можно было заживо свариться. Отсюда, мол, и её имя... Как всё это связано, она не понимала, – её отец тот ещё двинутый сукин сын. Да что ж такое?

– Держи себя в руках, – прошептала она и тут неожиданно увидела, что совсем недалеко в углу лежит коричневый мешок, явно чем-то набитый. Уже что-то: скорее всего, там нет ничего особенного, но кто знает – вдруг что из этого можно приспособить под её нужды? Даже если там обнаружится палка, то её можно обломать о звено цепи, а потом воткнуть в горло первому, кто придёт её навестить.

Почему-то Вишну решила не вставать, предположив, что так она расшумится, а потому поползла к мешку на четвереньках, меся коленками грязь и постоянно поскальзываясь. Но приходилось терпеть... И не в такой ситуации бывала... Хотя нет – если предположить, что золотозубый хочет её изнасиловать или продать в сексуальное рабство какому-нибудь толстосуму, то в худшем положении она ещё не была. Да ещё цепь на ноге... Будь это силовая верёвка или душилка, то она прекрасно знала, как от них избавиться без всякого подручного инструмента, но вот с такой примитивной вещью, как сталь (может, и не сталь, а местный сплав, но ей искренне наплевать), справиться гораздо сложнее. Иногда она сожалела, что обладала комплекцией двенадцатилетней девочки, а не какого-нибудь гиганта со станции, которая вращается вокруг Юпитера... Как её там? Не суть. Да, у неё на планете её комплекция считалась нормальной и даже привлекательной, но в мире кометцев и инопланетян она зачастую чувствовала себя не в своей тарелке. Что там говорил её отец по этому поводу? Правильно, ничего. Он выгнал её из дома, когда она ещё не задавалась проблемами социальной адаптации. Ну вот, опять... Снился он ей, что ли?

Вишну наконец поравнялась с таинственным мешком и ахнула. Никакой это не мешок...

Перед ней лежала свернувшаяся калачиком девочка, скорее всего, лет десяти или одиннадцати, которая спала беспробудным сном. Она так высоко задрала костлявые коленки, что издалека её вполне можно было принять за мешок, – особенно из-за рабской одежды: холщовой коричневой рубашки до пят. Однако самое ужасное Вишну заметила не сразу... Измождённое лицо девочки оказалось перепачканным кровавыми отпечатками пальцев, будто кто-то долго и отчаянно хватал её рукой в крови. У неё были тонкие губы, длинный худой нос, жидкие синеватые волосы и недлинные рожки, чуть-чуть пробивающиеся из-за ушей: определённо, одна из древних колонисток, как и сама Вишну. О таком подвиде бывших землян она никогда не

слышала, но если учесть, сколько планет заселили до Забвения, то появилось несчётное множество человеческих подвидов. Однажды она встретила человека, у которого вследствие планетарной эволюции процессов вся кожа покрылась чем-то вроде коротеньких щупалец, венчающихся присосками, – они помогали им лазать по стеклянным скалам на далекой родной планете. Более того, многие современные учёные Та-Кемета и даже светлейшие умы рактоногов и аквиллов выдвигали теорию об общем предке, который обладал гуманоидными чертами и больше всего походил на прямоходящего человека. Остальное же явилось следствием условий, в которых та или иная раса оказалась... Так что нет смысла удивляться её рожкам – напротив, Вишну сразу решила, что они придают девочке приятный экзотический вид.

– Не... трогайте... – прошептала та и так сильно зажмурилась, что у неё на лбу проступила вена.

– Девочка... – Честно говоря, Вишну не знала, как к ней подступиться: она редко с детьми общалась, а становиться матерью вообще никогда не собиралась. – Девочка... Я тебя не трону... Скажи... Где мы? Отсюда есть выход?

Однако та лишь задрожала и чуть слышно застонала, даже не раскрывая глаз. «Чёрт, – поняла Вишну, – она под наркотиками или каким-то изошрённым гипнозом!» Она уже хотела оставить девочку в покое, но сразу решила, что надо хотя бы её осмотреть, – вдруг у неё в рубахе заваялось что полезное. Звучало, конечно, не особо правильно, но, с другой стороны, это поможет ей освободиться. Вишну изловчилась и мягко перевернула девочку с бока на спину – та только тихонько застонала, будто и не чувствовала, как её тягают. К удивлению Вишну, девочка была лёгкая как пушинка, а плечо, за которое она схватилась, казалось, было лишено каких бы то ни было мышц, – она словно схватилась за оголённую кость.

– Тебя даже не кормят... – сказала Вишну скорее самой себе.

Однако самое ужасное открылось ей, когда она уложила девочку на спину: в крови не только ее лицо – ею заляпано всё тело мученицы. Но хуже всего... Вишну отвернулась.

Чуть пониже живота виднелось самое большое тёмно-красное пятно, всё ещё мокрое... Оголённые ноги тоже в засохших полосках крови... Её насиловали.

– Девочка... – только и смогла прошептать Вишну.

На этот раз она правда не знала, что делать... Она с ужасом смотрела на пленницу и понимала, что если она её здесь оставит, то остаток своей жизни та проведёт в настоящем аду. Ей и так уже пришлось несладко, но если она каким-то образом её спасет, то у несчастной появится шанс на восстановление. Но как? Вишну не представляла, как самой-то выбраться из передраги, что уж говорить о бедной девочке. Однако сейчас Вишну поняла одно: золотозубый умрёт. Она воткнёт ему спицу прямо в горло и посмотрит, как та выйдет изо рта. Она никогда никого не убивала, но поняла, что сейчас лучшее время для того, чтобы превратиться в убийцу.

– Госпожа Вишну?

Она аж подпрыгнула на месте, при этом слишком сильно дёрнув за цепь, что заставило её повалиться в мокрую грязь, причём, конечно же, лицом. Вишну чертыхнулась, утёрла грязь и обернулась к голосу, не узнать который было невозможно. Рядом с ней сидело миниатюрное существо, по форме напоминающее яйцо с ручками и ножками: тело его покрывала длинная и шелковистая жёлтая шерсть, а такие классические отличительные черты, как рот и уши, отсутствовали напрочь. Зато имелись глаза: большие, круглые и очень выразительные, – будто позаимствованные у плюшевых игрушек с Та-Кемета.

– Кошечка, – чуть ли не крикнула Вишну, – ты бы знал, как я рада тебя видеть.

– Госпожа прекрасно знает: я не люблю, когда ко мне так обращаются. – Голос существа исходил не изо рта, а откуда-то изнутри, словно она разговаривала с волосатым радиоприёмником; при этом в его произношении отсутствовал акцент. – Меня зовут Кош'далаглак-ка из клана Шиики планеты Гиката, как вы её называете.

Да, и так всегда. Кошик служил кем-то вроде посыльного в Воровской Межпланетной гильдии – он умел напрямую связываться с центральным управляющим аппаратом, а потом каким-то неизвестным образом выискивал того или иного участника гильдии и передавал ему нужную информацию, будь то новое задание или дополнительная информация по текущему. Его планета, находящаяся где-то в созвездии Весов, почти на самой границе исследованного космоса, была домом для более чем десяти разумных существ, к которым принадлежали и шиики. Удивительная и таинственная форма жизни, которая совсем недавно попала под программу защиты ВМО, так как предприимчивые преступники выкрадывали молодых шиики из их гнёзд и продавали на чёрном рынке различным толстосумам, которые хотели сделать подарок своим заевшимся детям. Мягкие, пушистые и очень говорливые шиики стали тогда настоящим хитом продаж – дошло до того, что на самой Гикате их население сократилось вдвое: теперь она всегда находилась под надзором, а любого, кто хотел умыкнуть очередного милого зверька, разрешалось расстреливать на месте. Взрослые шиики оказались ещё интереснее – живя в тотальном симбиозе с другими существами на своей планете, они обретали неведомые человеку способности: телепортация на недалёкие расстояния, невероятно развитая фотографическая память, способность выучивать любой язык за считанные минуты и, что самое важное, так называемый треккинг. При встрече с каким-либо существом шиики могли наложить на него так называемый «отпечаток», что позволяло им в любое время определять точное местонахождение этого существа. Что-то вроде стандартного межпланетного слежения, но только без сложного оборудования и огромных радарных комплексов. При вступлении в Гильдию Вишну, конечно же, прошла обряд «отпечатка», и теперь Кошик мог найти её где угодно и когда угодно. И да, на самом деле его имя гораздо длиннее, но кто вообще попытается это произнести?

– Да неважно! – заговорила Вишну, понимая, что теперь у неё появился шанс спасти и себя, и измученную девочку. – Где-то за этой дверью валяется рюкзак с моим оборудованием. Принеси мне его, пожалуйста!

– О! – Существо вздрогнуло. – Боюсь, я не могу этого сделать, госпожа Вишну.

– Но почему?! – с отчаянием выкрикнула она и на секунду подумала, что сейчас схватит Кошика и будет бить его о стенку, пока тот не испустит дух.

– Это не входит в мои функции. – Вот и говори тут о межкультурных различиях. – Я лишь посыльный, и я искал вас не просто так...

– Слушай, – она быстро подползла к упрямому шиики и села рядом, снова чуть не запутавшись в натирающей цепи, – ты просто посмотри вон на ту девочку. Нет, ты посмотри!

– Госпожа...

– Плохие люди делали с ней ужасные вещи...

– Я не знаком с человеческой физиологией, госпожа. – Упрямство у него в крови, если, конечно, у него в жилах течет кровь. – Да, она, определённо, перепачкана в крови, но я не уверен, что здесь есть угроза здоровью.

– О нет, она не умрёт... – Вишну говорила взахлёб, понимая, что другого шанса у неё не будет. – Но если ты сейчас ничего не сделаешь, то я её сама убью. Задушу вот этой цепью, так как лучше смерть, чем то, что с ней делает этот урод.

– Госпожа Вишну, не уверен, что я вас полностью понимаю...

– Меня взял в заложники какой-то местный сутенёр, который торгует рабынями несовершенного возраста. – М-да, она забыла, что шиики вообще очень дотошные существа и лучше им выложить всё сразу. – Я не уверена, что он в курсе, что мне на самом деле двадцать шесть лет, сам понимаешь, как я выгляжу...

– Не знаю, госпожа, для меня вы мало чем отличаетесь от других человеческих особей...

– Ох, неважно. – Только не терять терпение. – Он хочет продать меня на другую планету, а с этой девочкой и дальше будет происходить ужасное... Ты пойми, он её насилует...

– Насилует? Боюсь, я никогда не сталкивался с этим словом...

– Да что же такое... Ну... – Она замялась: не то чтобы тема секса была для неё строгим табу, но почему-то она никогда не любила вдаваться в соответствующие подробности, даже если и считала непродолжительные романы с мужчинами (и пару раз с девушками) своим вполне обычным времяпрепровождением. – Он, ты пойми... Он лишил её чистоты...

– А... – Шиики задрожал, пытаясь проанализировать новую информацию. – Я понял.

– Понял? – Вишну подползла ещё ближе, так, что ощутила прикосновение нежных волос существа у себя на руках. – Теперь ты понимаешь, почему обязан помочь мне, Кошик...

– Госпожа Вишну, я вас прекрасно понимаю и очень вам сочувствую, но...

– *Ну что «но»?!* – взвизгнула она.

– Но... максимум, что я могу сделать, – доложить о вашем злоключении в Управление Гильдии, а они, несомненно, вышлют вам помощь...

– Да твою же мать! – Вишну хватанула кулаком по земле, в очередной раз забрызгав лицо грязью.

Небо начало окрашиваться в нежно-пепельный цвет, что говорило о скором приближении утра.

– Госпожа Вишну, прошу вас заметить, что у меня нет матери, как и у всего народа шиики: мы, в отличие от вас и многих других гуманоидных рас, размножаемся делением. Но я прекрасно понимаю, что вы пытались меня оскорбить...

– Она умрёт! Ты пойми, что она умрёт! – Ей захотелось заплакать, но она просто не могла сейчас этого позволить.

– Это очень грустно, но таковы законы жизни, госпожа Вишну. Галактика огромна, и события, происходящие в ней, не всегда отличаются позитивностью и счастьем, – тёмные страницы жизни и бытия уравнивают светлые. Это баланс, который ниспослан к нам свыше, и мы ничего не можем против него предпринять. Подумайте, что отличает эту девочку от других таких же, как она? Уверяю вас, среди всего населения Галактики в ещё более худшем положении находятся целые миллионы детей... Что делает именно эту девочку особенной?

– То, что я здесь рядом, пойми ты!

– Но вы ничего не можете сделать. Более того, я только что отследил разговор, в котором несколько раз упоминалось ваше имя, госпожа Вишну...

– И что?!

– Они собираются имплантировать вам какую-то капсулу...

– Понятно. – Она повалилась в грязь, потеряв последние остатки сил: Кошик определённо говорил о капсуле, которую используют работорговцы для контроля своих жертв. Она вживляется в мозг, и стоит лишь тебе подумать о побеге, как капсула трескается и из неё вытекает токсичная жидкость, убивающая тебя изнутри. Грубо, но эффективно...

– Мне очень жаль, госпожа Вишну. – Кошик говорил без каких бы то ни было эмоций, а посему эта сочувственная фразочка звучала как-то уж слишком неестественно. – Вы разрешите зачитать вам сообщение?

Идея. Именно из-за таких идей Вишну часто гордилась собой.

– Нет, – сказала она и крепко зажала уши руками, до того, что у неё загудела голова, а в ушах засвистело. – Не буду слушать! – Она кричала, как это всегда бывает, когда что-то мешает слышать, но ей было искренне наплевать. – Не буду слушать!

Наверное, Кошик ей что-то говорил, так как она явно видела, что он дрожал и даже пару раз подпрыгнул на месте, но она не расслышала ни единого слова – пусть хоть взорвётся, она будет зажимать уши до последнего. Расчёт простой: шиики – невероятно принципиальные существа, которые всегда выполняют любое задание или поручение до конца без халтуры, – пока Кошик не удостоверится, что она услышала и осознала его послание, он с места не двинется. Более того, если у него на планете прознают, что он не выполнил поручение, то его

немедленно объявят изгнанником и лишат всех способностей, что для шиики хуже любого смертельного исхода.

Кошик продолжал подпрыгивать на месте, а Вишну решила, что настало время выдвигать требования. Она закричала:

– *Либо ты приносишь мне мой рюкзак, либо я не буду слушать твоё сообщение! Тебе ясно?!*

Пушистый шарик перестал дрожать, мерно упокоившись на одном месте, – казалось, он обдумывает её предложение. Вишну медленно убрала руки от ушей и сразу же услышала:

– Но я правда не могу, госпожа. – Она хотела было снова закрыться от его голоса, как он внезапно сам повысил голос:

– Стойте! Нет, хорошо, я согласен вам помочь, но перенести вам ваши инструменты я не могу...

– И это почему же? Я слышала, что шиики могут телепортировать объекты вместе с собой...

– Не объекты, а... Живые существа. – Кошик раскачивался из стороны в сторону. – Живые существа обладают... Как вам лучше сказать... Аурой. Я... цепляюсь за неё своими... Поверьте, мне сложно вам объяснить!

– Постарайся уж!

– Своими лучами... И переносу за собой в пространстве. У предметов нет ауры, а поэтому я не могу ничего сделать, так что простите, госпожа... А теперь давайте перейдём к...

– Тогда перенеси ты меня внутрь. Прямо за дверь, туда, где нет никаких живых существ.

Повисла очередная пауза.

– Но, госпожа...

– Ну что?! Что?! – Она находилась на грани истерики, ощущая каждый волосок на своей коже. – Ну неужели тебе так сложно?! И неужели ты не понял, что теперь у тебя нет выбора? Чувствуешь иронию? Ты ничего не сможешь сделать! Я лишь буду зажимать уши до тех пор, пока сюда не придёт кто-нибудь и тебе не придётся обратиться. А тогда что? Кому ты передашь сообщение, скажи?!

– Но это же шантаж, госпожа...

– Ты сама очевидность... Так ты можешь перенести меня внутрь?

Молчание на этот раз длилось нескончаемо долго – точнее, всего несколько секунд, но каждый момент казался Вишну настоящей вечностью.

– Это я могу. – Голос Кошика прозвучал даже обиженно. – Но вы тогда точно выслушаете моё сообщение?

– Да! Да! – Вишну схватила его и прижала к груди, что, надо сказать, заставило его заурчать: она не знала, что шиики так умеют. – Я выслушаю всё, что ты мне скажешь!

– Хорошо. – Его голос сделался мягче и теплее. – Тогда не отпускайте меня... Сейчас...

Описать телепортацию при помощи шиики можно примерно так: будто у Вишну из-под глаз убрали одну картинку, с серыми стенами и грязными дворовыми лужами и за секунду заменили на другую, гораздо более красочную. Она опомниться не успела, как оказалась перед огромным зеркалом в комнате, где вместо внутренней отделки или обоев все стены обиты чем-то наподобие бархата. Она хотела было удивиться возможностям Кошика, но тут поняла, что на неё из зеркала смотрит не просто Вишну, а обнажённая Вишну. Она, конечно, успела удостовериться, что отнюдь не потеряла форму и всё ещё была стройная, с развитой мускулатурой и чрезвычайно гибкая, но как-то оно было неправильно. Самого же шиики Вишну так и прижимала к груди, при этом он урчал и покашливал, – повинувшись непонятному инстинкту, она внезапно вскрикнула и отшвырнула волосатый шарик прочь от себя, сразу же поняв, что сглупила.

– Прости, – шёпот получился слишком громким: сейчас она находилась в стане врага, так что приходилось соблюдать максимальную осторожность, – это рефлекс... Никак не ожидала, что я буду...

– Голой? – По крайней мере, Кошик тоже догадался шептать. – Я же говорил, я могу переносить только живых существ... И то это чрезвычайно сложно для моей сущности... Твоя одежда на улице: там, где ты находилась до этого.

– Да, я догадалась. – Вишну решила не терять зря времени и тихонечко осмотрелась: оказалось, что шиики перенёс её в некое подобие спальни, или, точнее сказать, «комнаты для секса», с огромной кроватью посередине и...

Да, скорее «комнаты для пыток»: сбоку от гипертрофированно огромной кровати в виде листа какого-то местного дерева, стоял небольшой столик, заваленный оружием, инструментами и просто орудиями пыток. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кровать, застланная тем же красным бархатом, что и обои, насквозь пропиталась кровью: причём пыточный ритуал завершился здесь совсем недавно, так как кровь ещё и не думала засыхать. Инструменты тоже валялись окровавленными, а на некоторых даже виднелись куски кожи и мяса...

Бывают моменты, когда ты понимаешь, что все твои принципы рушатся подобно наспех возведённым стенам, а вместо них душу заполняет неостановимая волна агрессии и злобы, которая выводит разум из-под контроля и превращает человека в первобытную машину смерти. Вишну, повинувшись непонятному порыву, погрузила обе руки в лужу крови, которая скопилась на кровати, и обмазалась ею, превращаясь в настоящего дикаря. Последним она измазала лицо – она сама не понимала почему, но все эти действия лишь придавали ей решимости. Затем девушка глянула на столик и без промедления схватила оттуда два неизвестных ей, но чрезвычайно хорошо заточенных и блестящих клинка – одно лишь прикосновение к ним внезапно вселило в неё искру энергии и неостановимой агрессии. Только вот как только оружие легло ей в руки, она сразу же осознала, что с ним что-то не так, – сквозь её пальцы пробежал слабенький электроразряд, быстро распространившийся по всему телу и наполнивший её яростью.

Вишну уже хотела рвануть в атаку, но тут вспомнила про Кошика, который забился в угол и время от времени пытался напомнить ей об их уговоре.

– Говори, что хотел сообщить, – процедила она сквозь зубы, чувствуя, что время убегает от неё подобно неостановимой небесной комете.

– Да, конечно... Наконец-то... – Шиики подкатился поближе и церемонно произнёс: – Госпожа Вишну, ваш коллега и побратим по гильдии Джон Клэрэнс, вор пятого ранга, передаёт вам, что пришло время вернуть ему долг – двадцать пять тысяч лун, которые вы у него заняли год назад. – Кошик замолчал.

Вишну даже не знала, чего ей в данный момент захотелось больше – рассмеяться так, чтобы каждый головорез в этом доме сбежался прямо к ней или же прямо сразу вонзить одно из лезвий в трогательный пушистый шарик, а потом пустить его на шашлык при ближайшем приёме пищи. Ах да, сколько она там не ела?

– Серьёзно? – только и сказала она. – Тебя отправили в такой далёкий путь лишь для того, чтобы сообщить мне *это*?

– Такова моя служба, госпожа. – Кошик снова успокоился и перестал урчать. – У вас будет какой-нибудь ответ для господина Клэрэнса?

– Ты знаешь... – Идиотская идея, но сейчас она казалась как раз кстати. – Передай ему спасибо и... поцелуй в щёку. – Она медленно двинулась к двери, чувствуя себя как никогда решительно настроенной.

– Госпожа Вишну, вы же знаете, что у моей расы нет ротового аппарата... – Иногда Кошик веселил её до невозможности.

– Я уверена, что ты что-нибудь придумаешь. А теперь давай, лети по своим делам.

Она приложила ухо к двери и поняла, что прямо за ней кто-то стоит – кто-то тяжело дышащий и, скорее всего, даже дремлющий. Ну вот кто прижимается спиной прямо к двери – мало ли кто там может быть за ней? Вишну понимала, что наступает момент икс – через несколько секунд она сделает задуманное и уже не будет воровкой. Она станет убийцей: разум пытался воспротестовать этому, но тело само делало всё от неё требующееся: она мысленно прикинула, на каком уровне находится шея охранника (если, конечно, у него есть шея, – но по практике она знала, что в таких группировках чаще всего состоят либо современные кеметцы, либо выходцы из старых колоний), и резко вогнала туда лезвие. Клинок прошёл сквозь дверь, как сквозь песок, а дальше пошло и того проще, – она лишь услышала сдавленный хрип и то, как поток крови ударяет в противоположную стенку. Только вот она не подумала о другом: вдруг охранник был там не один? Вишну затаила дыхание и медленно вытащила окровавленный клинок – не последовало ни грохота, ни чых-либо криков: ей повезло.

– Госпожа Вишну, вы же понимаете, я вынужден буду обо всём рассказать гильдии... – Он ещё оставался здесь: как бы она ни любила Кошика, сейчас ей меньше всего хотелось его компании. – И о вашем шантаже, и о нежелании меня слушать, и об... этом...

Вишну проигнорировала его и медленно приоткрыла дверь, которая оказалась незапертой и не защищённой никакими сигнализациями или датчиками – чего ещё ждать от такой убогой шайки? Послышался тихий стук – труп охранника завалился на бок и ударился головой о пол. Вряд ли это кто услышал, но всё равно – осторожность не повредит. Она медленно выглянула за дверь и увидела длинный коридор с несколькими дверьми по бокам и лестницей вниз в самом конце, – стандартная местная проектировка: у щаканагов воображения меньше, чем у садового камня: неудивительно, что они писать не умеют. Вроде бы никаких шагов или паники – всё тихо как в могиле: разве что из-за одной двери, какой точно, она понять не могла, слышались какие-то хлюпающие звуки, будто кто-то месил виноград или эти фрукты, из которых делают карнак... Вишну просочилась сквозь щель в двери и решила осмотреть охранника: парадоксально, но это оказался не человек, а рактоног, причём довольно взрослый, перешедший в третий трекл жизни. Она и не знала, что они замешаны в торговле рабами детьми, – обычно рактоноги шли в инвестиционный или финансовый бизнес: их интересовало всё, что связано с экономикой или планированием космических экспедиций: очень редко они вступали в преступные картели... Но что же! Всякое бывает... Вишну с уважением оглядела новоприобретённые клинки – пробить дубовый панцирь рактонога отнюдь не каждому лезвию по силам, а здесь она даже малейшего сопротивления не заметила. Видимо, стоит их сохранить, особенно учитывая, что с этого момента она стала убийцей и, скорее всего, её вышвырнут из Воровской гильдии.

«Да, отец, не просто так я тебя сегодня вспоминала, – пронеслось у неё в голове. – Сегодня я отреклась от наших убеждений и стала чем-то новым...»

На секунду Вишну остановилась и просто посмотрела в пол, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, а руки всё сильнее и сильнее трясутся. Надо себя успокоить... Она обязана... Та девочка... Вишну сделала глубокий вздох, сглотнула, почувствовав, как огромный ком опустился обратно в желудок, и поняла, что дальше дороги нет никакой. Теперь одно из двух: либо закончить начатое, либо сесть на пол и ждать, пока не придёт кто-то и не убьёт её... Этого она не могла себе позволить. Ещё один глубокий вздох, и Вишну сделала новый шаг к лестнице...

Но сперва она просто обязана узнать, где и что так назойливо хлюпает: это может оказаться чем угодно, в том числе и каким-нибудь инопланетным существом, которое в самый ненужный момент окажется у неё за спиной, и она продублирует судьбу мёртвого рактонога. За первой дверью оказалась точная копия той комнаты, в которую её перенёс шиики, – разве что отсутствовал столик с пыточными инструментами, а на кровати валялся блестящий костюм для очередного сексуального развлечения. Сумасбродная мысль пришла Вишну в голову, но она быстро её отмела – лучше уж голой, чем так...

Вторая дверь оказалась запертой, и ей пришлось аккуратно просунуть лезвие в замок, до тех пор, пока он тихонько не хрустнул и дверь не поддалась. Она заглянула внутрь... и окаменела.

Та же самая комната, та же самая тележка с инструментами... И человек, нагнувшийся над кроватью и перебирающий руками в распоротом животе маленького мальчика, который не подавал никаких признаков жизни. Одна из ног жертвы была отпилена и сейчас валялась в другом конце комнаты, а садист оказался заляпан кровью с ног до головы. Жирный и отвратительный – словно гигантский боров с её родной планеты. Кровь на его теле перемешалась с крупными каплями пота, из бородавок и красных пятен то тут, то там торчали противные волосёнки, а кожа местами обвисла и скукожилась, выдавая его древний возраст. Он был обнажён, за исключением микроскопических трусов, которые еле-еле прикрывали его срамные места.

Вишну сама того не заметила, но поняла, что у неё изо рта вырывается что-то вроде рычания – страшный утробный звук, который раздирал её глотку и наполнял дикой яростью. Садист тоже услышал её и неожиданно быстро обернулся, но только для того, чтобы сразу застыть на месте: его лицо было отвратительно и больше всего напомнило Вишну скукожившийся цитрусовый фрукт. Маленькие серые глазёнки испуганно бегали по помещению, словно он искал кого-то эфемерного, кто может ему помочь; крючковатый нос обнажал раздутые от страха ноздри, а рот почему-то заклеен чем-то чёрным. Видимо, она и правда выглядела устрашающе: изогнутая в позе для прыжка и с головы до пят измазанная в крови, она внезапно выкрикнула что-то нечленораздельное и в мгновение ока оказалась рядом с извращенцем. Тот попытался замахнуться чем-то, что всё это время держал в руке, но опоздал – она резко прыгнула, обхватила его шею ногами и воткнула один из клинков прямо ему в затылок: неглубоко, так, чтобы он его почувствовал, но не сразу завалился мёртвым. По крайней мере, она предположила, что так будет – опыта пока маловато. Следующим движением она встала прямо у него на плечах, оттолкнулась от него, при этом отшвырнув прямо в стенку. Двойное сальто, и она уже стояла на полу, готовая к новому прыжку в том случае, если садист оклемается и кинется на неё в атаку. Однако тот уже успел обмякнуть и осесть на пол: клинок всё ещё торчал из головы, изо рта хлестала кровь, а двумя руками он пытался сделать хоть что-либо, но, не в силах скоординировать свои движения, бил себя по лицу и наносил себе увечья громадным шилом, которое всё ещё держал в руке. Его взгляд продолжал бегать и внезапно остановился на Вишну, что, честно говоря, жутко испугало её, так как на секунду ей показалось, что она смотрит в лицо самой смерти. Она не могла этого объяснить, но ей даже стало жалко этого человека: в его взгляде она прочла столько отчаяния и страха, что ей не захотелось и дальше его мучить. Она медленно подошла к нему и надавила на лезвие.

– Его там нет.

– Ты всё ещё здесь, Кошик, – говорила будто не она, а кто-то другой... далеко-далеко от неё.

– Тот, кому вы хотите отомстить, госпожа Вишну, за несколько сотен километров отсюда, в другом городе. Это всё зазря.

Вишну промолчала и вместо этого подошла к кровати. Мальчику было от силы семь лет. Его глаза были закрыты, а лицо расчерчено полосами от засохших слёз. На ухе виднелись кровавые следы от зубов... скорее всего, этого жердяя. Дальше она смотреть не хотела.

– Они все умрут. Вишну развернулась и уверенно двинулась на выход из комнаты, но перед этим остановилась и посмотрела на затаившегося в уголке шиики. – Слышишь, Кошик? Они все умрут.

– Я понял, госпожа Вишну. Но только меня зовут Кош'далаглак-ка.

– Я поняла. – Девушка попыталась найти ещё слова. – Спасибо тебе.

– Не за что, госпожа Вишну. Прощайте. – Он растворился в воздухе, будто его и не было.

Вишну медленно кивнула и пошла по направлению к лестнице – надо было продолжить расправу.

Центральное помещение представляло собой что-то вроде небольшого питейного заведения с барной стойкой, с пустыми грязными стаканами, бутылками с самым дешёвым пойлом, которое только можно найти было в Галактике, и даже одним спящим инопланетянином – с несколькими парами усиков на затылке и чем-то вроде клюва на том месте, где у человека должен быть рот. Имелось и несколько столиков, а за ними – трое массивных головорезов с Та-Кемета или с её колоний: каждый из них полностью экипированный и мог похвастаться внушительным арсеналом из звуковых пистолетов и даже бластеров внеземного происхождения. Довольно серьёзные противники, если бы не одно «но» – на стороне Вишну эффект внезапности, так как мужичё слишком увлеклось неизвестной ей азартной игрой. Наёмники, гогоча и исторгая проклятия, подкидывали в воздух несколько ракушек, а потом ловили их лопатками, – несомненно, не самая высокоинтеллектуальная игра.

Вишну сидела на коричневой балке, которая тянулась вдоль всего потолка, – видимо, первый хозяин данного заведения пытался придать бару хоть капельку уюта... Но всё тщетно. Убогость архитектуры и дизайна щаканаги просто так не победить. Вишну чувствовала, как в её теле напряжена каждая мышца, как она вся была единым целым, как каждый её член действовал в согласовании с другими. Она походила на затаившуюся дикую кошку, готовую прыгнуть на свою добычу, дабы вцепиться ей в горло и жестоко растерзать. В голове носились дикие, беспорядочные мысли, которые она никак не могла отогнать от себя... Что-то насчёт стыда, предательства, шиики, гильдии, долга и, конечно же... отца. Чтоб его. Да, канули в Лету все её мечты о новой встрече с ним, – теперь она даже показаться ему на глаза не посмеет. Теперь она перестала быть его Вишну, солнцем, – она стала кем-то другим, гораздо более отталкивающим и страшным. Кто бы мог подумать, что в гибкой, хрупкой и атлетичной гимнастке-воровке жил спавший до этого зверь, способный не просто на убийство, но на изощрённое убийство. Она всё ещё видела глаза жирного извращенца, который смотрел на нее загнанным псом... Почему-то она вдруг услышала его голос или, по крайней мере, то, что она представляла его голосом:

– Убей меня... Убей меня, мразь... Вгони этот нож. Вгони!

Вишну поморщилась и попыталась сосредоточиться – один из наёмников отделился от общей группы и по какой-то причине лазил в карманах у спящего обладателя клюва. На самом деле сейчас выдался практически идеальный шанс прикончить их наиболее эффективно – сплошная математика, – надо лишь рассчитать все углы и понять примерное расстояние от одного человека до другого. Надо лишь представить, что она хочет их обокрасть, но при этом воткнуть в каждого по клинку, – такие манёвры она выполняла и раньше: на жаргоне Гильдии это называлось «молния». Вор должен скорострельно атаковать группу тех или иных людей, сея среди них сумятицу и панику, а параллельно обчищая их карманы от ненужного им барахла. Одно только «но» – при этом их не надо было убивать. А тут, видимо, придётся: вряд ли они обрадуются своей же пленнице, да ещё перепачканной в крови их коллег и клиентов. Внезапно разговор прекратился, один из наёмников выкрикнул чьё-то имя, вероятно, зовя уже мёртвого охранника со второго этажа, и вскинул голову. Его взгляд встретился с глазами Вишну, и тут время снова замедлило свой ход.

Послышалась дикая матерщина.

Первый охранник встаёт и тянется к кобуре своего звукового пистолета.

Она уже приземляется на стол и методично рассекает одним клинком его живот, а вторым ковыряется в глазу у ничего ещё не осознавшего второго охранника.

Кишки потихоньку вываливаются прямо на стол, а второй наёмник откидывается назад, оставляя свой глаз у Вишну на клинке.

Третий головорез наконец осознаёт происходящее, дико кричит и, за неимением лучших идей, швыряет в Вишну бутылку, которая сильно ударяет её в голову, при этом разбиваясь и оставляя на её лбу картинные алые разрезy.

Это злит её ещё больше, и она с диким рёвом устремляется к нападающему, по пути доставая из расстёгнутой кобуры первого наёмника прекрасный звуковой пистолет.

Головорез хватает со стойки очередную бутылку, но тут же замирает, понимая, что дуло оружия смотрит прямо на него.

– Стой! – хрипит он, одной рукой теребя спящего инопланетянина, а второй заслоняясь от пистолета, будто бы это могло его спасти. – Давай договоримся!

До ноздрей Вишну доносится отвратительный запах, который она трактует как запах страха, и она давит на курок, при этом говоря:

– Нет.

Раздаётся громopodobный звук, и голова наёмника разлетается на куски, окрашивая всё вокруг в цвет крови и мозгов. Инопланетянин умер, так и не проснувшись: пока одна рука Вишну давила на курок, вторая как по наитию резала ему горло и для порядка всё, что ещё попадалось под руку – мало ли ему не требуется кислород?

Громкое и тяжёлое дыхание Вишну было единственным звуком, который раздавался в зале: она смотрела на содеянное и понимала, что если бы их оказалось ещё больше, то её было бы не остановить. Она превратилась во что-то, что не только пугало её, но и приносило ей непонятное удовольствие... Сама месть. Само возмездие. За всех тех несчастных детей, которые нашли здесь свою погибель от рук садистов и извращенцев.

Вишну довольно громко сглотнула и медленно подошла к ближайшему столику, где стояла початая бутылка какого-то кошмарного пойла. Она схватила её за горлышко и сделала изрядный глоток: жидкость обожгла ей горло, но зато в голове прояснилось, а мышцы стали потихоньку расслабляться.

Она села на стул и заплакала.

Благо, дверь в заведение была заперта изнутри, а соседи по помещению решили не проверять, что происходит у них за стенами: скорее всего, здесь такое творилось довольно часто, так что все привыкли. В подсобном помещении Вишну нашла свои вещи: рюкзак и пояс, а также обнаружила прекрасный военный комбинезон-костюм, который пришёлся ей почти впору, – надо было лишь немного сплавить складки на спине, и будет совсем идеально. Тонкие и тянущиеся обтягивающие штаны, такая же водолазка со множеством карманов и помощей для ношения холодного оружия для любых целей и капюшон из дорогого органического материала, который обволакивал всё лицо по одному мысленному указу. Непонятно, кому этот костюмчик принадлежал раньше, но теперь она становилась его владельцем – хотя бы на правах победителя. Однако самой полезной находкой оказался душ: самодельный, с древометаллическим котлом, но всё же душ: было бы странно в таком кошмарном виде выйти к девочке и объявить себя её спасительницей. Та и так слишком многого натерпелась. Она потратила несколько минут, чтобы вымыться и избавиться от крови и плоти у себя на коже и в волосах, а потом надела найденный костюм и приступила к поискам двери, ведущей во двор.

Её звали Кара, и она была далеко от дома. Она мало что помнила из прошлого дня, – лишь боль, страх и унижение, когда этот человек делал с ней страшнейшие вещи. Сначала она пыталась сопротивляться, но он делал ей ещё больше, и она просто решила расслабиться, чтобы хоть как-то перетерпеть происходящее. Из глаз текли слёзы, а рот продолжал кричать сам собой, но она не двигалась и не пыталась ударить или поцарапать его... Что-то внутри ей подсказывало, что так делать не надо. Он смеялся, показывал ей кровь у себя на руках, ругаясь плохими словами и буквально рассказывая ей, откуда он эту кровь извлёк... Даже сейчас,

во сне, она видела его золотые зубы, чувствовала его плохой запах и ощущала, как в шею ей втыкается нечто вроде шприца – в последний раз она видела такие на космолёте с беженцами, который увозил её семью с планеты, умирающую от глобального катаклизма. Их должны были привезти на одну из отдалённых колоний, где им обещали собственный земельный участок, ферму с новейшим ирригационным и удобряющим оборудованием, из-за которого, как говорила ей мама, они смогут кушать ликиты по несколько раз в год... Но они так и не долетели. На их корабль напали пираты... Она не помнила всех событий, но именно так она и оказалась здесь, под этим огромным и злым дядей...

Кара резко раскрыла глаза и поняла, что в своём сне пережила прошлую ночь раз двести, если не больше... Ей захотелось заплакать, но она не успела обронить ни слезинки: она увидела, что прямо перед ней стоит худенькая девочка, на вид лишь немногим старше неё. Одета в нечто чёрное и обтягивающее, прямо как супергерой из любимого мультика её братишки... Её мокрые светлые волосы зачёсаны назад, красные и усталые глаза сверлили её взглядом, а уголки рта подергивались. Каре бы стоило испугаться и закричать, но что-то сподвигло её протянуть незнакомке свою исхудалую и белую как свежесвыпавший снег ручку. Та грустно посмотрела на неё и тоже протянула свою, немного дрожащую, но такую тёплую и приветливую. Кара поднялась на ноги.

Вместе они ушли из этого страшного места.

VII. Локенгон

На этот раз он решил не отворачиваться от кубического человека – надо же хоть с кем-то обсудить произошедшее. Каспер аккуратно подошёл к нему, почему-то боясь, что тот сейчас превратится в него, и спросил:

– Уважаемый, ты тут давно сидишь?

Он не был уверен, что кубический господин его услышал, так как никаких намёков на ушной аппарат у того не имелось. Однако Касперу показалось, что тот на него посмотрел, и это уже что-то, – можно продолжать.

– Слушай, я, конечно, понимаю, что мы не представлены друг другу. – Он любил заходить издали, таким образом завоёвывая доверие собеседника. – Тем более что ты, по-моему, примерно так же не особо понимаешь, где и почему находишься. Состояние для меня довольно обычное, особенно в студенческие годы, но всё-таки... Так что думаю, мы вполне можем друг другу доверять. Но скажи мне такую вещь: что это за чертовщина только что произошла?!

На месте головного квадрата у его собеседника начала образовываться огромная сверхчёрная дыра, которая не особо понравилась Вэнсу, но опять же – многим могла не нравиться его причёска, что уж тут рассуждать?

– Просто я много всякой чертовщины повидал. – Каспер присел на зеркальный пол и сразу ощутил, как тот промялся под ним, будто это матрас. – Но чтобы моего идеального клона? Да ещё такого... тухлого... Уэ-э-э!

Однако вместо ответа кубический человек начал повторять свой старый трюк и разваливаться на куски, которые сразу же рассыпались в прах и рассеялись ветром к бесконечному морю на горизонте. Да, теперь там плескалось море – отталкивающее и неземное, оно было окрашено в красные цвета, словно в него веками выливали кровь богов.

– Хамло такое. – Каспер встал и решил во всём этом не участвовать, сон всё-таки. – Я, пожалуй, пойду сыщу себе какое-нибудь удобное кресло; а то после моих переделок спина просто адски болит, доложу я вам. И на кой я платил доктору Агриппе такие деньги за дубликатор позвоночника?

В это время краски мира, в котором он пребывал, начали потихоньку искажаться, будто бы подергивались сепией и эффектом негатива, а зеркальная поверхность пошла трещинами, обнажая жёлтые пустынные пески. Из воздуха водой разливалась неизвестная Касперу песня, а небо будто состояло из бумажных страниц, которые кто-то лихорадочно листал в поисках нужной. Каспер внезапно задумался, что его жизнь де-факто походила на чей-то писательский бред, но тут же отмёл от себя эти мысли, так как они определённо навязываются ему сном, а он решил с ним бороться. Он уверенно двигался в одном направлении, справедливо рассудив, что если он куда-то собрался идти, даже если это «куда-то» является, по сути, «ничем», то рано или поздно он придёт к цели. Или проснётся. И тот и другой варианты были вполне предпочтительны. Сквозь небо стали пробиваться невиданные раньше Вэнсом космические корабли, напоминающие формой средневековые мечи-кладенцы, но при этом увенчанные длинными шипами, наростами и другими безумными украшениями, которые, видимо, не имели никакого практического назначения. Корабли устрашали, они словно пришли из ночного кошмара: окрашенные в красные, жёлтые и чёрные цвета, как ошетилившиеся хищники, изголодавшиеся и кровожадные, они были готовы разорвать любого, кто попадётся у них на пути. «Ну хоть что-то новенькое», – подумалось Касперу, и он как ни в чём не бывало продолжил свой путь. Корабли сразу же исчезли, и сон решил пустить в ход уже испробованное оружие: в голове Вэнса начали рождаться слова на непонятном ему языке, которые пронзали его разум подобно иглам и разрывали его сущность на части, так как язык этот не предназначался для человека...

– Это нечестно! – заорал Каспер, падая на колени и понимая, что коленей у него не осталось, как, в общем-то, и всего остального, – остался лишь склизкий мозг, летящий сквозь бесконечность, ощущающий такую боль, что терпеть было невозможно. Однако за всем этим безумием он слышал, а точнее сказать, ощущал своими оголёнными рецепторами нечто вроде голоса, который повторял его имя... снова и снова. Удивительно, что голос этот действовал на него живительным образом: он не только почувствовал, что путы непонятого сна ослабли, но понял, что благородный женский голос успокаивал его и выводил из сонного царства безумия. Одно лишь его имя... Одно имя... Каспер... Каспер...

Ему, наверное, стоило смутиться, что голос продолжал взывать к нему уже после его пробуждения, но Каспер вообще был не самым впечатлительным в мире человеком. Более того, в сравнении с недавним его столкновением со своим двойником внутренний голос как-то заведомо терял свою уникальность. Максимум, что в данный момент вызывал у него этот шёпот, так это раздражение: ему всё ещё хотелось спать, а ложе казалось таким мягким... Стоп. Какое ложе?

Так, надо оценить обстановку: вряд ли злобный капитан его отпустил, так что, скорее всего, он всё ещё находится под стражей. Более того, учитывая, что он пытался сбежать, его определённо держат под настоящим контролем. Следовательно, кто-то следит за ним даже сейчас; если же он откроет глаза и этим покажет, что проснулся, его, совершенно точно, препроводят обратно к Макарову, на продолжение допроса, – а это значит новые душилки: на этот раз не поддельные. Так что, пока они всё ещё думают, что Каспер спит, надо хоть немного сориентироваться в обстановке. Итак: он на древнем корыте, скорее всего, крейсерского класса. Следовательно, спасательные капсулы находятся либо в передней части корабля, либо в задней. И, учитывая тот факт, что на таких судах тюремный блок расположен где-то в центре, путь ему предстоит неблизкий... разве только что... Да! Такие корабли строили в момент Галактических Гражданских войн, когда в космических войсках царил строгая иерархия, и любой капитан ценился дороже, чем все его подчинённые. В связи с этим любая капитанская каюта, по сути, тоже была спасательной шлюпкой, которая в случае надобности отшвартовывалась от космолёта и имела даже автономное управление. Об этом мало кто знал, но он же был, чёрт возьми, Каспером Вэнсом! Это вам не капитанишка какой-нибудь! Но только вот сталкиваться с этим воякой не хотелось... Так что, может, лучше не так шиковать и удовлетвориться обычной капсулой...

Но пока об этом рано думать: проблемы всегда нужно решать по мере их поступления. Сначала осмотримся и найдем выход из его места заточения. Как он успел заметить, он лежал не на какой-нибудь койке, а на довольно-таки мягком ложе, – стало быть, его перевели в другой тюремный отсек, отличающийся от прошлого. Воздух немного наэлектризован, следовательно, присутствуют определённые системы слежения, которые улавливают его химический фон. Такие обмануть проще простого – стоит лишь обмазаться какой-нибудь утренней кашей или другой вонючей едой, которой так любят кормить заключённых. Теперь осталось лишь...

– Каспер... – снова раздался голос в его голове, только уже гораздо отчётливее и будто бы рядом. – Каспер... Каспер...

– Да что ж такое-то?! – Он вскочил со своего лежбища. – Кому и что от меня нужно?!

Ответил ему голос, но совсем не тот, который поселился у него в мозгу.

– Да-а-а, Вэнс, совсем ты, видимо, с катушек поехал, – насмешливо произнес счастливый обладатель неприятного баритона, чьи интонации, хоть и должны были выражать издёвку, на деле оказались холоднее камня. – Что? Голоса мерещатся?

Каспер крутанулся подобно волчку и сразу же сделал два пренеприятных открытия. Первое разрушило в пух и прах его мысли о скором побеге: его поместили не куда-нибудь, а в силовую клетку образца чёрт знает какого года, которая хоть и безнадёжно устарела, но всё равно

предоставляла почти стопроцентную гарантию от взлома. О такую можно биться хоть пять лет подряд – толку не будет: микроионы, разогнанные до скорости света, не давали протиснуться ни единой молекуле. Нет, конечно, это лучше, чем радиационная клетка, в которой оказался Каспер во время своего пребывания на искусственной комете Ярос: там любое касание стенки воспламеняло кожу и мгновенно оплавляло плоть, превращая её в подобие обгоревшей свечки. Доходило до того, что его заключённые-побратимы изобрели азартную игру под названием «толкуны»: два товарища по несчастью становились друг напротив друга и начинали друг друга толкать по направлению к противоположной радиационной стенке. Выигрывал, понятно, тот, кто умудрился выжить, даже если он и потерял большую часть конечностей. Не стоит и говорить, что Каспер развёл в этой тюрьме настоящий тотализатор, неплохо на этом подзаработав. Однако что это он опять не пойми на что отвлёкся? Надо в ситуации сложившейся разбираться, а не нырять в воспоминания подобно своему покойному дедуле. Ну почти дедуле.

Итак, силовая стенка – первое пренеприятное открытие. Второе, вполне возможно, было ещё хуже, так как с техникой всегда можно как-то совладать, стоит лишь проявить капельку воображения. Гораздо сложнее договориться с солдатнёй, а ещё сложнее – с солдатнёй с Марса. Да, прямо перед силовой стенкой на скромном стульчике расположился тот самый тип с тёмными очками и золотой кожей, который недавно пытался подстрелить Каспера из игломёта. Ах, радость-то какая!

– То есть со своим воображаемым другом ты желаешь говорить, а со мной нет? – Монотонный голос, унылые интонации... да, солдатня первостатейная. Даже с капитаном интереснее общаться.

– Да я частенько сам с собой разговариваю... Что, у тебя такого не бывает, глазастый? – Каспер довольно долго в своё время пробыл на Марсе и прекрасно знал физиологию местных жителей: его немигающие глаза, спрятанные под толстым слоем тёмных очков, могли считаться как преимуществом, так и недостатком...

– Хм... – Смутившееся лицо марсианина говорило о том, что он довольно обидчив. – Нет, я считаю себя нормальным.

– Ну, ничего. – Настало время выводить своего тюремщика из себя. – Правда, я где-то слышал, что общение с самим собой – признак высокого интеллекта, но ведь не каждому дано...

– Ах ты, маленький... – Он вскочил со стула, но тут быстро сообразил, что действует не по протоколу, а потому шумно вздохнул и уселся обратно. – Капитан говорил про твои штучки: ты будешь намеренно стараться вывести меня из себя, чтобы я сотворил какую-нибудь глупость...

– А вот капитан твой, судя по всему, частенько сам с собой разговаривает!

К сожалению, его собеседник не оценил чувства юмора и просто продолжил неотрывно смотреть на Каспера. Тот вздохнул, в очередной раз проигнорировав зовущий его голос, помассировал рукой широкий лоб и решил зайти к служивому с другой стороны.

– А твой капитан не мог сам прийти? – проговорил Вэнс. – Я, конечно, понимаю, что твои погоны тоже целую тонну весят, но ведь для такой большой птички, как я, можно и постарше чином пожертвовать.

– Капитан Макаров не желает тратить своё время на галактическое отребье, – парировал вояка. – У него сейчас и так много забот.

– Судя по его недавнему поведению, ему бы лучше озаботиться сессиями у психотерапевта. – Каспер погрозил своему собеседнику пальцем. – Когда доберёмся до Простора, я посоветую ему пару моих старых... кхм... клиентов: они очень неплохо разбираются в своём деле.

– Клиентов? – удивился вояка, и Каспер не преминул ему ответить.

– Старые дела, – пожал он плечами. – Сам понимаешь, будь ты хоть вундеркиндом с усовершенствованными когнитивными функциями и одновременно зрячим, найти адекватную

работу для своего ума на отдалённых колониях сложно. Рождаешься ты такой на какой-то помойной планетке, где ночь длится сорок три часа в сутки, которые длятся сорок четыре часа, выигрываешь грант на обучение где-нибудь в центре ВМО, пусть даже на Та-Кемете, заканчиваешь все курсы с отличием, особенно уделяя внимание интересному тебе психоанализу, возвращаешься обратно и... – Каспер щёлкнул пальцами, – ...обнаруживаешь, что у тебя дома психоаналитики никому, к чёртовой бабушке, не нужны: нужны строители, каменщики, охотники... Ну, чистое варварство. Это поганая колония, и люди там не живут, но выживают... опускаются в каменный век и снова выискивают мамонтов и начинают бесконтрольно размножаться. Но ты не сдаёшься, открываешь свою контору, сидишь и ждёшь клиентов, а все проходящие мимо лишь смеются над тобой и только и делают, что показывают пальцами – вот, мол, кретин какой.

– Ты утрируешь, – отчеканил бескомпромиссный собеседник, но Касперу всё же показалось, что что-то в его лице дрогнуло, пусть даже на сотую долю секунды.

– Может быть, – согласился он, – но суть примерно одна: денег у тебя нет. Как нет и надежды на лучшую жизнь... И тогда что ты начинаешь делать? Правильно – начинаешь использовать свою науку ради собственной выгоды: талантливые психоаналитики могут с лёгкостью манипулировать людьми и управлять их поведением, а если ещё и лёгкие наркотики к делу примешать...

– И вот тут в игру вступаешь ты, – продолжил рассказ вояка.

– Конечно, не могу же я пройти мимо душ страждущих и длань ко мне протянувшим, – улыбнулся Каспер. – Так что у меня хорошие связи, дорогой мой. Но только и не проси, имён тебе никаких не будет. Да и планету я выдумал, так что можете не проводить сравнительного анализа, не поможет.

– Ты всё равно всё расскажешь, – не обескуражился его вредный собеседник, при этом сняв очки, обнажив два огромных и вытянутых золотистых глаза, от которых Касперу сразу же стало не по себе. – Если не мне и не капитану, то уж Верховному суду ВМО точно.

«Вот же тоскливый тип, – подумалось Касперу, – ему бы книги детям на ночь читать, сразу бы все вечным сном засыпали. Или пойти клерком в Лунный штаб ВМО, где миллионы близнецов в старомодных костюмах только и делают, что такими вот интонациями и репликами друг с другом общаются. Неудивительно, что там наибольший уровень смертности от самоубийств в Солнечной системе... Что же, если не получается так, то надо использовать более личный подход».

– Ладно-ладно, – начал он, – давай хоть познакомимся. Вот меня ты знаешь – я великий и ужасный Каспер Вэнс, которого почему-то разыскивает чуть ли не вся Галактика... делать им нечего. Вот честно, много где был и много видел людей, которые больше достойны наказания, чем я.

– Вот и славно, – с готовностью ответил вояка, не отрывая от своего собеседника проникновенного и даже немного чарующего золотого взгляда: нет, Каспер обычно чурался предрассудков, но эти два огромных марсианских глаза не могли не смущать его. – Если ты признаешься во всех содеянных преступлениях, то сможешь пойти на сделку с законом и...

– Хм-м... – затанул Вэнс, – да нет, пожалуй, не буду вам жизнь упрощать.

– Ну, сам подумай, – не сдавался упорный вояка, – как тебе это упростит жизнь: заодно и срок себе скостишь.

– Ага, а заодно пяток дамочек лёгкого поведения в одной камере со мной. – Почему-то зачесалось ухо. – Я, знаешь ли, предпочту вообще не сидеть. Хочешь секрет раскрою? Все те разы, когда я оказывался в той или иной тюрьме, – я там оказывался преднамеренно. Не лучший, конечно, отпуск, но зато очень интересный контингент для общения. Однако мы ушли от темы: как тебя зовут? Или мне тебя звать просто... Мм... – Он демонстративно почесал подбородок. – Ты вот мне шмеля напоминаешь: глаза большие, рот плоский, уши какие-то

вытянутые, весь жёлтый какой-то, да и пузико вполне под стать шмелиному брюшку... Вот! Марсианский шмелёк!

– Меня зовут Дол Гакло, и я не рекомендую тебе...

– Да-да-а... Страшно-страшно... – Ещё одна театральная поза, изображающая фальшивый страх. – Вы, воюки, все такие предсказуемые. Стоит лишь нажать в нужном месте, как вы сразу плюётесь угрозами и кипятитесь, как переносной чайник на открытом огне. А ведь на самом деле я прекрасно понимаю, что ничего ты сделать не можешь, ибо выполняешь приказ, а посему я могу тут хоть попу тебе показывать – ты ничего мне не сделаешь.

Молчание.

– Правда твоя. – Гакло наконец проявил хоть какие-то оттенки эмоций и даже на секунду смутился. – Но это не значит, что нам надо друг другу портить жизнь...

– Да что ты? – Каспер аж просиял. – Вот спроси меня: «Каспер, зачем тебе всё это? Зачем ты носишься по Галактике в поисках идиотов и недалёких людей, дабы завладеть их денежками и ценными объектами быта?»

– Не поверишь, – тот улыбнулся: да, машина работала, и Каспер начинал ему нравиться, – но именно такой вопрос, только попроще, я и хотел тебе задать!

– А то! – Каспер сел на пол, скрестив ноги, глазами продолжая осматривать Дола, дабы выискать его слабые места: у каждого человека есть своя точка давления, нужно лишь её найти. – Так вот: приготовься услышать мой великий секрет. Знаешь, почему я подался в воровство и разврат вместо того, чтобы пойти в Космическую академию, как все нормальные пацаны, найти себе хорошенькую и, может быть, даже разумную девчонку, поехать на медовый месяц на какую-нибудь искусственную пляж-планету и так далее, и тому подобное? Всё дело в том, что... мне скучно.

– В смысле? – Он уже не выглядел ни удивленным, ни опешившим: он просто улыбался, с усмешкой поглядывая на заключённого. – Что значит «скучно»?

– Ну, ты пойми – хотя ты меня прости, но ты вряд ли поймёшь...

Марсианин хотел было возмутиться, но Каспер сразу же примирительно поднял руку.

– Нет-нет, ты тут не обижайся словно мальчонка, которому отказали на первом свидании! – По правде говоря, Каспер и сам не знал, зачем ему дружба с этим Долем Гакло, но чем чёрт не шутит: поживём – увидим. – Дело в том, что ты просто по-другому воспитан. Вот хочешь, я угадаю всю твою подноготную от самого рождения?

Гакло не стал кивать, но что-то в его взгляде подсказало Касперу, что тот «слушает с открытым ртом», хоть и не показывает этого.

– Родители были почтенными представителями среднего класса, всюю поддерживали кеметскую политику и действия ВМО, кричали благим матом, когда выяснилось, что цанны или зервулоны нарушают договор о перемирии (хотя, вы меня простите, но это пшик, а не договор), учили тебя рукопашному бою и стрельбе из всего, что может убить человека на дальнейшем расстоянии. Пока прав?

Нерешительный кивок.

– Вот. – Вэнс снова вскочил и теперь мерил шагами камеру, заодно запоминая возможные критические или стратегически важные точки. – Потом, конечно же, тебя отдали в кадетскую школу, куда без неё: там вы весело и слаженно распевали гимны Та-Кемета и Кеметского анклава, ходили строем, еле-еле сдавали экзамены, потому что готовили вас не для высокоинтеллектуальной жизни, а в качестве патриотичного пушечного мяса. – Увидев, что Дол собирается протестовать, Каспер сразу добавил: – И не думай отнекиваться: ты сам об этом не раз думал, я зуб даю! Вот тот, который с искусственным цианидом, – а вы его и не заметили, что за армия такая? Говорю же, пушечное мясо! Но это ладно: потом учёба в военном университете, где тебя учили... на кого? Правильно, на специалиста по оружию. Батенька, да ты ведь

просто мастер-убийца: профессиональный и натренированный! А вы ещё меня преступником называете!

– Я использую оружие только против врагов Та-Кемета и ВМО – это не убийство, это защита. – Его задело за живое, но было видно, что Каспер мастерски прочитал его мысли. – К тому же я не просто специалист по оружию, я – заместитель капитана.

– Ага, подмена понятий! – Насмешливый тон их сейчас, конечно, поспорит, но Гакло вернётся, ибо он уже проглотил наживку. – Я тоже могу назваться благородным разбойником и рассказать тебе, что пожаловал десять миллионов лун сиротскому дому на Венере. Не веришь? Сам посмотри в их общедоступных архивах: смотри по фамилии Лазарев.

– Но ты украл их из бюджета нашего государства...

– Да-а, они прямо обнищали! Зато хоть сироткам стало лучше жить! И я не говорю, что я не воровал: воровал ещё как, и горжусь этим. И более того, воровал не только ради сирот, но и ради проституток, бухла, наркотиков и роскошной жизни. А ты врёшь сам себе и боишься признаться в этом. Да ты живёшь самообманом, Дол!

– Каспер... – Снова тот самый женский голос, только теперь гораздо громче, будто прямо за спиной. – Каспер! – Он аж крутанулся на месте, боясь, что сзади притаился какой-нибудь демон.

– Ты пойдёшь на всё, лишь бы прикрыть свои преступления. – Это уже был марсианин, лицо которого поменяло цвет с золотого на платиновый («Интересный эффект», – отметил мимолётом Вэнс). – И вообще манёвр довольно примитивный: приравнять меня к себе? Да меня тошнит от одного твоего вида...

– Каспер! – Да что ж такое, никак не прекратится.

– Ты плюёшь на всё, что было создано нами...

– Да помолчи ты! – Каспер воздел палец к небу.

– Каспер...

– Нет, и ты этого не слышишь?! – Скорее крик отчаяния: конечно, не слышит.

– Ты про что?

– Я про...

Договорить он не успел, так как у Дола внезапно запищал передатчик, и он вскочил на ноги, потеряв всякий интерес как к Касперу, так и к его нарождавшейся шизофрении.

– Капитан? – Он говорил торопливо, рублеными фразами и даже немного подобострастно: видно, он не то чтобы уважает Макарова, но одобряет его точно. – Я вас понял... Он рано... Я сейчас буду... Что с ним сделать?! Понял...

Он поднял глаза на Каспера, извлёк из нагрудного кармана тёмные очки, пришедшие к ним на корабль будто из позапрошлого века, уверенно водрузил их на свой массивный нос.

– Мне надо идти, – суховато бросил Гакло, но этот капитан определённо умеет спустить с небес на землю.

Марсианин как-то очень странно расшаркался, явно пытаясь изобразить заправского солдата. Однако получилось немного вяло и неуверенно – Каспер понял, что сорные семена в душе Дола упали на благодатную почву, так что в будущем тот вполне может стать не то чтобы его союзником, но осведомителем точно. Ведь информация бывает не только прямая, но и косвенная: узнавая от него стандартные корабельные новости и слухи, Каспер делает выводы обо всём, что происходит в уме у Макарова, а значит, и у экипажа. Он довольно разубался, проводил Гакло взглядом, обратил внимание на то, что тот прихрамывает, прослушал кошмарную скрипящую арию закрывающейся двери и мигом развалился на койке, начиная конструировать план побега. Вопрос лишь в том, возможно ли его организовать через Гакло... Но это тоже рискованно, так как тот отчитывается напрямую капитану, а тот, видимо, тип жизнью недовольный и очень раздражительный: такой может и навредить ненароком. Каспер, вспоминая же о Макарове, невольно подумал, что он похож на заживо погребённого – в своём железном гробу

капитан медленно плыл по космическим просторам с унижением и, возможно, даже желанием отомстить. По крайней мере, Каспер бы сам так чувствовал, если бы всю жизнь потратил на служение непонятно каким идеалам, а потом его бы просто-напросто разжаловали и де-факто предали без суда и следствия. Он бы с интересом узнал о его прошлом побольше... К тому же у капитана за плечами хоть какое-то прошлое, в то время как у него самого...

– Каспер! – Его мысли прервали самым наглым образом. – Каспер...

Он невольно застонал и решил: «Пф, раз уж со мной говорят, то надо ответить».

– Ну что?! Что, моя скрытная госпожа?! Мне прямо уже надоело своё имя слышать, давай, может, о чём более интересном поболтаем.

Когда же ему наконец ответили, у него по спине пробежал целый полк мурашек, а сердце ухнуло в пятки, и он физически почувствовал вакуум в грудной клетке.

– Я буду учить тебя...

В душе Андрей не видел смысла надевать шутовской парадный костюм, который блестел аж несколькими кислотно-яркими красками и делал его похожим на клоуна-алкоголика с Циркового астероида. Тем более он терпеть не мог древний каучуковый ремень, украшенный изрядных размеров бляхой в виде герба ВМО: большого, будто стилизованного под древнеегипетский стиль – солнце с семью лучами, больше похожими на молнии (в честь доминирующих семи миров, основавших Объединение – в общем и целом же оно насчитывало больше четырёхсот миров), и гуманоидная рука (предположительно человеческая, но кто уж там их знает с их политкорректностью) пожимающая непонятного вида щупальце. Мало того, что ремень был мал Макарову, так ещё и всякая концепция рукопожатия с инопланетянами вызывала в нём просто бурю негодования. И брезгливости.

В такие моменты он начинал задумываться, зачем он вообще в своё время поступил в штаб ВМО на Та-Кемете... Как бы заведомо было ясно, что такая организация имеет дело с инопланетными расами, а посему потребует от человека терпимости, уважения, а ещё лучше – симпатии к пришельцам из других миров. У капитана это не получалось с самого начала (что уж говорить о последующих годах...), но что-то всё же заставило его, такого в то время поджарого и бойкого, прийти в офис организации и подписать там целую кипу бумаг, многие из которых намекали на возможность летального исхода или потерю в искривлениях пространства. Скорее всего, он просто ожидал чего-то другого...

Когда живешь на Та-Кемете, сложно воспринимать космос как нечто враждебное или несправедливое, – он кажется чем-то вроде ларца, наполненного сокровищами, только вместо рубинов, бриллиантов и сапфиров начинающего космоморяка поджидают необыкновенные приключения, романтика вечной тьмы и постоянные встречи с чем-то новым. Лучше даже сказать так: люди (да и инопланетяне тоже) делятся на тех, кто живёт на планетах, и на тех, кто живёт в космосе: и одни всегда очень искажённо представляют себе жизнь других. Так думал и Андрей, когда проходил психологический и интеллектуальный тесты: он предполагал, что будет откомандирован на самый лучший военно-исследовательский крейсер, вместе с горсткой других новобранцев с Та-Кемета, наполненных таким же энтузиазмом и отвагой, что и он. Вместе они бы стали перелетать с планеты на планету, распространяя слово и культуру Та-Кемета и принося мудрость и опыт другим расам. Однако на деле всё оказалось по-другому.

Первым его кораблём стал транспланетный шлюп, который даже не умел проходить через червоточины, а первым его командиром оказалась не умеющая говорить слизь, которая посылая речевые сигналы прямо в мозг. Двухэтажную койку он делил с аквилем, который с самого начала показался ему довольно сносным партнёром (эта раса не так уж и сильно отличалась от людей – разве что имела рыхлую, будто бы смастерённую из мокрого песка кожу и часто обладала парой лишних конечностей, отростков, глаз, ушей или ртов – у них на планете очень ценилось биологическое непостоянство), но когда Макаров испытал на себе, что значит спать

с ним в одной каюте, то вконец потерял веру в свою пригодность для данной организации. В отличие от многих галактических рас, сны у аквиллов доступны не только им, но и окружающим, – когда представитель этой расы засыпает и погружается в глубокую фазу, его мозг начинает проецировать сновиденческие образы в мозг другого существа – того, которое находится ближе всего к нему. Таковым на тот момент как раз и был Андрей – а он терпеть не мог такого вмешательства в свою личную или даже «сонную» жизнь...

Понятно, что потом он смог продвинуться по службе, но эти несколько лет, когда он на полуразваленной колыхающей-шлюпе перелетал из кететского порта до Марса и обратно до сих пор казались ему настоящим адом. Была, конечно, ещё одна причина, почему он пошёл на службу в ВМО... Он нащупал во внутреннем кармане капитанского плаща небольшой квадратный медальон, и ему сразу стало легче.

– Его тут не-е-ет! – Капитан аж вздрогнул, услышав голос Артера, скрипящий как плохо смазанная дверь. – Что-о-о?! – Он продолжал орать. – Я говорю: его тут не-е-ет! – Андрей начал обдумывать, какую пытку он применит к навигатору, когда он запишет его в соседнюю с Каспером камеру. – А хрен его знает!

Капитан резко захлопнул двери шкафа и увидел, как при входе в его кабинет стоит Артер, схватившись обеими руками за дверные рамки и раскачиваясь на них подобно ребёнку, – борода при этом напоминала лиану, на которую вот-вот запрыгнет макака. Он, конечно, тоже надел парадную навигаторскую форму, коя по странному стечению обстоятельств выглядела гораздо приличнее, чем у капитана: обтягивающие штаны с несколькими прочерченными стрелками на ногах и спиритический тёмно-серый балахон на теле, подчёркивающий, что каста Навигаторов работает не только с точной наукой, но и с неизведанными ментальными материями. Не было ни гербов, ни инсигний, ни знаков отличия – иногда Макарову казалось, что навигаторы больше похожи на шаманов или чернокнижников, чем на пилотов или учёных. Да и вообще его немного напрягало, что во время прокладывания курса их разум подключают непосредственно к материнской плате корабля, – таким образом создавался единый разум, союз человека и машины, который делал возможным получение точных координат ближайшей червоточины и пути через неё. Более того, вопреки всеобщему мнению, Галактика отнюдь не отличается стагнацией и спокойствием, – она находится в постоянном перемещении и брожении, так что зачастую вычислить координаты нужной тебе планеты не так и просто, а особенно для обычного компьютера. Вот тут и приходили на помощь навигаторы, умеющие вступать с космосом в своеобразный ментальный симбиоз... Макаров не знал, как это точно описать. Но они, как известно всем и каждому, были обязательным злом при путешествии из одной солнечной системы в другую, так что приходилось относиться к ним снисходительно. Только вот... что это у него на голове?

– Артер! – Капитан не то чтобы выкрикнул имя навигатора, но прозвучало оно так резко и строго, что тот вздрогнул как от раската грома и через секунду уже лежал на холодном корабельном полу. – Встаньте немедленно, когда говорите с капитаном.

– Но капитан... – Голос Артера, как обычно, был немного обиженным и будто бы слегка пьяным.

Он неуклюже поднялся на ноги, при этом несколько раз запутавшись в своей бороде, больше напоминающей внушительных размеров сорную метлу. Андрей хотел было задуматься о том, почему каждый навигатор обязательно отпускает бороду, но сразу решил, что, скорее всего, это тоже какой-то символ или посвящение, так что и смысла нет на эту тему рассуждать.

– Артер! – Доказанный факт: если несколько раз громко произнести имя человека, он быстрее соберётся с мыслями. – Что это у вас на голове?

– Эм?.. – Недоумение появилось в глазах навигатора, когда он обнажил лысину и взял в руки то, что с самого начала показалось Макарову давно покинутым птичьим гнездом, при этом усеянным их затвердевшим калом и осколками вылупившихся яиц. – Это тюрник.

– Что?! – Глаза Макарова полезли на лоб, а каждая не сбритая щетинка на лице превратилась в острую иглу, готовую впитаться в кожу Артера. – Поясните! Я даже слова такого не знаю.

– Тюрник... – Навигатор чрезвычайно удивился очередной придирке капитана, а потому не знал, что ответить, и просто вертел «гнездо» в руках, вглядываясь в его бесконечные складки, словно ответ крылся где-то там. – Просто тюрник...

– Да перестаньте это слово повторять и объясните, какого лешего вы гнездо на себя натянули?

– Я... Я... – Тут он нашёлся с ответом: – Мне его брат прислал, и я подумал, что встреча Внемлющего – достаточно торжественное событие, чтобы его надеть... Он же парадный! Его можно на балы надевать...

Андрей с ужасом представил, как Артер приглашает даму на вальс в этом чудовище на голове, а потом кружится в невесомости по бальному залу, размахивая бородой, но решил долго на этой мысли не задерживаться.

– Ты что, серьёзно? – Он подошёл вплотную к навигатору, обдав того перегарным ветерком и выпучивая глаза так, будто они жили независимо от опухших и иссиня-чёрных век.

«Он вообще хоть когда-нибудь спит?» – подумалось Артеру, но вместо ответа он лишь получил очередную порцию злобного капитанского взгляда.

– Я... Я... эм... По кодексу...

– Немедленно снимай эту помойку с головы, и пойдём вместе со мной. – Он многозначительно взглянул на навигатора, тот, недолго думая, отступил, и капитан резко промаршировал в коридор, пытаясь не прислушиваться, как за ним плетётся его неуклюжий собеседник.

– По кодексу корабля я имею право носить любую одежду, которая не оскорбляет личного достоинства персонала... – Ага, навигаторы все такие: для них писаное слово всегда дороже здравого смысла. Хотя, наверное, приходится полагаться на инструкции, когда у тебя с головой не всё в порядке...

– Артер, поверьте, в инструкции ничего не написано про этот ваш... Как его? Пюрник?

– Тюрник...

– Ага, вот это самое. – Макаров усмехнулся. – Уверен, что если бы создатели кодекса увидели эту мёртвую крысу у вас на голове, они бы мигом придумали запрет на неё. Кстати, а ведь правда это, случаем, не мёртвая крыса?

– Нет, капитан, это очень ценный...

– Да, конечно. Наденете его на свою свадьбу...

– Навигаторам запрещено жениться, капитан.

– Значит, на свой день рождения. Вам ведь разрешено дни рождения праздновать, не правда ли? – Наверное, для своей нелюбви к инопланетянам и всякого рода отклонениям он проявлял излишнее любопытство, но почему-то Артер в равной степени привлекал его, как и отталкивал.

– Конечно, можно... – Навигатор засунул свою ужасающую шапку в дебри широкого балахона и теперь попевал за капитаном, отражая оголённой лысиной желтоватый свет мигающих корабельных лампочек. – Когда вы были так любезны навестить нас с моими братьями, мы как раз праздновали день рождения...

– Никак ваш? – Андрей оглянулся на Артера не то чтобы с улыбкой, но с неким подобием расположения.

– Нет, капитан... – Он замялся, но навигаторский кодекс приписывал ему всегда всё договаривать до конца, так что пришлось продолжить: – День рождения был у Летиции...

– Кого? Не припомню девушек у нас на корабле... – Да, это может показаться странным, но на «Энкратуриусе» не служит ни одна девушка, что, скорее всего, объясняется просто: мало какое командование будет настолько жестоко, чтобы запихнуть любую представительницу прекрасного пола, будь то уборщица или специалистка по тяжёлому лазерному вооружению, на

такую реликтовую посудину. Хотя нет, одна девушка у них в своё время была: некая Галина проработала с ними всего один рейс, а потом написала рапорт об уходе, объяснив это тем, что «Энкратуриус» «смердит как полуразложившийся труп». Андрей до сих пор не понимал, как он подписал этот документ с таким серьёзным лицом и как его приняло вышестоящее командование ВМО.

– Нет, капитан, это... – Навигатор кашлянул, почувствовав, что несколько волосков бороды попали к нему в рот. – Моя питомица. Гигантская сколопендра...

– А... – Сама мысль, что кто-то празднует день рождения с такой ошибки природы, пробила капитана на дрожь. – Надеюсь, вы избавились от неё? Как я проси... Приказал.

– Что?

«Навигаторы никогда не врут. Навигаторы никогда не врут».

– Ну так? Избавились или нет?

«Никогда... никогда...»

– Да, капитан, конечно избавился. Отправил в мусорный диспенсер вместе с остатками еды.

– Хорошо. – Макаров закрыл глаза и успокоился: одной проблемой меньше. – Продолжайте в том же духе, и вы сможете завоевать моё расположение. – Они повернули в очередной коридор, который вел к корабельному шлюзу. – Вы ведь знаете, что сейчас будет?

Конечно, Артер всё знал: на вчерашнем общекорабельном собрании капитан битых два часа говорил о том, как важна для «Энкратуриуса» эта миссия и как опасен рассвирепевший Внемлющий на борту космического судна. Следующие полтора часа он раздавал инструкции каждому члену экипажа: инопланетному социологу Ариславу Горникову, своему заместителю Долу Гакло, ксенотерапевту Норроку, коку и разнорабочему Летьеру, лоцману Джекки Карлитцу, старшему офицеру Питеру Гариманову и даже ему и его братьям-навигаторам. Ведите себя так, делайте то, того не делайте, много не пейте (а лучше вообще не пейте), поддерживайте порядок на борту... Под конец вечера каждый ключевой член экипажа знал свою роль на зубок и мог отыграть перед Внемлющим такой театр, что тот просто обязан был оставить положительный отзыв об «Энкратуриусе» командованию ВМО.

– Да, капитан... Торжественная встреча...

– Вот именно, – просто удивительно, что любая интонация капитана, будь она торжественной или нагнетающей, почему-то звучала так, будто он постоянно на что-то жаловался или ворчал, – мы должны показать Внемлющему, что даже в таких стеснённых условиях мы вполне можем отстоять честь ВМО.

– Только я не особо понимаю, капитан... – Артер почувствовал на себе сверлящий взгляд Макарова. – То есть мы все не понимаем... Собор не имеет официального представительства в ВМО, а уж тем более не имеет на неё никакого влияния. Чем этот лорд Локенгон отличается от других пассажиров?

– Отдам вам должное за логичный вопрос. – Последний отрезок пути: Андрей уже видел в конце коридора относительно объёмное помещение, где мельтешили фигуры его подчинённых. – Я удивился, что вы вчера его не задали. Собор является древней и уважаемой организацией, которая хоть и не имеет веса ни в ВМО, ни в кеметском правительстве, в любом случае является воплощением веры нашей планеты. Более того, Объединение очень ценит её вклад в развитие идей и культуры цивилизованного мира, а, что самое главное, в помощь во время войны с цаннами, так что эта миссия очень важна.

– Мне понятно, капитан... – Артер понурил голову и хотел было замолчать, но зачем-то выпалил: – Но как-то не вяжется.

– В голове у вас не вяжется... – бросил капитан как раз тогда, когда они вошли в просторное помещение, наполненное разнородными специалистами и учёными, причем многих не приглашали на церемонию приветствия, но они всё равно пришли из любопытства.

Капитан поморщился, понимая, что подобное столпотворение может иметь двойственные последствия: с одной стороны, Внемлющий способен оценить подобное внимание со стороны экипажа и потом похвалить Андрея за подготовленную церемонию, но, с другой стороны, он волен сделать справедливый вывод, что на «Энкратуриусе» просто-напросто больше нечем заняться, вот они все и пришли. Что же, гнать всех в шею было поздно ввиду того, что свита Внемлющего вот-вот заявится на корабль – уже минут через десять. Интересно, придёт ли на проводы своего гостя Ну-Иль-Як? Или он забьётся в угол своих покоев, и оттуда будет исподтишка поливать Макарова распоследними ругательствами? В любом случае надо представить себя в лучшем свете.

Капитан оглядел собравшихся критичным взглядом и, к своему вящему удивлению, обнаружил, что придраться не к чему: все специалисты, что деятели науки, что армейцы, оделись в соответствующие парадные костюмы попугаистых расцветок с воронкообразными манжетами и размашистыми полами, а другие представляли собой злой гений кеметского минимализма. Выделялся на общем фоне лишь немного запыхавшийся Дол Гакло, который затаился в самом дальнем углу помещения и, опершись на ржавую переборку, протирал свои очки белёсой салфеточкой: Андрей мог лишь удивляться, как он так легко справлялся с этой задачей с одной лишь рукой. По кораблю ходили слухи, что он принципиально отказался от импланта или дубликатора ввиду того, что искусственная рука сделает его слабее. Сам Макаров так не смог – он почувствовал, как по импланту пробежал электронный разряд искусственных синапсов. Большие золотые глаза Гакло выглядели сосредоточенными и озабоченными, будто он что-то лихорадочно обдумывал, а уголки рта подрагивали, выдавая замешательство. Макаров в очередной раз нахмурился и медленно прошёл к нему, по пути кивнув Гариманову, Горникову, Норроку и другим собравшимся. И какого только лешего их сюда принесло...

– Господин Гакло. – К удивлению капитана, тот вздрогнул и чуть не выронил из рук очки. Его взгляд метнулся к вышестоящему начальству, и Андрей невольно подумал, что красоту марсианских глаз может передать лишь талантливый поэт – они подобны двум скругленным слиткам чистейшего золота, сверкающего так, будто Дол полировал их всю ночь напролёт. – С вами всё в порядке?

– Да, капитан... – Если бы Макаров откладывал хотя бы по одной луне за каждый раз, когда он слышал эту фразу, то сейчас он был бы уже баснословно богат. – Всё в порядке...

Воцарилось недолгое молчание, но Гакло довольно быстро распознал специфическое молчание капитана, когда тот стоит над тобой и смотрит прямо в глаза, при этом дыша ровно, но довольно шумно: будто раскочегаривается марсианский паровой механизм.

– Пф-ф-ф... – Он выдохнул, медленно натянул очки на нос и продолжил: – Всё этот Каспер.

– Что с ним? – Капитан обошёл Дола и встал слева, приготовившись одновременно встретить Внемлющего. – Молчит?

– Если бы! – Такого здоровяка, как Гакло, было довольно сложно вывести из себя, а потому Макаров невольно напрягся.

– Да, я мог бы и не спрашивать. – Он уже давно раскусил Каспера, с того самого момента, когда тот начал заливать ему тонны галактической лабуды.

– Он только и делал, что тарактел... – Словечки у Дола иногда проскальзывали довольно архаичные, но именно это почему-то и нравилось Андрею: он всегда чувствовал, что разговаривает с настоящим представителем народа, который всё ещё ценит классический кеметский язык. – Чесал и чесал своим длинным языком...

– Но ведь таков и был план, не так ли? – Макаров не верил, что Гакло удастся разболтать Каспера, но он идеально подходил, чтобы разведать почву и, возможно, даже ослабить ментальную защиту Вэнса. – Вы его забалтываете, а он сливает всю нужную информацию для предъявления официального обвинения – этот неплохой план предложила после долгих раз-

мышлений Переменная: она довольно логично предположила, что как только Андрей сдаст Вэнса ВМО, те сразу же забудут про его услугу и будут судить как своего непосредственного пленника. Гораздо умнее заставить его признаться на месте, так как в таком случае Макаров как капитан «Энкратуриуса» волен выдвинуть против него независимое обвинение – и в таком случае именно он получит право судить Каспера. Только вот заставить его признаться даже в том, что он надел разные носки, будет не так просто, как могла предположить Переменная.

– Да, но только вот болтал он не о том... – Да, стоило предвидеть, что Гакло не выведет разговор в нужное русло, однако кого ему следовало посылать? Если верить всем сводкам, то Каспер оказывался чрезвычайно харизматичной и располагающей к себе личностью, так что многие из его подчинённых могли бы просто перейти на его сторону и поспособствовать его побегу. Долю Гакло он в этом плане доверял, ибо считал его настоящим крепким орешком среди вояк. Хотя, может, и несправедливо считал.

– А о чём именно он говорил?

– Он... – Дол напрягся, пытаясь собраться с мыслями, нахмурился, представив окружающему свету морщинистый узор своего лица и, наконец, выдал из себя: – Он пытался подорвать... э-э-эм... мои устои.

– Господин Гакло, вы меня удивляете. – Макаров по-отечески взглянул на своего смуглого подчинённого. – Вы ведь тёртый калач. – Капитан на секунду возгордился своим знанием кеметского языка. – Вы должны понимать, что он скажет всё, лишь бы переманить вас на свою сторону и впоследствии использовать вас как инструмент для своих интересов.

– Я знаю... но...

– Вы прошли несколько войн, насколько мне известно. – Андрей говорил в спокойной манере: так он мог позволить себе говорить лишь с Гакло, все остальные почему-то вызывали у него искреннее раздражение. – Вы должны понимать, что наше дело действительно чего-то да стоит. Вы сами видели, как радовались жители Кроманьона, когда мы освобождали их от нашествия цаннов...

– Это да, но...

– И вы же были на Пептоне, когда там шла война с этими... Как их? Такие пушистые, похожи ещё на невытые волосяные мешки?

– Коскасианцы... Я был там, да...

– Да, точно! Вы же сами видели, господин Гакло, как они изничтожали наши колонии ВМО и что они делали с пленниками: сдирая с них кожу, а позже выдубляя её...

– Это тоже всё верно, но не имеет отношения к его речи...

– В смысле? – Макаров понял, что всё ещё хуже, чем он предполагал.

– Он не говорил про войну... – Дол продолжал мяться – видно, к сложным дискуссиям он не привык, но капитан понимал, что здесь замешано нечто другое. – Он говорил о многом...

Тут Гакло задумался, стоит ли говорить капитану о словах Каспера о его пожертвованиях сиротскому дому: ведь он и правда обратился к корабельным архивам, которые подтвердили слова Вэнса, что некий Лазарев пожертвовал венерианскому детскому дому кругленькую сумму. Де-факто это ещё ничего не доказывало, так как Каспер мог просто присваивать себе чужие заслуги, но что-то в его голосе подсказывало Гакло, что тот не врал. Хотя он всё же считался талантливым преступником, умеющим вводить в заблуждение... Так сказать капитану или нет? Может, лучше подождать? Может, лучше все подробнее разузнать у Каспера?

– Вы что-то хотели сказать? – Капитан впери в Дола настойчивый взгляд, который говорил: «Не молчи, иначе я вытащу из тебя ответ раскалёнными докрасна щипцами!»

Молчать больше нельзя было, так что Гакло уже собирался обо всём ему поведать, как вдруг воздух пронзила предупреждающая сирена, от которой многие вздрогнули, а особо чувствительные даже по-мальчишески вскрикнули. Шлюз приходил в движение, что могло означать лишь одно: через секунду к ним на корабль явится сам лорд-Внемлющий Локенгон. Все

вокруг стоящие сразу начали поправлять на себе форму, пиджаки, камзолы, сюртуки и даже парадные халаты, а капитан Макаров невольно поморщился и быстро бросил в сторону Гакло:

– Продолжайте беседы... – Пусть ещё пообщается, решил он. Хуже от этого не будет, но зато, по крайней мере, он сумеет раскусить стратегию Каспера. С одной стороны, он находился в одной из самых надёжных клеток в Галактике, но, с другой, всегда оставался человеческий фактор, который в итоге мог привести к побегу Вэнса.

Дол Гакло облегчённо вздохнул и сразу незаметно отступил вглубь, практически слившись с тамошним сумраком, – он избежал щекотливого разговора и получил позволение продолжать беседы с Каспером. Нет, он не чувствовал, что тот оказывает на него влияние – напротив: если тот и правда имел такие бескорыстные мотивы, то переманить его на сторону ВМО должно стать его задачей номер один.

Капитан же в этот момент поспешно окидывал своим придирчивым взглядом всех собравшихся, думая найти хоть какой-нибудь недостаток, что позволит ему выставить за дверь хоть пару любопытных носов. Однако всё было в норме – даже скучно как-то: кок Летьер стоял в самом центре построения, держа в руках импровизированные хлеб и соль – обычай, который пришёл на корабли из самой кеметской древности. Он означал, что капитан и команда данного судна рады гостям и готовы оказать им максимальные помощь и содействие. Только вот на «Энкратуриусе» вместо хлеба имелись лишь чёрствыи, как душа красавицы, сухари, а соль – только кусковая; они запаслись ею ещё при визите на рудники Дайтона. За ним расположился младший офицер Гариманов, чья грудь блистала разнообразными медалями, многие из которых остались ещё из Военно-лётной академии, но кто там их разбирать будет? Капитан также заприметил Джекки Карлитца – ещё одного представителя воинской профессии, с которым он вполне мог наладить дружеский контакт, но только тот почти всегда пребывал в состоянии дикого опьянения, так что все прошлые попытки начать продуктивный разговор оканчивались полным и бесповоротным фиаско. Сейчас он был на удивление трезв и даже одет так, будто несколько часов провёл у зеркала: расфуфыренный камзол оторочен голубыми и серебряными нитками, а объёмную лысину прикрывал лоцманский берет, навевающий капитану воспоминания о своих годах в академии ВМО. Его разлапистое лицо было немного перекошено от прошлой контузии, но, в общем, он выглядел вполне сносно. Макаров хотел было расслабиться, как ему на глаза снова попались Артер и его тюрик... Опять он напялил эту жуть! Пусть только он попадётся ему после приёма – капитан заставит его сожрать эту ошибку человеческого портняжного мастерства! Артер же раскачивался из стороны в сторону и будто напевал какую-то песню, время от времени раскрывая худые губы и подёргивая бородой. Эти навигаторы. Андрей прекрасно понимал, что они являются необходимым злом, но они оказались слишком странны для его адекватного восприятия. Даже этот Артер, который сейчас в гордом одиночестве посматривал на открывающийся шлюз...

Стоп.

В полном одиночестве?

Андрей аж вздрогнул от внезапно нахлынувшего на него чувства провала и одновременной злости: по протоколу любая торжественная встреча ВМО должна происходить при присутствии всех трёх навигаторов. Это должно было показать гостю, что судно сможет успешно и беспроблемно доставить его в любой уголок Галактики, что подчёркивало его безопасность. Но Артер какого-то чёрта стоял один, при этом нагло приплясывая и напевая, а остальных навигаторов вообще видно не было, что могло означать лишь одно – они вообще не явились. Макаров уже хотел излить на Артера весь запасённый им кладезь злобы и, может быть, даже наконец отрезать ему эту поганую бороду, но тут шлюз заскрипел, завизжал, и в помещение ворвались клубы конденсационного пара, которые часто возникали, когда корабельная атмосфера соприкасалась со станционной. Придётся разобраться с этими козлами чуть позже, а теперь нужно будет хоть как-то отвлекать внимание Внемлющего.

То, что началось дальше, повергло Макарова в настоящее изумление, а Дола Гакло – в неизбежный шок, который ещё больше укрепил его уверенность в нужде разговора с Каспером, а Артера – в настоящую кататонию, ибо он просто замер на месте и таращился на происходящее отсутствующим взглядом. Безусловно, они все ожидали чего угодно, но только не того дьявольского спектакля, который начал разыгрываться перед их глазами.

Дверь шлюза полностью открылась, и появились Воины Слова – так Собор называл своих солдат. Точнее говоря, Собор уже не раз отрицал, что он имеет хоть какое-то отношение к армии или сражениям, но все факты говорили об обратном: сейчас перед ними предстало настоящее святое воинство во всей своей пугающей красе. Десятки одинаковых лиц, среди которых нельзя узнать ни мужчину, ни женщину, пугали своим безразличным выражением – скорее бездушные роботы, нежели живые и чувствующие люди. Их лысые головы венчали импровизированные золотые нимбы, которые поблёскивали при тусклом свете ламп «Энкратуриуса», а сами они выступали в настоящих доспехах из платины и белого золота. По крайней мере, так казалось, хотя Андрей готов был биться об заклад, что материал в действительности куда более прочный и устойчивый к повреждениям. Ансамбль дополняли высокие чёрные сапоги на внушительной подошве и длинные позолоченные алебарды и копья, чьи заострённые наконечники поблёскивали электрическими разрядами, – одно касание таким оружием, и человека будет колбасить всю его оставшуюся жизнь. Вполне себе короткую, следует заметить.

Воины Слова маршировали настолько ровно, что Макаров невольно задумался, сколько же лет потратили на их тренировку. Всего их было десять человек, что, скорее всего, что-то символизировало, но что именно – никто не знал, хотя бы потому, что на борту «Энкратуриуса» никто особо не увлекался религией, а те, кто увлекались, обсуждали все насущные вопросы исключительно на своих собраниях. Соборная армия выстроилась в два ряда, формируя своеобразный коридор, ведущий из станции Дерис на борт космического корабля. Копья звучно ударили о железный пол, и на несколько секунд воцарилось гробовое молчание, прерываемое лишь изумлёнными вздохами членов экипажа. Но дальше началось самое невообразимое: один из Воинов Слова вздрогнул и запел невероятно тонким и пронзительным голосом, который сразу навёл Андрея на мысли о кастрации. Пел он, скорее всего, какую-то молитву (опять же – никто точно сказать не мог), но звучала она не успокаивающе и убаюкивающе, а так, будто призвана вселять в души людей животный страх и раболепие. Его пение напоминало угрожающее жужжание шершня, но только гораздо более атмосферное и пронизывающее – у каждого из присутствующих в душе невольно зародились тревога и отчуждение. Даже у Макарова и Гакло; последнего настолько поглотило происходящее, что он выступил из тёмного угла и теперь стоял рядом с капитаном. Пение продолжалось, переходя с лирического на меццо характерный тенор, а в тёмном провале шлюза наконец показали новые фигуры. Если их, конечно, можно было так назвать...

На борт «Энкратуриуса», издавая бесчеловечные захлёбывающиеся звуки, ворвались существа, которых многие наблюдающие первоначально приняли за собак или каких-то иных прирученных домашних животных, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это люди... Абсолютно голые, избавленные от какой бы то ни было натальной растительности, ползающие на четвереньках и ведущие себя как одичалые варвары, но всё же люди... В этот момент кого-то начало откровенно подташнивать: офицер Гариманов согнулся в три погибели и еле сдержал позывы к опустошению своего желудка, Артер наконец вышел из своего оцепенения и с отвращением закрыл глаза, а капитан внезапно понял, что брать Внемлющего на борт оказалось не такой уж и хорошей идеей. Эти нелюди, также известные как Примитивные, носились среди святого воинства и творили разные непотребства до тех пор, пока откуда-то не послышался оглушительный свист, от которого они попадали на животы и остались так лежать до тех пор, пока в проёме не показался виновник всего этого представления.

Лорд-Внемлющий Локенгон не поражал своими размерами или статью – среднего роста человек, довольно худенький и щедедушный, чего не могли скрыть даже древометаллические защитные пластины, покрывающие его постаревшую и изношенную кожу. Лицо его словно обглодали мелкие хищники – тут и там виднелись рытвины и шрамы: несомненно, он за свою жизнь прошёл сквозь огонь, воду и медные трубы и повидал такое, что не каждому приснится. Голову Локенгона венчал разлапистый шлем, украшенный кругом с исходящими из центра полосами – так называемое «Колесо», символ Единой Веры и всего Собора в общем. Корни этой символики уходили во времена Забвения, когда Институты Веры и Религии обладали на Та-Кемете практически абсолютной властью. Детали того исторического периода до сих пор очень плохо изучены, но некоторые Услышавшие и Осознавшие поговаривали, что тогда по Та-Кемету лично расхаживали Святые, Полубоги и даже демоны.

Локенгон шёл медленно, словно волочил за собой груды загубленных им жизней, – его лицо выражало скорее не триумф или одухотворённость, а усталость и, как это ни парадоксально, затаённую злобу: будто у маленького мальчика отняли его любимую игрушку, и он решил отомстить, подсыпав слабительного родителям в кофе или киацу. Он, казалось, не обращал внимания ни на Воинов Слова, ни на собакоподобных Примитивных, которые не отнимали лица от пола, боясь хозяйского наказания. Медленно и даже с достоинством он переступил порог «Энкратуриуса» и направился прямо к капитану, который понял, что настал его час, и незаметно переместился в центр встречающей делегации, аккуратно отпихнув кока с его «хлебом и солью».

Однако на этом сюрпризы не закончились: прямо за Локенгоном на борт космического корабля взошли три изогнутые фигуры, в которых Андрей сразу признал зрячих. Телепатия оставалась довольно редким явлением в Галактике, но люди, имеющие повышенную чувствительность к человеческим эмоциям и настроениям, встречались довольно часто: стоило лишь немного поискать в трущобах, переполненных наркоманами и любителями понюхать долианскую дурь, как сразу же обнаруживались хоть несколько детей с разной степенью ментальных способностей. Конечно, до настоящих зрячих им было ещё далеко, но некоторые могли определить, врёт человек или нет, а ещё большее количество умели предсказывать дальнейшее поведение той или иной личности. Большинство таких детей шли на воспитание в Касту Зрячих и ВМО (для разных нужд), но некоторых, особенно одарённых, забирал Собор, – по договору о ненападении, подписанному ещё во время войны с цаннами и осады Марса. Никто не знает, что они делали с бедными детьми, но в итоге из них получались отличные ищейки, ментальные считыватели и даже сносные предсказатели. Странно и то, что из всех видов зрячих Собор больше всего интересовался именно провидцами: индивидуумами, которые могли, основываясь на современном состоянии дел и сочетаний фактов, предсказывать все возможные варианты развития событий. Примерно то же самое могла делать и Переменная, но только если свои суждения она основывала на чистой логике (которая отнюдь не всегда срабатывает), то провидцы могут просчитать любой вариант в зависимости от характера или мыслей окружающих их людей. Тот факт, что у Локенгона на службе трое таких, говорил о его высоком и чтимом статусе. Более того, Макаров готов поклясться, что Собор воспитал в них и другие качества, – способность читать мысли и влиять на чужие эмоции, а может быть, даже и телекинез.

Примечательно, что двое из Провидцев оказались девушками: первой уже перевалило лет за пятьдесят, о чём говорили обширные лицевые морщины. Выражение лица её говорило, что она страдала от даунизма, а также она обладала плотным телосложением, будто не один год упражнялась в поднятии тяжёлых штанг. Вторую девушку можно было даже назвать привлекательной, ввиду её стройной точёной фигуры и длинных каштановых волос, которые доходили до самого её пупка, но всё впечатление портили странные провода, торчащие у неё из затылка и заканчивающиеся где-то в области копчика. Это, видимо, было одно из извращенно-хитроумных приспособлений Собора для расширения потенциала зрячих: Андрей не знал, работали

они или нет, но вот выглядело всё это излишне неприглядно. Последним за всей процессией волочился невысокого роста парень, явно ещё молодой и совсем недавно взятый Собором на службу: в его узких глазах пока читались остатки сознания, а шёл он уверенно и четко.

Пока капитан рассматривал Провидцев, Локенгон уже успел подойти к нему почти вплотную, и Андрею удалось получше рассмотреть черты его лица. Если бы не кошмарные шрамы, то Лорда-Внемлющего вполне можно было принять за классического дедушку, которого можно встретить в садах Та-Кемета, играющим в шахматы или скраббл. На лице ярко выделялся устрашающих размеров нос, который напоминал то ли саблю, то ли остро заточенную шашку: сложно поверить, что он не делал ни одной пластической операции, чтобы добиться такой его длины и остроты. Щёки его давно бы обвисли, но были настолько впалыми, что заметны очертания зубов под кожей. Лорд-Внемлющий был выбрит, но всё равно то тут, то там виднелись затемнения и коротенькие седые волоски. Когда же Локенгон внезапно улыбнулся безгубым ртом, явно соблюдая приветственный этикет, Андрею показалось, что тонкая ниточка пролегла между ушами Лорда-Внемлющего, соединяя их. Не сказать, что глаза Внемлющего выразительны, но в них определённо читались исступлённая фанатичность и лихорадочный блеск. На дальнейшее изучение персоны Локенгона времени не оставалось, и Андрей понял, что пора начинать свою часть представления. Он аккуратно толкнул локтем Летьера, который чуть ли не пускал слюну из разинутого рта, и сам сделал уверенный шаг вперёд, решив, что если уж принимать подобного рода гостей, то принимать их с достоинством. Кок не заставил себя ждать – он довольно быстро оказался прямо перед Локенгоном, протягивая ему сухари и крупные куски соли:

– Глубокоуважаемый Лорд-Внемлющий Локенгон, я от имени всего экипажа приветствую вас на борту военно-разведывательного судна «Энкратуриус» под начальством капитана первого ранга Андрея Макарова. Позвольте преподнести вам хлеб и соль в знак нашей доброй воли и того, что мы готовы будем позаботиться о вас на протяжении всего полёта. – Летьер чуть заметно склонил голову, не особо понимая, что ещё от него может потребоваться.

– Благодарю... – Голос Локенгона заглушало какое-то специальное устройство: он даже скорее не говорил, а шептал, будто в горле у него застрял некий сторонний предмет. Перед каждым словом он вздыхал так глубоко, словно собирался прямо вот тут, на месте, испустить дух. – Да услышит Он... – Локенгон кивнул одному из Воинов Слова, и тот немедленно подскочил к Летьеру.

Кок не успел даже вздрогнуть, как и сухари, и соль резко бросили на пол прямо в сторону четвероногих питомцев Внемлющего. Те сразу очнулись от оцепенения и с рёвом и причитанием набросились на еду, которую, как видно, они ждали уже давно. На лицах экипажа «Энкратуриуса» читались отвращение и даже гнев, но Макаров понимал, что продолжать нужно в том же духе:

– Лорд Локенгон, – он достаточно уверен в себе, чтобы не запинаться и говорить с небольшим напором, – я рад приветствовать вас на своём судне. Надеюсь, ваше пребывание на Дерисе было достаточно комфортабельным?

– Капитан... – Лорд-Внемлющий медленно сглотнул, – я прибыл сюда... не для того... чтобы... обмениваться любезностями...

«Ах, вот ты какой», – Андрей на протяжении своей жизни привык делить людей на несколько десятков категорий, которые так или иначе помогали ему идентифицировать личность и выработать соответствующую стратегию поведения с ними. Локенгон определённо подходил под категорию «напыщенный дурак» – подобные люди всегда обожают кичиться своим положением и часто намекают, как важна их нынешняя миссия.

– У меня... важное дело...

«Точно», – Макаров ещё раз убедился в точности своей системы.

– Ну-Иль-Як... должен был... уведомить вас... о том... – Он немного помолчал, словно ему требовалось раскочегариться: – О том, что... со мной будет... груз...

– Какого рода груз, лорд Локенгон? – Конечно, никто его не предупредил, как иначе? – Боюсь, у меня нет полномочий...

– Зато... у меня они... есть. – Он снова сглотнул и на несколько секунд прикрыл глаза. – Груз... чрезвычайно важен... для всей... Веры. Это... мой пленник. Да услышит она... Слово Его...

– Пленник? – Разговор шёл не в самом лучшем направлении, так как вокруг было уж слишком много любопытных ушей.

– Да. В тюремной... капсуле. Её... следует как можно... скорее... доставить на Плутон.

– Боюсь, Ну-Иль-Як не удостоил меня такой чести, чтобы сообщить о ваших намерениях. – Появилось ещё несколько поводов для того, чтобы лишиться этого богомолообразного его тёплого насиженного местечка.

– Меня... не интересуют... ваши разборки... Мне нужен... транспорт.

Хотелось, конечно, отказать ему прямо здесь и сейчас, но Макаров прекрасно понимал, что на данный момент это уже не представляется возможным: он словно увяз одной ногой в зыбучем песке и теперь мог лишь ждать, пока его не затянет в них полностью.

– И я буду рад вам его предоставить, – ответ на следующую фразу он знал заведомо, но удостовериться следовало, – вам, вашей свите и беженцам. Где они, кстати?

– Они... полетят... другим кораблём...

– Лорд-Внемлющий, мне об этом неизвестно. Если ВМО действительно одобрило данную вашу инициативу, то это...

– Возмутительно?! – впервые за весь разговор голос Локегона прозвучал не устало и измученно, а так, будто в него внезапно вселилась уверенность и сила.

– Неправомерно, – поправил его Андрей.

Внемлющий тяжело вздохнул и, казалось, осел под тяжестью непомерного груза.

– Я вас... понимаю... – Снова тот же шёпот, но только ещё менее различимый, будто последнее слово высосало из него остатки жизненной силы. – Но... природа моего пленника... такова... что беженцы... будут подвергаться ещё большей... опасности. Да услышат они...

Он замолчал, как показалось Андрею, на самом важном месте.

– Какой опасности?

Лёгкая, мимолётная улыбка коснулась тонкой нитки рта Внемлющего, он еле заметно взмахнул рукой и сделал спокойный шаг навстречу капитану. Как по команде все Воины Слова выстроились в шеренгу и взяли копыя и алебарды на изготовку.

– Капитан... – Андрею приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы распознать слова Локенгона, – я вами... восхищаюсь. То, что вы... сделали на... Гере. По моему мнению... это был... поступок... достойный...

– Давайте ближе к делу, Внемлющий. – Ему определённно что-то нужно от капитана, а потому можно и поёрничать. – Я тоже не люблю обмениваться любезностями.

– Проводите... нас в наши... покои... – Локенгон ничем не выдал того, что оскорбился, но это читалось в его глазах. – Давайте... продолжим... разговор позже. В более... интимной... обстановке...

– Согласен, – капитан отступил в сторону, – но учтите, я буду подавать запрос в штаб ВМО относительно беженцев.

– Как вам... угодно... – Он взмахнул рукой, и его сюрреалистичный конвой приготовился к дальнейшему движению. – Кто нас... проводит... капитан?

Ну хоть один приятный момент: по крайней мере, Артер поплатится за свой навигаторский идиотизм.

– Артер! – крикнул Макаров, и тот боязливо подошёл к нему, будто переживая оттого, что хоть ненадолго приблизился к Локенгону. – Проводите Лорда-Внемлющего в его покои.

– Но... – заикнулся было Артер, но поймал на себе разъярённый взгляд начальства, а потому сразу обратился ко внемлющему: – Лорд Локенгон, пройдётте.

Когда весь конвой скрылся в ржавой и ободранной темноте коридоров «Энкратуриуса», к Андрею подошёл Дол Гакло и медленно процедил сквозь зубы:

– Прошло не так хорошо.

– Вам не откажешь в отличном восприятии очевидности. – Макаров даже не посмотрел на него: ему требовалось всё обдумать и снова переговорить с Переменной. Слишком много всего нахлынуло за столь короткий срок. Он бросил приказ в толпу ошалевших вояк, учёных и специалистов и поспешил в свои покои.

За несколько секунд помещение наполнилось шепотками, фразами и даже испуганными выкриками – у команды появилась настоящая тема для пересудов. Жизнь потихонечку налаживалась.

VIII. Щекалак

– Кара, – шепнула Вишну, пристально наблюдая, как девочка уплетает за обе щеки концентрированный молочный суп, настолько отвратительный, что её чуть не стошнило, когда она его подогрела, но девочке определённо было всё равно. – Тебе удобно в одежде?

Вишну, обыскивая этот бордель, нашла довольно много детской одежды, – хватило бы одеть целый дом беспризорников на какой-нибудь центральной планете. Она даже представлять не хотела, сколько бедных детей погибли в этом аду. Не раз она спрашивала себя: «Почему щаканаги ничего не сделают, ведь на словах они не приемлют никаких форм насилия?», однако ответ сам появлялся у неё на губах – им всё равно. Они слишком сильно погрязли в увлечении письменным словом, чтобы обращать внимание на такие «незначительные» для них события. А ВМО? Да опять же ответ напрашивался сам собой – Галактика слишком большая, а планет чересчур много, чтобы всюду навести порядок. Отдалённые миры в основном предоставлены сами себе, а потому там и царил кошмарный беспредел. А если ни местные, ни галактические организации ничем не могли помочь, то кто? Она отмела от себя эту мысль и поняла, что девочка ей что-то довольно живо рассказывает, а она полностью ушла в себя. Немудрено, учитывая, какой у неё сегодня был день.

– ...мама всегда так говорила. – Вишну диву давалась, как быстро девочка переключилась с того, что совсем недавно лежала вся в крови на улице под проливным дождём, на такое болтливое и компанейское настроение: если бы на её месте был любой другой ребёнок, то вряд ли бы он заговорил с кем-то ещё года три, а вот Кара... – Она одежду всегда у нашего ткача брала, у него ещё был лишний третий рог. – Кара даже хихикнула – ну даёт! – Она всегда была грубая и... Ох... Как это на общем языке? Прииолле? Нет, не знаешь? Ну, грубая и такая вся...

– Колючая? – угрюмо спросила Вишну, подливая девочке очередную порцию супа, так как с предыдущей она уже управилась.

– Вот, точно, колючая. – Кара утёрла рот тоненькой ручкой. – А эта прямо такая хорошая, мягкая. Да и вообще... Когда хозяин сюда привёз нас...

– Кара, – Вишну взяла её руку в свою, почувствовав, насколько она холодная, будто она взяла в руку кристальный лёд, – у тебя нет хозяина...

– Да знаю, знаю, – та в ответ просто махнула рукой, – просто я не помню, как этого плохого дядю зовут. Он... – И вот тут на неё внезапно накатило: она выронила ложку, та упала прямо в миску с супом и забрызгала добрую половину стола. – Он... убил маму...

Она даже не заплакала, а просто замерла, глядя куда-то в пространство и отчуждённо теребя нижнюю губу худенькой ручкой. Видно, её хорошее настроение создал наркотический контрагент, который ей ввела Вишну всего пару часов назад. Теперь она будет вспоминать...

– Послушай... – у Вишну никогда детей не было, и она вообще не представляла, как с ними разговаривать, но что-то же нужно сказать, – тебя никто не обидит.

– А? – Кара посмотрела на неё так, словно та только что появилась в комнате. – Он уже обидел...

– Я знаю, знаю... – Что же делать? Девочку затрясло, а по впалой щёчке потекла одинокая слеза. – Но он уже не сможет... Кара?

Та будто не слышала Вишну.

– Послушай... – Она снова взяла девочку за руку, но та никак на это не отреагировала. – Послушай. Он больше тебя не тронет. Я... Я убью его, если увижу, честно...

Кара продолжала молчать и трястись так, словно подхватила венерианскую горячку, но по крайней мере из её глаз ушла обволакивающая пелена, и теперь она смотрела на Вишну, намекая, что слушает.

– Ты уже спасена... Сейчас ты доешь, и мы уйдём отсюда. И ты больше никогда сюда не вернёшься – мы вместе сядем на космический корабль и улетим отсюда...

– Куда? – Вишну еле разобрала, что именно её с захлёбом спросила Кара.

– Мы... Мы полетим... – Вишну понимала, что другого выбора нет: придётся взять её с собой. – Мы полетим на Та-Кемет.

Как же удивляли перепады настроения Кары – определённо, дело тут совсем не в выходе из организма наркотиков, а в чём-то другом. Сейчас тряску словно рукой сняло, и она глубоко задышала, будто предвкушая что-то, чего ждала всю свою жизнь. Надо будет потом, когда она немного подуспокоится и они улетят с проклятого Щаклака, расспросить её – вполне возможно, эта черта, как и рожки, является особенностью её расы.

– Правда? – Она аж вскочила со стула и резко подбежала к Вишну. – Правда? Ты правда возьмёшь меня на Та-Кемет?!

Будь Вишну на её месте, то радовалась бы она не этому, а тому, что она её защитит, но что взять с ребёнка?

– Да, я обещаю, – произнесла Вишну и сама об этом пожалела, ибо Кара внезапно так громко и тонко завизжала, что у неё уши заложило. При этом девочка подпрыгивала на месте и даже пыталась выделывать какие-то коленца, что, надо признать, у неё просто отвратительно получалось – танцора из неё не выйдет.

– Но постой, – и опять смена настроения: теперь она смотрела на неё взрослым серьёзным взглядом, словно за секунду постарела лет на двадцать, – как мы улетим, если среди нас нет взрослых?

– Пф-ф... Кара, я же уже говорила, что мне двадцать шесть лет. Меня пропустят на любой чартер до какой угодно планеты...

– Ой, точно. – Девочка разулыбалась, обнажив маленькие зубы и два внушительных клыка, которые чуть ли не протыкали её нижнюю губу: ну и подвид, Вишну просто диву ей давалась. – Я просто так разволновалась... Я...

– Да, я поняла, – нельзя давать ей снова начать болтовню, а то она снова погрузится в воспоминания, а успокаивать её ещё раз времени не было.

Времени вообще ни на что не осталось. Если Вишну правильно всё понимала, то она упустила наилучший момент для проникновения в Великую Библиотеку, и теперь ей либо придётся ждать завершения Дня поклонения Букве, который в действительности длился целую неделю по кеметскому времени, а это её никак не устраивало. Придется, конечно, рисковать, но вполне возможно, что так даже лучше: она будет передвигаться по городу с девочкой, а навстречу ей вполне может попасться золотозубый урод или его прихвостни, так что в толпе на улицах города они легко затеряются. Только вот что делать с Карой, когда она войдёт в Библиотеку? Просто оставить на улице? Она никого не знала на Щаклаке, так что оставить её на поруки какому-нибудь знакомому она тоже не могла. Что же, придётся поискать какое-никакое, но укромное местечко. Она вряд ли задержится в здании дольше чем на два часа, так что девочка должна быть в норме. Вишну припомнила, что Библиотека стоит на обособленном острове, окружённом проточным течением реки Щекалак, в которую местные сливали все канализационные и органические отходы. Так что вполне логично предположить, что туда выходят сточные трубы, в том числе и довольно большие. Что же, план не самый лучший, но вполне приемлемый. Оставалось лишь одно «но»... Кошик заявил, что её определённо исключат из Гильдии Воров, которая очень негативно смотрит на убийства во время выполнения заказа. То есть если рассудить здраво, то сейчас ей можно и не стараться, а просто садиться на первый космолёт до дома и приготовиться к встрече с отцом. М-да, та ещё перспектива... Но если она надеется всё же найти золотозубого и отомстить ему за каждый детский крик, раздавшийся в этом доме страданий, ей понадобятся деньги, а аниматор должен заплатить ей изрядное количество лун. Так что пусть её исключают из Гильдии – свои деньги она всё же получит.

Хорошо хоть, никто из прихвостней золотозубого не догадался обыскать её рюкзак и вспомогательный ремень: мало того, что все её примочки никуда не пропали, так ещё и таинственная сфера, совсем недавно полученная ею, так и осталась лежать там, где она её оставила. Если бы этот уродец задумал её продать, то пришлось бы задержаться на Щаклаке ещё минимум на неделю, а этого её заказчик уж точно бы ей не простил.

– Послушай, Кара. – Она говорила довольно серьёзно, так как откуда-то знала, что дети вообще любят, чтобы с ними общались как с взрослыми. – Я оказалась здесь не просто так...

– Я знаю. Ты говорила, тебя поймали... – Девочка совсем пришла в себя и теперь поглощала непонятно откуда взявшееся подобие булки – кусок непечённого теста, обсыпанного чем-то, что напомнило Вишну мак.

– Что? Нет-нет... Я имею в виду, что я на Щаклаке не просто так.

– То есть ты не отсюда?! – Новость повергла девочку в невероятный шок: она, видно, происходила из крестьянской кеметской колонии, жители которой вообще редко думают о том, что над их головами носятся туда-обратно сотни космических кораблей. Её саму привезли сюда на каком-то межпланетном судне, но вряд ли она это осознала, будучи постоянно под влиянием наркотиков...

– Нет, я с очень далёкой планеты... Мы называем её Вавилон.

– Как древнее царство?

– Что? – Вишну в жизни ничего не слышала ни о каком древнем царстве.

– Древнее царство на Земле! Оригинальной Земле, то есть... – Девочка оказалась довольно образованной и начитанной. – Дома нам рассказывали, что оно существовало задолго до появления не то что космических кораблей, но даже электричества. Я не уверена, но мне кажется, автомобилей тогда тоже не было...

– Ну, конечно, тесля-то ещё не было...

– Да какой там теслий! Я о машинах на бензине, глупенькая... – Определённо, Вишну бы не помешало прилететь к ней на планету и подучиться у них в школах...

– Ладно-ладно, не суть. – Кара, конечно, интересная собеседница, но они тратили время. – Давай не будем отвлекаться, а лучше просто послушаем, что я скажу. Договорились?

– Ага-а...

– Так. Я прилетела на Щаклак, потому что мне здесь нужно сделать одну очень важную вещь, которую не все назовут... э-э-эм... – Как бы ей лучше сказать? – ...честной.

– Тебе нужно кого-то убить?

– С чего ты взяла?!

Кара многозначительно посмотрела на сложенные у стенки выпотрошенные трупы, которые успели привлечь к себе мерзких местных насекомых. Да, конечно, стоило их прикрыть, перед тем как приводить сюда девочку, хотя нельзя сказать, что они её как-то смущали. Честно говоря, её гораздо больше расстроило отсутствие в холодильнике пирожных, чем наличие кучи-малы кишок, голов и конечностей.

– Э-э-эм-м... – По какой-то непонятной причине Вишну в голову снова полезли мысли об отце, который неоднократно предупреждал, что в других мирах её не ждёт ничего хорошего. – Это другое...

– То есть ты их просто так убила?

– Нет, но...

– То есть ты всё-таки душегубец?

– Постой-постой! – Вишну хотелось иногда просто дать девочке по губам или по одному из рогов: такую болтливость ещё поискать. – Какой такой душегубец? Ты сама недавно говорила, что я, мол, твоя ровесница, а теперь вдруг делаешь из меня кеметского убийцу? Я не преступница!

Кара вновь довольно многозначительно глянула на мешанину из плоти и крови и тут же бросила на Вишну такой взгляд, какой бросают взрослые на детей, когда те неуклюже врут.

– Слушай... – Она потёрла рукой переносицу. – Мне пришлось их убить, но только потому, что я думала о тебе и понимала, что они не дадут нам просто так уйти. Они ведь работают на этого золотозубого...

– Я всё это понимаю, – чёрт бы побрал эту Кару, – и я только рада, что ты их убила. Я бы сама хотела с ними это сделать, особенно вон с тем, бородатым... Он... он...

– Да, мне ясно...

– Ага... – Она снова чуть не впала в депрессивно-истерическое настроение, но сдержалась. – Просто папа всегда говорил, что если ты делаешь что-то из ряда вон выходящее, то никогда нельзя от этого отнекиваться. Ты их убила, значит ты убийца, – неважно, какие у тебя были мотивы...

М-да, отец Вишну говорил, что если она кого-нибудь убьёт, то может вообще домой не возвращаться: вот она, разница семейного воспитания. Но девочка определённо права, и от этого Вишну становилось ещё тяжелее на душе: она понимала, что пока находится на взводе, но потом мысль, что она загубила чьи-то жизни, обязательно ляжет на её плечи и будет терзать её, подобно своре разъярённых собак.

– Ладно... – Она тяжело вздохнула. – Я не душегубец. Я из Гильдии Воров, и я должна...

– То есть ты всё-таки преступница?

– Не такая, как эти... – Она снова указала на дружную компанию трупов у стены.

– А, ясно. – Девочка заскучала: еда вся кончилась, и теперь она ёрзала на сиденье, будто у неё блохи завелись.

– Так вот, – как же много времени она на неё тратит, – ты умеешь бегать? То есть понятно, что умеешь... Ты умеешь хорошо бегать?

– Я заняла третье место в школьном марафоне! – сказала Кара с гордостью и даже выпятила грудь, как заправский спортсмен.

– Это просто отлично. – Ну, хоть какая-то обнадёживающая новость. – Смотри, мы и так здесь засиделись: в любую минуту может явиться сам золотозубый или его дружки. Но как бы я ни хотела ему отомстить за нас с тобой, у меня вряд ли хватит сил, чтобы одолеть их всех. Сказать тебе по-честному, я не знаю, как мне с этими-то придурками удалось справиться, но это ладно...

– Так, может, тебе нужно было стать душегубцем?

– Да погоди! – Она даже прикрикнула на Кару, так как понимала, что время стремительно уходит, ни на миллисекунду не останавливаясь. – Наш план таков: сейчас мы с тобой встаём, пакуем в мой рюкзак какую-никакую еду, если таковая, конечно, осталась, а потом бежим через эту дверь на улицу. – Вишну указала на деревянную дверь, которая, предположительно, вела на как раз туда. – Там мы с тобой побежим что есть сил – ты, главное, не отставай от меня и не оглядывайся ни на что. Я хочу, чтобы в поле твоего зрения была только моя спина и ничего другого...

– А если там будет что-нибудь экстраинтересное?

– Поверь мне, на Щаклаке нет ничего особенного... Пыль, куча зданий-коробок и... всё. Разве что инопланетян много, но от них в большинстве своём скорее тошнит.

– Хм... – Кара сложила губы бантиком. – Что-то я в этом не уверена...

– В любом случае тебе придётся меня слушать – ты ведь всё ещё хочешь попасть на Та-Кемет?

– Ещё как хочу! – вскрикнула она и сразу же вскочила на ноги, заняв позицию бегуна на стартовой прямой. – Когда бежим?

– Погоди... – Вишну быстро порылась в холодильнике и даже в камере молекулярной заморозки, но нашла там лишь кусок зелёного месива, которое, как она предполагала, употреблять человеку в пищу нельзя.

Ладно, по крайней мере, она догадалась обчистить кошельки мёртвых ублюдков, где обнаружили несколько десятков гинеец и даже пара лун. Обтёртые и начищенные до блеска клинки мирно покоились на барной стойке и словно призывали её к себе: на несколько секунд она задумалась, стоит ли брать их с собой, но потом вспомнила слова Кары... Да, она и правда теперь убийца, так что нет смысла перечить самой себе и оставлять на произвол судьбы такое замечательное оружие. Вишну схватила клинки, чьи эфесы идеально влились в её маленькие ладони, и сунула их в специальное отделение рюкзака, которое как раз и предназначалось для холодного оружия: вот уже четыре года они пустовали, а теперь наконец нашли своих постоянных жителей. Вишну ещё раз окинула притон критическим взглядом, пытаясь понять, что ещё ей может понадобиться в будущем, а потом подошла к Каре и взяла её за руку.

– Вишну... – На лице девочки читалась сложная смесь эмоций, которые в очередной раз показывали Вишну, что психически она гораздо взрослее своих лет, в чём, если задуматься, не было ничего удивительного. – Ты меня не оставишь? Как мои родители?

– Кара... Они ведь...

– Скажи мне. – Она не кричала, но говорила спокойным и размеренным голосом, чем вызывала в Вишну ещё больше уважения и... привязанности...

– Нет, не оставлю.

– Ты защитишь меня?

– Да.

– Тогда я готова.

Вишну только коротко кивнула и слабо улыбнулась, но получила в ответ такую откровенную и даже любящую улыбку, что она невольно прослезилась и почувствовала, как её сердце сжалось, будто в тисках. Они вместе подошли к двери, вздохнули и распахнули её настежь, выходя в вечерний сумрак праздничного дня.

Теперь наступало самое интересное – они вдвоём помчались по невероятно узкому переулку, по обе стороны от которого вверх уходили побелённые стены, залепанные отпечатками грязных лап и чем-то, что очень напоминало Вишну птичий помёт, но так как птиц на этой планете и в помине не было, она могла только догадываться, что это за кучки шлака. Позади себя она слышала уверенный топот детских ножек и ровное дыхание Кары, которая, к её радости и удивлению, ни на секунду не отставала. Не только смышлёная девчонка, но и очень даже физически развитая!

Честно говоря, Вишну не знала, куда они бегут и куда в итоге выбегут – чёрт возьми, может быть, её вообще в другой город вывезли, и теперь ей придётся нанимать плоскодонку, чтобы пересечь Слякотное море и добраться до Щакары. Это, конечно, вряд ли, но всякое ведь бывает: ладно, она разберётся, когда они выскочат на какую-нибудь большую улицу или пустырь: там уже можно будет сориентироваться. Первый же поворот дался им очень легко: Вишну плавно впорхнула в него, даже не задев острого угла, да и Кара последовала за ней без каких-либо проблем, разве что выкрикнув какое-то восторженное замечание. Они оказались в закрытом со всех сторон дворе, где какие-то червеобразные существа купались в расставленных по его периметру тазах, – при этом они перепрыгивали из одного в другой и дружно визжали. Вишну не стала останавливаться и со всего разбегу нырнула в низкую арку, в которой ей даже пришлось пригнуть голову. Она на секунду оглянулась и заметила, что девочке этот трюк тоже удался великолепно. Узкий тоннель никак не освещался, и некоторое время они бежали в полной темноте – благо, никого не попало навстречу. Ещё два поворота, и они снова попали на закрытый двор, который ярко освещался восходящим солнцем: здесь глазам

Вишну предстала ещё более удивительная картина. На импровизированном помосте из мусора и досок восседал довольно крупный представитель местной расы: он был облачён в нечто вроде плаща и не был сонным, как все остальные щаканаги, которых она встречала, а наоборот, в его восхитительных глазах горел пламень энтузиазма и бодрости. Более того, он что-то довольно громко вещал на своём родном, совершенно неопишемом языке, целой группе таких же, как и он, круглых, дородных и довольно уродливых, если уж быть до конца честными, щаканагов. Определённо, то, что она сейчас видела, считалось очень редким явлением, которое достойно большего внимания, но нужно бежать дальше... Скорее всего, это некое подобие «мессы щаканагов», что было связано с сегодняшним праздником: парады и громкие фестивали устраивались исключительно для гостей планеты, а местные, как поговаривали ксеносоциологи, слишком трепетно относились к этому сакральному дню, чтобы проводить его в праздных гулянках. Более того, Вишну и представить себе не могла, как щаканаги пьют или веселятся...

Она снова оглянулась и увидела бегущую Кару – та держалась молодцом и даже не поворачивала голову в сторону того, что могло её заинтересовать. Она ведь была маленькой девочкой, и у неё, несомненно, вызывали любопытство инопланетные миры и всяческие существа, населяющие их. Но нет, она держала слово и упорно смотрела прямо в спину Вишну – можно бежать дальше. Очередные повороты, и они снова оказались в тени, а заодно прямо посреди лабиринта из развешанной на верёвках одежды – просто удивительно, как много здесь иммигрантов из числа кеметцев и земных колоний: многие ехали сюда целыми семьями, чтобы заработать на страсти щаканагов к письменному слову, а потом смекали, что те купят всё, что угодно, и оставались здесь, становясь псевдописателями, летописцами и просто переписчиками старых книг. А что? Плёвое дело: купил на родной планете несколько томиков давно уже умерших писателей, а потом из раза в раз их переписываешь – какой-нибудь глазастый шар да купит!

Пробегать сквозь массивные белые простыни и развешанные рубашки из грубой материи оказалось сложнее, чем петлять по узким переулочкам: Вишну чуть не ударились шеей о натянутую верёвку, а Кара умудрилась запутаться в гигантских трусах, которые по размеру принадлежали какому-то атланту, не меньше. Пришлось задержаться и помочь ей с трудно рвущейся материей, но уже через минуту они снова ринулись навстречу Библиотеке.

После пятого поворота и очередного закрытого двора, в котором не нашлось ничего, кроме изрядной кучи вонючего мусора и небольшого пришельца с клешнями вместо рук и в блестящем шлеме, который довольно увлечённо копался в мусоре, Вишну остановилась и как-то слишком громко закричала:

– Да этому будет когда-либо конец?!

– Мы остановились? – удивлённо спросила Кара, которая чуть не врезалась в Вишну, но теперь упёрла руки в бока, изображая из себя ни больше ни меньше заправского бегуна на далёкие расстояния.

– Мне надо подумать... – пробубнила Вишну и начала лихорадочно вспоминать, в какой части света относительно центра Шакары находится библиотека. Вроде она расположена где-то на юго-востоке. Да, точно! Значит, если ориентироваться на восходящее солнце, то надо двигаться... Но опять же стоп-стоп-стоп: а с чего она вдруг решила, что местное солнце восходит именно на западе? Она же совсем на другой планете, а отнюдь не у себя на Вавилоне!

– А ви чаго искати? – услышала Вишну резкий и пронзительный голос, от чего ненароком вздрогнула.

Она обернулась и увидела, что на них дружелюбно посматривает лупоглазое нечто, уже снявшее с головы блестящий шлем и сейчас державшее его в клешнях. У него были крупные синие губы, вылезавшие из орбит чёрные глаза, но больше никаких отличительных черт – его череп покрывала блестящая чешуя, переливающаяся на утреннем солнце всеми цветами радуги.

– Э-эм... – Вишну почему-то не могла найти слов, совсем не ожидая помощи от пришельца, который за секунду до этого что-то искал в куче мусора.

Зато ожидала Кара и с очаровательной улыбкой спросила:

– Простите, господин, вы не знаете, как нам выйти на большую улицу?

– Улиси... – Рот изогнулся в некоем подобии улыбки. – Улиси там, налевес!

– А это вообще Щакар? – наконец выдавила из себя Вишну и почувствовала одобрителный взгляд девочки.

Лупоглазый внезапно начал издавать какие-то квакающие звуки, кои Вишну приняла за смех, и она сочла нужным добавить:

– Прошу вас, мы очень спешим...

– Сисяс, сисяс... – Пришелец чуть не выронил шлем, но всё же удержал его в клешнях и продолжил: – Сисьная ви! Канеша, Шашак! Ви с ниби свасися?

– Если бы с неба... – процедила сквозь зубы Вишну и почему-то испытала непреодолимое желание достать из рюкзака клинок: она определённо всё ещё была на взводе, надо успокаиваться. – Спасибо вам.

– Налевес! Вон сися! – Он указал клешней в очередной проулок, откуда тут же деловито выползло крокодилоподобное существо в фетровой шляпе.

Оно оглядело грустными глазами всю честную компанию, издало рыгающий звук, который можно было принять за приветствие, и быстро скользнуло в противоположную арку.

– Вы нам очень помогли, господин! – Кара снова улыбнулась и повернула своё исхудавшее и бледное лицо к Вишну. – Побежали?

– Ага, давай... – глядя на неё, Вишну подумала, что ей бы неплохо развить собственные социальные навыки: уже в третий раз она завидует Каре. – Благодарю... – бросила она лупоглазому и тут же сама поняла, что прозвучало чересчур фальшиво. Ну что ж, хоть так. Она побежала в указанном направлении, снова услышала за собой топот Кары, а заодно и очередную забавную фразочку от пришельца:

– Каки мисая севоська! Ой, мисаска! – Он снова напялил шлем на чешуйчатую голову, при этом несколько раз причмокнув, и приступил к занятию, от которого его оторвали.

Через некоторое время они и правда вышли на широкую улицу, которую Вишну сразу идентифицировала как ту самую, с которой её похитил золотозубый. Только вот теперь пройти по ней не представлялось возможным: центральную её часть отвели под масштабный парад с участием паровых конструкций, магнитных роботов и механатов, а тротуары так запрудили всевозможные инопланетяне, что о Библиотеке можно сразу забыть. Разве только что...

– Кара, ты не хочешь немного посмотреть?

Девочку можно было ни о чём и не спрашивать: она разинула рот, обнажив острые клыки, поднялась на цыпочки подобно заправской балерине и чуть ли не хлопала в ладоши от возбуждения. Конечно, здесь было на что посмотреть – при нормальных обстоятельствах Вишну и сама бы посмотрела на парад, ибо такое захватывающее и фантазмагорическое зрелище мало где увидишь.

Небольшие пыхтящие паровики медленно тащили за собой массивные платформы, на которые установили безумные конструкции в виде дерущихся воинов с разных планет, учёных мудрецов, восседающих за книгами и планшетами, весёлых детей разных рас, собравшихся вокруг галлограммики – недавнего изобретения, которое не только проецировало тексты в трёхмерной проекции, но и умело само создавать новые истории и рассказы: без участия писателя. Однако наиболее интересными оказались платформы, на которых устроили настоящие помосты, трамплины и перетянутые в разных направлениях канаты. Люди, земные колонисты, разного рода пришельцы плясали, скакали и показывали всевозможные захватывающие дух трюки. Многорукое существо в дыхательной маске и изрядным количеством антенн и уси-

ков, торчащих из головы, скакало по натянутой между двумя вышками леске, при этом подпрыгивая чуть ли не до самых крыш и издавая певучие звуки, достойные кеметской оперы. Гораздо более отвратительным, но не менее захватывающим зрелищем оказался инопланетянин, напомнивший Вишну обриту гориλλу, – он отрывал от себя куски мяса так, будто это для него обыденное занятие. Но более того: после этого он засовывал их себе в рот, смачно пережёвывал и показывал всему честному народу, как у него зарастают только что нанесённые себе самому раны. Дошло до того, что он с треском оторвал себе две лапы и начал жонглировать ими при помощи внезапно выросших из спины отростков. Вишну на секунду задумалась, что будет, если ему голову оторвать, но решила не развивать дальше эту тему.

Ещё одним коньком парада, несомненно, стали магнитные роботы и механаты: зная, что роботехнологии до сих пор не достигли расцвета, особенно в связи с Забвением, Вишну с упоением смотрела на эти реликты позапрошлого века, шагавшие в ряд подобно настоящей армии. Каждое их движение сопровождалось либо скрипом, либо странным звуком, будто кто-то тёр друг о друга две заржавелые железки. Некоторые из этих удивительных механизмов имели встроенный микрофон и пытались общаться с окружающей публикой: Вишну, правда, ни слова не поняла, так как кеметский, видимо, не входил в программу роботов.

Всё это, конечно, было очень интересно, но Вишну вновь напомнила себе, что отвлекаться она сейчас не имеет права. Мало того, что сегодня вечером им надо успеть на очередной космолёт до кеметской луны, так ещё они не так уж далеко убрались от своего недавнего места заточения. Мало ли кто может сейчас вернуться в покинутый ими бордель и обнаружить там настоящую кровавую феерию.

Она ненароком пошарила в сумочке стоящей рядом с ней дамы – с виду довольно обеспеченной представительницы ближних земных колоний, так что с неё не убудет. В итоге к Вишну в карман перекочевало двадцать гиней, которые послужат им несомненным подспорьем – тем более что парад дошёл до показа антикварной транспортной техники. Автомобильные энтузиасты с близлежащих планет с гордостью демонстрировали здесь свои наиболее драгоценные аппараты: паровые котлы на колёсах, парящие платформы гравитационного сопротивления, телекинетически управляемые кабриолеты и, конечно же, автомобили внутреннего сгорания, считающиеся одними из самых редких в Галактике. Почему-то среди всех Вишну доверяла больше всего именно им – она сама не знала почему. Теоретически от них хуже всего пахло, да и аварии с их участием считались распространённым явлением, но вот почему-то они милее её сердцу... Скорее всего, опять-таки из-за отца: в дополнение к своему воровскому хобби он имел ещё одно увлечение – коллекционирование голограмм с изображениями лучших автомобильных образцов Земли XX века. «Золотые времена!» – говорил он, и Вишну, когда ей было лет пять, ему верила. Парадоксально, пусть она и перестала ему верить уже давно, определённые установки всё ещё жили в её голове...

Она схватила ошалевшую Кару за руку и потащила к автомобилю, который чем-то понравился ей больше всего: формой он напоминал хищную рыбину с Вавилона, которая обитала в глубоководных метановых озёрах и выпрыгивала на поверхность, дабы полакомиться человеческим мясом. Плавная и обтекаемая, эта машина определённо была скопирована с кеметских образцов, что тоже внушило доверие Вишну: если водитель окажется несговорчивым, то с машиной она легко справится и сама. Их никто не задерживал, лишь местный полицейский ВМО что-то лениво крикнул им, а потом быстро отвлёкся на какого-то незадачливого вора, пытавшегося украсть у щуплого рактонога его суму. Кара что-то верещала, но Вишну уверенно её игнорировала до тех пор, пока не схватилась за дверцу автомобиля.

– Помолчи! – сказала она строго и на мгновение уловила разгневанный взгляд девочки, который тут же сменился обиженным.

Вишну распахнула дверцу и быстро впихнула туда Кару, а за ней ринулась и сама, плюхнувшись на мягкое переднее сиденье, обдуваемое мощным кондиционером.

– А вам чё надо?! – услышала она клацающий голос и тут же поняла, что ей невероятно повезло: в качестве водителя у них выступал примакал: нечто, напоминающее мускулистого человека с головой крокодила, удивлённо смотрело на них мало что выражающими глазами и определённо ждало скорого ответа. Вишну тут же сунула ему в нагрудный карман недавно заполученные двадцать гинеций и пропела своим детским голоском:

– Уважаемый, довезите нас до библиотеки... Там наш кузен живёт! Мы ему подарок возём! – И она уставилась на него грустным и просящим взглядом, который сражал наповал любого, а подкреплённый взяткой из двадцати гинеций, он вообще был непобедим. Особенно для примакалов, которые по всей Галактике славились как самые коррумпированные существа в космосе.

– Давезу! Давезу! – проклацал их новый водитель, и Вишну готова была поклясться, что заметила улыбку на его длинной коричневой челюсти. – Тока давай взад! Плохо примакала с низшими людьми видеть!

Вишну чуть не опробовала на нём её новые лезвия, но всё же усмирила гордость, решив, что на долю Кары и так слишком много смертей сегодня выпало, и просто полезла на заднее сиденье вслед за всё понявшей девочкой. Так оказалось даже удобнее: сиденье чуть ли не провалилось под ними, а дверки были оснащены мягкими подлокотниками. Кара находилась в сумасшедшем восторге и постоянно крутила головой, при этой маша рукой всем людям, мимо которых они проезжали, а Вишну устроилась поудобнее и достала из рюкзака заветную сферу. Если её расчёт верен, то рано или поздно они выйдут на набережную местной реки, на другой стороне которой располагалась сама Библиотека. Пока можно расслабиться и понять, что же представляла собой эта сфера: она, конечно, давно поняла, что это головоломка, указывающая, где в Библиотеке есть искомые документы, но вот как ею пользоваться? Сфера определённо не являлась творением человеческих рук, ибо людской логикой здесь и не пахло. Ни одна её часть не двигалась, и не было никаких намёков, что она могла раскрываться или быть сломана. Сферу покрывали неизвестные ей письмена, а на поиски переводчика времени нет – оставалось лишь думать. Разбить голову о стенку, но думать.

– А почему он назвал нас низшими? – услышала она тоненький шёпоток Кары, которая, казалось, потеряла интерес ко всему окружающему и сейчас прильнула к Вишну, положив голову ей на плечо и дыша так, будто через несколько минут она уснёт.

– Неважно... – процедила сквозь зубы Вишну и повертела сферу в руках, дабы Кара видела, что она занята.

– Я же наблюдала за тобой. – Девочка зевнула. – Ты чуть не обидела нашего водителя!

– Да нет, всё в норме, правда...

– Вишну, я всегда понимаю, когда люди мне врут. Мама тоже мне врала, когда говорила, что со мной всё будет в порядке и что папа меня спасёт... Я это тогда уже знала...

Что ж за девчонка такая! Сказать, что экстраординарная, значило не сказать ничего: как только она умудрялась так глубоко проникать под кожу и убеждать, делая тебя же и виноватой?

– Пф-ф-ф... – Вишну опустила сферу на колени. – Ну, мы же с тобой не коренные кеметцы, ведь так?

– Ага...

– Ну, видишь ли, многие пришельцы очень высокого мнения о старых землянах – то есть тех, кто жил до Забвения, до переименования планеты в Та-Кемет и до Религиозных войн. Это их уважительное отношение перешло и на нынешних жителей планеты, особенно когда те снова стали доминировать в Галактике... Только вот к земным колониям, а особенно к таким, которые основали до Забвения, они относятся пренебрежительно. Примакалы, к примеру, считают, что мы должны были помочь Земле в критический момент...

– А почему мы не помогли?

– Мы не могли... Не знаю, как у тебя на планете, но у Вавилона никогда не имелось не то что межсистемных кораблей, но даже межпланетных...

– Да, у нас то же самое...

– Вот... Только для примакалов это не является адекватной причиной. Для них это как бросить своих прародителей на верную смерть... Другие, рактоноги, к примеру, считают нас отсталыми и неразвитыми. Мол, Земля дала нам все шансы на развитие, а мы её подвели...

– Но ведь это тоже неправда... – Девочка уже почти спала: вывод наркотиков из организма и общая стрессовая усталость сделали своё дело.

– Конечно, неправда... У нас ведь никогда и возможности такой не было... Это не мы их бросили... Они нас. – Вишну поняла, что и сама находится на грани потери сознания: всё происходило слишком быстро и неожиданно... Могла ли она помыслить, что попадёт в такую историю, когда подписывала контракт?

– Это Гнобельская загадка... – У Вишну аж сердце защемило от слов Кары.

– Что?! – До этого они шептались, но сейчас её голос прозвучал так громко, что зубастый примакал подпрыгнул на своём месте и недовольно зашипел.

– Гнобель – это город такой на одной из кольцевых планет... Не помню какой...

– Это ладно... – снова зашептала Вишну, но теперь уже быстро и бодро: сон как рукой сняло. – Ты ведь про эту сферу, да?

– Ага... – Новый зевок. – У меня такая в детстве была. Тебе нужно в неё шептать...

– Что?.. – Тут она уже правда обескуражена была.

– Поднеси её к губам и спроси её, что она прячет...

– Спасибо...

Девочка уже засопела, а Вишну уставилась во все глаза на сферу и с недоверием поднесла её ближе к лицу. В который раз маленькая страдалица оказывалась ключом к решению задач, которые в теории должны были быть ей по плечу. Не прошло и дня с момента их знакомства, а она уже начинала привязываться к Каре; Вишну ненароком погладила своей изящной рукой её рыжеватые, словно опалённые огнём волосы и пару раз наткнулась на её мелкие рожки. Она уже сейчас понимала, что девочка вряд ли когда-нибудь найдёт своего отца, и в некотором роде именно она, Вишну, несёт ответственность за неё. Стала ли она её матерью? Едва ли: зачастую она сама чувствовала себя настоящим ребёнком без забот и ответственности и с таинственным страхом перед отцом. Куда ей в матери... Но стать опекуном Кары она обязана. Ладно, это всё вопросы будущего.

Сейчас же они уже на полпути к цели: Вишну узнал место, где, казалось, вечность назад её перехватил золотозубый. Тут сгрудились разношёрстные студенты местной Литературной академии, разодетые в фирменные тёмно-синие робы и снабжённые портативными голопроекторами, дабы всегда иметь доступ ко всем текстам ученического архива. Сюда они прилетали, чтобы удостоиться аудиенции в Великой Библиотеке Щаканаги, что, как уже смогла убедиться Вишну, являлось делом непростым. Иногда желающие простаивали в очереди несколько месяцев, а то и лет. Электронного архива у Библиотеки тоже не имелось, так как аборигены считали бумагу и чернила сакральными вещами, которые не должны переноситься в мир цифры и ментального трансфера. В чём-то они, может, и правы... Однако что же такое! Она снова отвлеклась.

Вишну бросила быстрый взгляд на водителя и убедилась, что тот будто совсем забыл про них и теперь ковырял состриженным когтем лапы в одном из сотни своих острых как бритвы зубов. Она ещё раз посмотрела на сферу.

– Ну ладно... – прошептала она и поднесла ее к своим точёным губам. – Сфера... – Вишну тотчас же поняла, что не знает, что именно ей сказать, но ответ пришёл в виде цитаты из какого-то глупого приключенческого голофильма, который она совсем недавно просмотрела в космолайнере. – Открой мне свои секреты.

Она почувствовала себя полной дурой, когда не заметила никаких перемен в головоломке, но тут же поняла, покрутив её в руках, что в некоторых местах сфера странным образом вибрировала. Вишну, повинаясь инстинкту, прикоснулась пальцами аккуратно к тем местам, где ощущалось легкое подрагивание. Опять же перемены она почувствовала не сразу: сфера прекратила свои вибрации и вместо этого постепенно нагревалась – несильно, будто кто-то оставил её на весеннем солнце Вавилона. Однако на этом всё закончилось: сфера перестала подавать признаки жизни. Вишну решила, что просто-напросто неправильно с ней разговаривала, а потому снова поднесла её ко рту и на этот раз грубо заявила:

– Если ты немедленно не откроешься, то я тебя разобью к чертям собачьим! – Эффект на этот раз отличался от прошлого: сфера не завибрировала, но похолодела так, что Вишну чуть не выронила ее. Ей даже показалось, что её палец намертво приклеился к неподатливому шару... И снова всё: никакого движения или... Стоп.

Тут водитель поднял стекла на окнах, видимо, устав от постоянных криков и оваций толпы, и в машине воцарилась практически полная тишина, позволившая Вишну услышать нечто: недовольный и еле различимый шёпот, исходивший не откуда-нибудь, а прямо из сферы. Она мгновенно поднесла её к левому уху.

– ...корэар гууак... – услышала Вишну обрывок фразы и то не была уверена, что именно это было услышано, так как голос был невероятно тихий и вкрадчивый. – Гууак... – в замешательстве повторила она, но тут же поняла, что сделала это слишком громко, так как к ней немедленно обернулся водитель-примакал и почему-то слишком гневно спросил:

– Ты чаго?

– В смысле? – Сейчас Вишну было совсем не до него, а посему лучше просто изобразить из себя дурочку.

– Чага ругаешься по-моему?! Какой хера? Гууак! – Он внезапно вспыхнул, отчего Вишну сразу опешила, но уже через несколько секунд к ней начало приходить осознание.

– Постойте! – Теперь её голос зазвенел от энтузиазма. – То есть «гууак» – примакальное слово? На вашем языке?

– Слово! – Водитель внезапно загаркал и защёлкал челюстями, что можно было принять лишь за смех. – Да эта мат! Плохое слово! Табу!

– А-а-а... – Примакал продолжал что-то ей говорить, видимо, расписывая все прелести их матерных слов и их смежных значений, но Вишну уже погрузилась в размышления.

Когда Вишну мягко попросила сферу «раскрыть ей свои секреты», она нагрелась и заурчала как домашний кот, а когда девушка на неё прикрикнула, то похолодела, как снег Саломейских гор, у подножия которых стоит дом ее отца... И ещё это ругательство... Пора провести небольшой эксперимент, результат которого Вишну уже заранее предвидела: она впервые слышала о Гнобельской загадке, но вспомнила настольную игру, в которую часто играли её собратья по воровскому ремеслу, особенно мужчины (или приближенного к мужскому полу). Игра называлась Акреус, и суть её в следующем: одному из игроков нужно было соблазнить и совратить виртуальный женский образ, который определённым образом реагировал на их слова, интонации и эмоциональный посыл. Каждый раз этот образ программировался случайным образом, то реагируя положительно на нежные и любезные комплименты, то возбуждаясь от грубостей и пошлых шуточек.

Сфера снова оказалась у её губ.

– Прости меня... – мягко зашептала она, да так, будто говорила с тем, кому принадлежит её сердце. – Я не специально, просто эмоции на пределе. На самом деле я совсем не такая. – Она даже поглаживала её поверхность. – Покажи мне свои секреты, прошу тебя...

Обволакивающая теплота пронзила её пальцы, а еле различимый шёпот стал гораздо более отчётливым: при этом язык был уже не примакальным, а, вот сюрприз, валианским – тем самым языком, который она с трудом и ненавистью выучила у отца. Легенда гласила, что

валианский был языком ныне уже давно вымерших аборигенов Вавилона, а посему те воры, которые хотели достигнуть успехов на своём бесчестном поприще, просто обязаны его знать: в знак уважения перед родной планетой. Вишну всегда считала это поверье чушью собачьей – по крайней мере, до этого момента. Сфера не отвечала прямо на её слова, но постоянно повторяла три цифры: 12, 85 и 6 – при условии, что Вишну, конечно, правильно помнила валианские числительные. Она быстро спроецировала цифры в свой сектор Простора и убедилась, что они отпечатались в её подсознании, на что потребовалась десятая доля секунды. Однако уже через это мизерное время она поняла, что сфера куда-то исчезла, оставив в её руках лишь пригоршню золотого порошка, разлетающегося по машине, так как примакал снова открыл окно.

– Долга ещё кататься будете? – Примакал нервно озирался по сторонам, видимо, понимая, что большинство зрителей уже остались позади, что подтверждалось затихающим прибоем оваций и криков.

Теперь они въезжали на территорию, где по обеим сторонам дороги восседали местные аборигены, всюду раскрывшие свои непроглядные глаза и скалившиеся странными, будто даже угрожающими улыбками. Если раньше праздник определённо предназначался для многочисленных гостей планеты, то сейчас его главными участниками стали щаканаги, по всеобщему мнению избегавшие подобных увеселительных мероприятий: однако вопреки всем слухам, вот они – стояли прямо здесь и пронзали их своими глубокими взглядами. Тут кому угодно станет не по себе...

– До канала... – отчуждённо прошептала Вишну, продолжая прокручивать в голове три известные ей цифры: 12, 85, 6. 12, 85, 6. 12, 85, 6... – Там мы выйдем... – Она почти шептала, не желая будить уснувшую Кару.

По её спине табуном мчались мурашки из-за такого большого скопления щаканагов: если их так много здесь, что же будет в Библиотеке?..

Прошло ещё минут сорок, пока они, вместе со своим длинным кортежем из разнообразных транспортных средств, вышли на грязную и заболоченную набережную реки Щекалак, где Вишну вздохнула с облегчением, ибо ряды аборигенов заметно поредели, а дальше и вообще сходили на нет. Где-то на мосту, пропущенном над излучиной водоёма, фестиваль расходился в разные стороны, и уже сейчас Вишну видела, как на противоположном берегу дюжие роботы-механики разбирают на металлолом отслужившие своё парадные платформы. Река сама по себе рекой могла называться лишь номинально – де-факто это был сливной канал для местных канализационных стоков и наилучшее место для сброса органических отходов. Покатые и утопанные берега напоминали Вишну публичную свалку у неё на Вавилоне, а воду настолько испоганили и заболотили, что та приобрела буровато-зелёный оттенок. Тут определённо не искупаешься. Через каждые десять метров из берегов торчали гигантские трубы, откуда в Щекалак лилась очередная порция отходов и грязи, – разве есть в этой Вселенной что-то более прекрасное? Прямо сейчас Вишну стала свидетельницей того, как два храбрых аквила, издавая странные кричащие звуки, скатывали в воду продолговатый кулёк, скорее всего содержащий в себе труп недавно повстречавшегося им незадачливого незнакомца. Вишну хотела в душе возмутиться такому очевидному беспределу, но сразу вспомнила, что на самом-то деле она недалеко ушла от этих аквиллов...

Совсем другое впечатление производила Великая Библиотека, расположившаяся на круглом островке в центре этой водной вакханалии: массивное сооружение, напоминавшее формой огромный и изукрашенный во все цвета радуги муравейник, утыканный стройными башенками, уходившими на сотни метров в воздух и теряющимися в туманном небосводе. По всему периметру конструкции располагались на первый взгляд хаотично разбросанные окна, которые при более внимательном рассмотрении формировали точечное письмо: первый общепринятый межгалактический язык, разработанный примакалами, цаннами и аквилами акку-

рат после того, как Земля выбыла из галактической жизни. Нынче этот примитивный способ изъясняться напрочь вытеснил русский язык, более известный как кеметский, но ВМО высоко ценило тех индивидуумов, которые умели использовать точечную письменность. Интересно было бы прочесть, что именно написано на Библиотеке Щаклака, но, к сожалению, Вишну не могла похвастаться своими знаниями этого мёртвого языка. К острову вело два навесных моста – один, широкий и золочёный, что опять же создавало абсурдный контраст с загаженной рекой, предназначался для местных жителей, для которых поход в Библиотеку являлся чуть ли не еженедельным священным ритуалом. Сейчас на мосту скопилось несколько сотен этих удивительных существ, каждый из которых волочил в своих отростках очередную порцию печатной макулатуры, – для того, чтобы свалить её в общие библиотечные запасы и таким образом пополнить копилку знаний щаканагов. Второй мост был гораздо более скромным и, на первый взгляд, заброшенным, – предназначался он для посетителей с других планет, каковых, честно говоря, именно здесь встречалось не так и много. Библиотека Щаклака хоть и поражала исследователей своим многообразием и видимым богатством коллекции, но содержалась просто в отвратительном состоянии. Очевидцы поговаривали, что большинство рукописей просто свалено в огромные пылящиеся кучи по углам гигантских залов, а то, что расставили на полках, представляло собой абсолютный неупорядоченный хаос, разобраться в котором смог бы лишь бессмертный и очень терпеливый человек или пришелец.

Вишну с противным хрустом размяла все свои кости и нежно потрясла Кару, которая давно уже не спала, а просто прикидывалась, считая, что никто не заметит узкой щёлочки её глаз. Вишну, конечно же, не стала её расстраивать, так как вспомнила, что сама так любила делать, наблюдая, как отец суетится по дому, пьёт кофе (который на самом деле им не являлся, но вавилонцы именно так называли напиток из зёрен куста простоклюва) и собирает разбросанный по комнате воровской инвентарь.

– Уже приехали? – притворно сонным голосом спросила девочка, как-то уж слишком быстро подняла голову, а потом, опомнившись, начала широко зевать, демонстрируя Вишну свои заострённые клыки.

– Приехали! – буркнул водитель-примакал и, оглянувшись, многозначительно посмотрел на них своими непонятными глазами.

Вишну снова разозлилась: захотелось воткнуть клинок прямо ему в глотку и посмотреть, обломает ли он его зубы, или, наоборот, зубы перекусят клинок. Определённо, когда она разберётся с этим заданием, ей нужно взять отдых. Одной его теперь, правда, не удастся провести, но почему-то именно сейчас перспектива как можно больше времени провести с Карой ей совсем не претила, а наоборот, радовала. Кара ей невероятно помогла как своим оригинальным мышлением, так и неожиданными познаниями, с ней действительно интересно общаться. Плюс ко всему... Вишну ещё не могла выразить это словами, но каким-то образом эта маленькая девочка, натерпевшаяся столько ужасов и обид, заполняла огромную дыру в её душе, которая возникла много лет назад... Нет, только не он. Только не отец...

– Ну? – Примакал занервничал, что было понятно по его задвигавшимся челюстям и подёргивающимся разномастным усам на голове.

– Всё, мы выходим. – Голос Вишну никак нельзя было назвать дружеским.

Похоже, именно поэтому Кара решила вернуть свои пару словечек:

– Спасибо вам, уважаемый!

Вишну уже успела выпихнуть Кару из автомобиля, когда услышала ответ:

– Было б за чё...

На секунду Вишну показалось, что примакал отчего-то расстроился, произнося эти грубоватые слова, но она тут же выкинула из головы все мысли такого рода. Кара ждала её на набережной самой грязной реки в Галактике, а впереди маячила самая важная и сложная фаза её операции: проникновение в Библиотеку.

IX. Пла-Кнут

В отличие от Крогга, Кэсседи наслаждался их медленным и вязким продвижением через заросший кустарниками и мхом лес. Он прямо-таки с упоением вдыхал тёплый воздух, скопившийся под кронами разросшихся деревьев, пахнувший зеленью, раскрывающимися почками и рассеянной пылью. Весёлое солнце стройными лучами пробивалось сквозь светло-зелёные листья-паруса и превращало собравшуюся в коре росу в настоящие бриллианты. То тут, то там пролетали крупные насекомые, некоторые напоминали Кэсседи одушевлённые миниатюрные вертолёты, а другие – пропеллерные самолёты. Он не раз читал о флоре и фауне Центральной России, но о такой живности в его истёртых книгах не было ни слова, – видно, природа не стояла на месте, и в отсутствие человека произошел настоящий эволюционный бум. Если насекомые превратились в настоящих гигантов, то встретить лося или кабана Кэсседи вообще опасался. Хотя вполне реально, что местные разлапистые комары уже давно пожрали всё, что имело в себе хоть каплю крови: нет, правда, это же просто демоны какие-то – стоит убить одного, при этом измазавшись в его склизких потрохах, как на его место весело прилетала ещё пара-тройка кровопийц. Особенно страдал от этого Горец, который и так покрыт неким подобием слизи, так ещё теперь к этому прибавлялись размазанные комары и мошки. Да, мошки... Эти тоже надоедали. Не кусались, конечно, но почему-то считали своим долгом постоянно лезть в глаза и уши. Позволить себе идти по полям или же по заброшенным автомобильным шоссе они не могли – их бы засекали быстрее, чем они прошли пару километров. Так что приходилось терпеть.

Крогг матерился и не подпускал к себе ни одного из членов их экспедиции. Урра относилась ко всему философски и лишь время от времени останавливалась то там, то здесь, чтобы получше рассмотреть какой-нибудь притаившийся в запутанных корнях цветастый гриб или проинспектировать обсыпанный ягодами куст. Свои находки она записывала в бумажный блокнот, мотивировав использование такого архаичного приспособления тем, что запись в ментальный блокнот зачастую неверно интерпретирует факты, – более того, Адамс сомневался, что у неё вообще свой сектор Простора был. Горец вёл себя под стать Кроггу, разве что старался постоянно увиваться либо за Кэсседи, расспрашивая его обо всех деталях операции, либо за Уррой, попутно делая пошловатые намёки, касающиеся её ног. Аллаотт полз по листовенному дёрну довольно уверенно и даже не жалуюсь на то, что он постоянно прихватывал за собой мелкие веточки и кусочки мягкого мха. Кэсседи уже давно понял, что мировоззрение живой слизи было чем-то похоже на буддизм или индуизм. Да, в своё время он довольно много времени провёл в Женевской библиотеке, изучая древние верования и культы.

Лес начал потихонечку редеть, выпуская духоту и освобождая место вечерней прохладе. Скоро они вышли на одинокую полянку, в центре которой росла кроткая и даже чем-то ущербная ёлочка, которая по размерам контрастировала с гигантскими лесными деревьями. Хотя сама ёлка мало заинтересовала путешественников: Крогг нагнулся и с перекошенным лицом, будто говорившим «Я так и знал!», поднял с земли белоснежный человеческий череп, который уже давно лишился хоть какого-либо намёка на плоть.

– Тут ещё один, – буркнул он, и Кэсседи даже показалось, что от его баса у него за спиной завибрировала листва, – инопланетный. Кажется, рактоног.

– Если есть крабьи челюсти, то точно рактоног, – подал голос Горец и тут же прихлопнул очередного комара.

Кэсседи пожал плечами, окинул Крогга недовольным взглядом и продолжил путь вдоль опушки; остальные лишь переглянулись и двинулись за ним. Череп снова упал на землю, дабы напугать следующих встретившихся ему путешественников.

Нет, Адамс прекрасно понимал, с каким риском связано его московское мероприятие: огромный мегаполис определённо покинули не просто так – и вовсе не потому, что его разрушили, или он стал групповой усыпальницей для миллионов людей, нет. Такие мелкие моменты никогда не останавливали человеческую расу – мало ли, сколько там душ загубили, – у меня тут двухкомнатная квартира с собственным синтезатором еды, знаете ли! Люди ушли отсюда, потому что здесь таится какой-то секрет. Некая тайна, которая влекла Кэсседи с того самого момента, когда он научился читать и воспринимать факты из Простора. В некотором роде все его прошлые миссии, операции и приключения, которые дали ему баснословное богатство, были лишь своеобразной подготовкой к этому походу. Эти знания дались ему дорогой ценой. . . Слишком дорогой. Он вспомнил лицо своей сестры, которое смотрело на него из-за стены огня. . . Эти глаза навсегда запомнятся Кэсседи: они не обвиняли и не унижали, нет – они смотрели на него с жалостью и сочувствием. Сестра смотрела на него и как бы говорила: «Кэсседи, ты никогда не остановишься. Даже когда потеряешь всех самых дорогих тебе людей, ты пойдёшь дальше. . . И вот тогда ты умрёшь в одиночестве. А поверь мне, нет ничего хуже, чем умирать в одиночестве». Алла была старше его на пять лет и всегда изображала из себя заботливую и хлопотливую сестру, – эти ее качества усугубились после смерти родителей. Раньше Кэсседи терпеть не мог её постоянную болтовню о жизни и смерти, но теперь понимал, что больше всего на свете ценил именно её слова. Сейчас он вспоминал их, и на душе становилось легко и лучезарно, будто он вернулся в давно покинутый семейный дом, где Алла уже растопила для него озеро магмы и приготовила суп. Теперь он близко. Московская тайна манит его к себе, и скоро он соединится с ней в единое целое, но лишь затем, чтобы наконец остановиться и уйти на покой. Пора уже вскрывать свои межпланетные счета и жить на полную катушку. Ему опять послышался голос Аллы, произносящий страшный и волнующий вопрос, который она всегда задавала ему, когда он заходил слишком далеко в мечтах и рассуждениях: «Кто ведёт тебя к твоей тайне?». Тогда Кэсседи вопросительно глядел на неё, а сестра объясняла: «Неважно, как ты вооружён и что за инструменты у тебя в рюкзаке. Важно лишь то, с кем ты. Доверяешь ли ты им? Готов ли ты на них положиться? Любишь ли ты их?». Лишь позже Кэсседи узнал, что свои слова о тайне она почерпнула из бульварного романа про путешественника во времени, который по сюжету проник в Москву времён вторжения Жао и лицезрел уничтожение города и повсеместную смерть его населения. В конце голоклиники раскрывалось, что тайна Москвы заключалась в создании армии зрячих, которые при помощи одной только мысли могут разрушать планеты и даже звёзды. Так ли это?

– Что же, это мы скоро и проверим. . . – прошептал Кэсседи и сразу понял, что задумался так глубоко, что перестал обращать внимание на происходящее.

Его спутники между тем распались на пары и попевали за ним, перебрасываясь вялыми, но довольно содержательными фразами. Даже Крогг, и тот вступил в разговор с Горцем, – видимо, они сошлись во мнении о принадлежности второго черепа, и это довольно сильно их сблизило. Смех да и только. . .

Аллаотт производил впечатление существа неспешного и размеренного – особенно для тех, кто являлся счастливым обладателем конечностей. Почему-то в их глазах кусок инопланетного растопленного сала заведомо не мог быстро передвигаться – однако Аллаотт нарушал все стереотипы и исправно попевал за Уррой. При этом он тараторил (мысленно тараторил, конечно) без умолку, чем немного нервировал девушку, но за время своего правления на планете она так привыкла к рюю сторонних голосов и советов, что могла полностью отключиться от происходящего и заниматься своими делами. Сейчас её интересовал процесс, который местные называли фотосинтезом, – то есть поглощение растениями диоксида углерода и последующее выделение кислорода. Вполне стандартное по кеметским меркам явление захватило её с головой, а всё потому, что её невероятные способности от потребления смолы руакки давали

возможность рассмотреть всё в мельчайших подробностях. Урра видела, как пористые листья с аппетитом втягивали в себя мелкие атомы одного вещества и выплёвывали на свет нечто совсем другое, при этом сопровождая данное явление настоящим химическим светопреставлением, которое для обычного человека невидимо, но для неё явилось настоящим чудом природы, коего она не видела у себя в родном мире. Она в который раз убеждалась, что даже её обширнейшие знания меркнут по сравнению с тем, что предлагает Вселенная, такая богатая и великолепная в своём разнообразии. Урра уже хотела обратить взор на усеивавшие дёрн грибы, живая деятельность которых завораживала даже больше, чем фотосинтез, как вдруг поняла, что Аллаотт перестал болтать и теперь просто называл её по имени:

«Госпожа Урра... Госпожа Урра...»

– Да, прости, Аллаотт, я довольно подвержена рассеянности внимания. Как видимо, это качество пришло ко мне во время моих прошлых занятий...

«Вы удивитесь, великолепная Урра, – уж эти ей эпитеты: ползучая слизь обожала их использовать, но ей они чужды, а временами даже противны, – но я именно об этом и спрашивал. Мистер Адамс рассказывал мне о вас, как и о других участниках экспедиции, и могу сказать честно, вы заинтриговали меня больше всех. Вы же правили всем миром...»

– Почти всем...

«Но большей частью. – Вслед за этим в её голове послышалось странное урчание. – Меня это невероятно интригует, так как в моём мире власть не представляется возможной. Когда я вернусь к себе домой, то снова стану частью единого существа Аллаоттан и не смогу сам принимать решения, а буду зависеть от мнения общего... Это сложно объяснить на общем языке, простите...»

– Я поняла. – Урра, конечно, слукавила, так как понять такое отличное от неё существо, как Аллаотт, она заведомо не могла и прекрасно это знала, но что-то внутри призывало её нагругить этому существу: несильно, но так, чтобы оно немного обиделось. – Это не так сложно представить.

«Понятно. – Ещё одна проблема ментального общения: никогда нельзя точно уловить эмоции собеседника. – В связи с этим меня очень интересует роль лидера...»

– Как именно интересует?

«Скажите мне... Вы были хорошей правительницей?»

На её планете за такие вопросы человека могли приговорить к наказанию: ни один человек не был вправе оценивать действия другого, а уж тем более просить их давать оценку собственным деяниям... Но Аллаотт? Как можно злиться на того, кто пришёл из такого отдалённого и странного мира? Более того... Как можно судить его за вопрос, который она задавала себе чуть ли не каждый день?

– Я... Я... – Она помахала головой, словно отгоняла плохие и мрачные мысли. – Это личное. Я не могу.

Разве она могла признаться ему, а уж тем более себе, что её родная планета Урр вот уже многие годы пребывает в настоящей стагнации, приводящей к деградации и отупению населения? Многолетняя мировая война привела их к состоянию, когда общество стало чрезвычайно либеральным и политкорректным, а как следствие, убрало из обихода все оценки и суждения, ранее помогавшие им расти и развиваться. Была ли она хорошим правителем? Смотря по каким меркам судить. Её подчинённые считали её одной из лучших в своём роде, а она... Урра смотрела на историю древней Земли, которая была проникнута духом грандиозности и величия, и понимала, что такого её дому уже никогда не достигнуть. Земляне пронизывали бесконечные космические расстояния за несколько секунд и распространили своё племя и слово на многие световые года: дошло до того, что нынешние кометы сами не могли обнаружить большинство колоний, основанных их предками. Вот это был народ: настоящие атланты, смотрящие только вперёд и плюющие на все ограничения, которые ставила перед ними Вселенная.

То были романтики, мечтатели, но одновременно деятели, за каждым словом которых стоял определённый поступок. Даже когда на пути землян встали куда более развитые примакалы, достигшие высочайшего морального и телепатического развития, они всё равно не остановили напор этих зарвавшихся приматов. В итоге примакалы стали их подопечными, которые даже после Забвения приняли кеметцев как своих повелителей. Легенды. Полубоги. А её народ... Пескарики, не могущие выбраться из своей обмелевшей лужицы...

«Простите», – услышала она голос Аллаотта.

– Ничего. Я лишь рада, что смогла достойно послужить им. – На секунду она почувствовала себя не всеведущей правительницей, а лишь маленькой девочкой, которую семья впервые вывела в леса Руакки: темнота, сырость и... страх.

«Вы расстроены, госпожа Урра. – Он никак не мог замолчать. – Я могу как-то помочь?»

– Нет... – Она почувствовала, как по её полупрозрачному лицу предательски поползла самая настоящая слеза. – Просто... Нет.

Урра ускорила шаг и поравнялась с Адамсом, который так сопел, что уж точно не был готов ни к каким разговорам. Аллаотт впал в раздумья. Он и не думал, что выполнить поставленную перед ним задачу будет так сложно.

Как это ни удивительно, но разговор между Кроггом и Горцем проходил гораздо живее, нежели между двумя интеллектуалами группы. Казалось бы, чего ожидать от двух мужланов, которые всю жизнь посвятили войнам, сражениям и убийствам? Однако нет – они трещали как сороки, которые, к слову, прямо над их головами перескакивали с ветки на ветку, с любопытством рассматривая редких гостей. Стоит лишь отметить, что при этом их разговор не отличался вежливостью и учтивостью, но тут уж ничего не поделаешь.

– Значит, ты ему служишь? – Горца этот вопрос мучил с самого момента, когда он увидел Кэсседи и Крогга вместе: две противоположности, а смотрятся, как два сапога пара.

– Нет! – отрезал Крогг, продираясь сквозь кусты, подобно разросшемуся йети.

– Задеваю гордость? – Горец усмехнулся своей классической гаденькой усмешкой, обнажая заострённые зубы: атрибут воина на его планете. Каждому мальчику, решившему отлучиться от мира и направить стопы на тропу войны, ритуально затачивали зубы, делая его настоящим хищником. Легенды древности Акруса рассказывали, что его благородные предки питались мясом врагов для восстановления сил, излечения ран и получения новых рецептов ядов. Да, так уж получилось, что акрусинцы не просто учились ремеслу производства и выделения ядов, а постигали его долгие годы, дабы уметь мастерски смешивать и совмещать жидкости в своём организме для получения определённых результатов. Горец считался не то чтобы лучшим в своём деле, но из всех встреченных им врагов он пока ещё оставался самым успешным.

– Пф! – Крогг сплюнул. – Я сомневаюсь, что такое склизкое чмо, как ты, вообще может задеть мою гордость.

– Это слова слабака, – гордо заявил Горец. – Если желаешь оскорблять, делай это на языке силы, а не своим поганым помелом.

– Хм. – На секунду Крогг услышал себя в булькающем говоре этого пришельца.

– К тому же... – Понять его речь было довольно сложно, но привыкнуть вполне можно: если, конечно, не стошнит Горец говорил так, будто пытался пить, говорить и изрыгнуть выпитое сразу. – Я задал вопрос. Ты обязан ответить. Это закон моего мира.

– Мы не в твоём мире! – Крогг с напускной яростью отломил толстенный сук, который за секунду до этого чуть не ударил его в массивный лоб.

– Но и не в твоём. – Горец шмыгнул носом, втянув сползающую по лицу жижу: может, кому-то на этой планетке это покажется гадким, но на Акруске кеметца сочли бы чересчур сухим: как фрукт гарра во время Великой сезонной засухи.

– А тебе откуда знать, что я не с Та-Кемета? – Крогг искренне мечтал, что после завершения экспедиции оторвёт этому слизняку его мерзкую башку: будет, с одной стороны, противно, но, с другой – так удовлетворяюще...

– Да брось, – снова кривая как полумесяц ухмылка, – ты горилла по сравнению с этими чудиками. Или ты мутант какой дикой, или инопланетянин с другой планеты...

– Не с планеты, неуч. – Он не скрывал своих чувств, зачем? Пусть этот упырь чувствует его неприязнь и купается в ней, подобно тому как молодые жители его космической станции купаются в крови первых своих жертв. – Я с Головы Зевса. Ты небось и не слыхал о такой?!

– Как же, как же! – Горец впервые посмотрел на Крогга с видимым уважением. – Да о вас легенды ходят! Вы же настоящие машины для убийства, которые возвели кровопускание в настоящее искусство. Можешь мне не верить, Крогг, но вы для нас – образец для подражания. А мы убиваем ради чести и забавы на протяжении тысяч лет...

Ладно, смерти он избежит, решил для себя гигант: надо сказать, большинство рас смотрит на его народ как на ошибку эволюции, некий вырожденческий элемент прошлой земной экспансии. Варвары, которые каким-то образом умудрились выжить в суровых и нелицеприятных условиях адского притяжения Юпитера и клаустрофобских коридорах и помещениях Головы Зевса и теперь требуют признания своей человеконенавистнической и кровопролитной культуры на галактическом уровне. Да, он сам понимал, что их вера в величие смерти и убийства шла в разрез с идеалами ВМО и кеметского правительства в частности, но вот только не они виноваты, что жители Головы Зевса превратились в прирождённых убийц. Земля сама кинула их на произвол судьбы, когда погрузилась в собственные проблемы, вместо того чтобы уделять время своим колониям и космическим станциям. Они называли это эрой Забвения, но Крогг считал это слабыми отговорками и признанием в неумении справиться с ситуацией. Если бы земляне были сильны тогда так же, как до войны с Жао, то они бы смогли справиться и с Забвением. Но нет – они предпочли трусливый путь, бросив Голову Зевса на произвол судьбы. Оставили их на верную смерть. Но нет. Его собратья стали сильными. Они стали мощными. Они стали настоящими машинами убийства. Они выжили за счёт смерти. И пусть Галактика расколется надвое, она обязана признать их культуру, хотя бы как компенсацию за века отчуждения...

– Только вот ты маловат вроде... – Все дружеские чувства, которые на секунду вспыхнули в Крогге к Горцу, улетучились за мгновение. – Я много читал о вас и знаю, что вы должны быть хотя бы метра три ростом...

– Я изгой... – Признание есть часть силы. Пусть этот слизняк зарубит это себе на носу.

– А... – только и смог сказать Горец.

Да, хотя Крогг и изгнанник, но всё равно он всячески радел за родину и мечтал рано или поздно туда вернуться, чтобы доказать собратьям свои силу и мощь. Более того... Нет, об этом пока нельзя думать. Он пока еще в долгу перед Кэсседи. И не только в долгу... Его очередная слабость...

– Не думал, что мы с тобой так похожи. – Горец говорил себе под нос, отчего Крогг еле-еле разобрал его слова.

– Ты что там мямлишь?! – взревел он, чем даже на секунду привлёк внимание Адамса. Последний обернулся и вопросительно посмотрел на гиганта, но тот покачал головой, и Кэсседи быстро отвернулся, стараясь не потерять направление пути.

– На Артосе все воины – изгой. Путь воина – путь одиночества. Если ты уходишь из общины в надежде стать уважаемым убийцей, то должен порвать все связи с ней. Ты становишься смертью. Точнее... Жжак. Несущим смерть. А смерти... не место среди мирных существ.

Крогг хотел было в очередной раз унижить Горца, но тут внезапно понял, что тот прав. Причём не только в отношении него, но и в отношении всего его народа. Он и сам не раз

думал об этом, но всегда отметал подобную мысль, называя её идеей слабых... Трусов... Но разве слабость – признать свое великое заблуждение? Если он изгой для своего народа, то весь его народ – изгой Галактики. ВМО – кучка вонючих идеалистов, но они пропагандируют мир, гражданские свободы и права, одним из которых является право на жизнь. Он же, как и весь его народ, – олицетворение смерти, заведомо отрицающее это право... У них нет будущего... Неужели смердячий Горец с какой-то там захудалой планетки оказался мудрее него?

– Я... – Он замялся. – Я ему должен.

– Кому?

– Ты сам спрашивал, Горец. – Слова давались Кроггу сложно, но он впервые преодолел другой тип трусости: боязнь откровенности. – Ты спрашивал, почему я иду за Кэсседи. Я ответил.

– Я такого не спрашивал. – Эта чёртова усмешка. – Я лишь спросил, служишь ли ты ему.

– Я ответил.

Казалось, дальше продолжать разговор уже нет смысла, но что-то внутри заставило Крогга задать Горцу вопрос, хотя его другая часть всячески этому противилась.

– А ты почему здесь? Ты спас ему жизнь, он сам говорил. Но зачем идти за ним теперь?

– Я-то отвечу. – Почему-то Крогг почувствовал себя маленьким и беспомощным под хитрым взглядом этого портативного агрегата по производству ядов. – Я служу своему народу. Кэсседи обещал мне честь, славу и море крови. Я не мог сказать нет. К тому же мне симпатичен этот парень. Он слаб физически, но силён ментально. И не так, как эта наша Урра или как там её... Он – лидер. Он умеет управлять и подчинять. Это сила, и гораздо большая, нежели способность приносить смерть.

– Ясно. – Крогг снова хотел закончить разговор, но, чёрт возьми, никак не мог остановиться: – Что ты имел в виду?

– Когда? – Ножи-зубы Горца полыхнули на свете пробившегося сквозь листву огненного луча заходящего солнца.

– Когда сказал «я-то отвечу»...

– А...

Пауза затянулась – Горец словно решал, стоит ли отвечать на вопрос Крогга.

– Ты не ответил на мой вопрос. – Он поймал вопросительный взгляд здоровяка. – Ты сказал, что служишь ему из-за какого-то долга. Но это ложь. Я-то вижу.

Крогг не стал отрывать голову Горцу и даже не дал ему хорошего пинка. Тот сказал правду.

Расстроенная Урра, сама не зная зачем, догнала Кэсседи и пошла рядом с ним, – тот даже не обращал на неё внимания, что её вполне устраивало. Казалось, этот странный человек занят таким же созерцанием, как и она, но девушка прекрасно понимала, что любое первое впечатление может быть обманчивым. Урра довольно давно знала Кэсседи и понимала, что если он о чём-то глубоко задумывается, то, скорее всего, он в своих мечтах. Кэсседи – один из тех, кто только и живет мечтами, каждый раз создавая новые и новые иллюзорные облачные замки. Когда же они становились осязаемыми и видимыми, он сразу терял к ним интерес и двигался дальше. Урра вытерла не желающие прекращаться слёзы и с интересом посмотрела на этого белокурого юнца – точнее, он опять же только казался юнцом. Обманчивая личность. О чём Кэсседи мечтает сейчас? О своём финальном призе?

– Мы скоро будем на месте. – Оказывается, он давно уже её заметил, а ведь ей опять казалось... Да, с ним всегда так. Кэсседи нарушал все её представления о кометах, которые, по её мнению, люди агрессии и действия, никогда не скрывающие своих поступков и всегда стремящиеся к чему-то реальному. Кэсседи же... При всех своих знаниях о жизни и людях, Урра никак не могла в нём разобраться: он как закрытая книга, как закодированный элемент...

Может быть, Крогг знает о нём больше, но она просто физически не могла с ним разговаривать: его голос слишком груб, а речь слишком прямолинейна, чтобы его адекватно воспринимать. Это как беседовать со взрослым ребёнком.

– Ты слышишь? – Кэсседи снова не стал оборачиваться: видимо, понимал, что она плакала, а поэтому не хотел смущать её.

– Да, Кэсседи. – Призрачный голос Урры очень удачно совмещался с окружающей обстановкой таинственности и нетронутости: невероятных размеров лес, казалось, простирался на многие десятки километров вперёд, – при этом на пути не встретилось ни одной постройки или другого свидетельства пребывания людей.

В своё время Урра наивно думала, что по сути своей Та-Кемет – один большой город, лишь кое-где мелко испещрённый искусственными парками и скверами. Оказалось, совсем наоборот – невероятный природный заповедник с прыщами и нарывами в виде деятельных мегаполисов, соединённых друг с другом артериями-дорогами и невидимыми нейронными каналами – линиями древних телепортаторов, которые уже давно не эксплуатировались и пришли в негодность. До того как прибыть сюда, Урра вволю погуляла по крупнейшим кеметским городам – Женеве, Варшаве, Каиру, Санкт-Петербургу (упустив лишь Владивосток, но она планировала навестить этот морской город перед отлётом с планеты)... Огромные, немислимые для её планеты города под завязку застроены километровыми башнями, циклопическими офисными комплексами, гигантскими памятниками героям ушедших дней и густонаселёнными жилыми районами, большинство из которых напоминало настоящие ульи или муравейники. Люди роились в них подобно мелким насекомым, постоянно перемещаясь из одной точки в другую и занимаясь такими вещами, которые её культура заведомо не могла воспринять. Она в восхищении и с настоящим трепетом гуляла по вылизанным до блеска улочкам, украшенным гирляндами, стереовизорами и трёхмерными голограммами, – с одной улицы на другую сновали деловитые разнорабочие, подбирая и изничтожая даже малейший намёк на пыль, а люди тем временем ютились на узких тротуарах. Древние знания о Земле гласили, что до Забвения все подобные функции на себя брали роботы и искусственный интеллект, но сейчас ни одного такого создания на планете не осталось. Каждый посещённый ею город был так же великолепен, как и ужасен... Однако, насколько ей известно, ни один из этих мегаполисов не сравнится с древней Москвой – воистину одним из самых крупных и великих городов во Вселенной, – по крайней мере, так говорилось в легендах Урр. Дома, достающие своими крышами до стратосферы; башни, уносящиеся ввысь так же, как и уходящие вниз, под землю; проспекты и бульвары, по которым могли бы проехать сотни транспортных средств одновременно; миллионы и миллионы людей и инопланетян, живущие в мире, гармонии и взаимопомощи. Урра, конечно же, не была наивной – тут уж профессия обязывает, – но она прекрасно понимала, что дыма без огня не бывает и подобные легенды не могли возникнуть на пустом месте. Более того – этот город заброшен, что ввергало в шок даже её. Почему? Как вообще это могло случиться? Когда Кэсседи поднял перед ними эту ржавую и забытую любым живым существом табличку с надписью «Москва», она поняла, что эта экспедиция теперь для неё важнее, нежели что-либо другое в её жизни.

– Ну что, дамы и господа, – Урра внезапно поняла, что она в очередной раз ушла в себя и даже не заметила, как Кэсседи остановился и теперь с удивлением смотрел на неё, покуда она уходила всё дальше, – здесь будет наш долгосрочный привал.

– Почему здесь? – буркнул нагнавший их Горец, за которым шёл угрюмый Крогг, так же, как и Урра, погружённый в себя.

Может быть, она всё же недооценивала этого чужака? В последнее время она всё чаще делает ошибки – неужели весь её интеллект и способность к оценке начали исчезать без новой подпитки смолой? Урра просто не могла в это поверить.

– Потому что здесь нас со всех сторон прикрывают толстые стволы елей и сосен, прямо за тем милым холмиком притаилось нечто вроде покинутого домика (я заприметил его ещё во время лучевой разведки), а в той стороне, на севере, если вы присмотритесь, то увидите Непреодолимую Преграду.

Увидеть что-либо сейчас представлялось довольно сложным занятием, так как на лес давно уже напал сумрак, и теперь обычный человеческий глаз видел лишь метров на двадцать – тридцать вперёд. Более того, по дёрну и траве стелился густой туман, медленно проистекающий откуда-то с востока: его прикосновение холодило и даже немного пугало. Однако Урра могла видеть не только глазами... Она протянула свои органы чувств в направлении, которое указывал Кэсседи, и увидела то, о чём он говорил. Грандиозное сооружение, равного которому она не видела ни на одной планете, – настоящая комбинация металла, платины, древометалла и энергетических силовых полей.

– Стена... – сказала она скорее в пустоту, нежели кому-то из их группы.

– Какая ещё стена?! – даже когда Горец не ругался, его голос всё равно звучал грубо.

При этом Урра никак не могла связать эту его особенность с его физиологией – скорее всего, сказывались межрасовые ментальные различия. Он не то чтобы ей не нравился, – девушка вообще не позволяла себе мыслить такими примитивными категориями, – скорее, она относилась к Горцу настороженно. От него пахло кровью, а доверять таким людям можно, лишь держа за спиной кинжал.

– Не только физическая, но и неосознанная. – Она даже не оглянулась на группу, продолжая постигать своими чувствами это невероятное сооружение.

– Урра права, – Кэсседи, казалось, не расстроился и не беспокоился, – это действительно стена. У неё нет официального названия, но те, кто её видел и выжил после этого, называют её Непреодолимой Преградой. Парадоксально, но информации о ней вы не найдёте ни в одной книге или электронно-ментальной записи Галактики: ни один историк, галактолог или ксено-социолог не скажет вам, кто и когда её построил. Более того, если верить официальным кеметским документам, которые я обнаружил в Префектуре Женевы, такого сооружения вообще не существует. Однако завтра взойдёт солнце, и вы увидите её воочию – Преграду.

– Непреодолимую, – как бы подтвердил очевидное Крогг, уже расположившийся на небольшом холмике и прислонивший массивную мускулистую спину к усеянной древесными грибами сосне.

– Спасибо, коллега. – Кэсседи указал на него пальцем и даже подмигнул: эта его тяга к постоянному шоу и привлечению к себе внимания немного смутила Урру, но таким уж он был. А она давно уже научилась воспринимать людей исключительно так, как они сами этого хотят.

«Вы наверняка ждёте этого вопроса, мистер Кэсседи, – по спине Урры пробежал холодок, когда она в очередной раз вспомнила, что ползучая слизь всё ещё где-то рядом и теперь снова проецирует свои слова в их разум, – но как же мы преодолеем эту Непреодолимую Преграду?»

Улыбка на лице Кэсседи делала его ещё больше похожим на увлечённого подростка, но одновременно добавляла выражению его лица столько уверенности и энергии, что нельзя было не поддаться его настрою.

– Очень просто! – воскликнул он и даже развёл руками, доведя и так абсурдную сцену до полного фарса.

– Не сомневаюсь. – Горец стоял недалеко от Урры и тоже пытался высмотреть стену; она даже отсюда чувствовала его запах. – Но как?

– Не знаю. – Адамс сбросил свой объёмистый рюкзак на покрытую травой и мелкими бриллиантовыми цветочками землю, раскрыл его и принялся копать его глубинах.

Кэсседи прекрасно понимал, что на него пристально смотрят все его спутники и даже ждут от него объяснений, но он лишь специально тянул время. Урре он напоминал испорченного и избалованного ребёнка, правда, если учесть, что он жил мечтой о Москве всё это

время... Что же, его можно понять. Он хотел устроить спектакль, дабы все прониклись его торжественным и восторженным настроением.

– Объясни им уже. – Голос Крогга послышался будто бы издалека.

– Да нет, я просто хочу, чтобы они перестали стоять как крокотанские истуканы и наконец расположились где-нибудь, чтобы выслушать мой детальный и обстоятельный рассказ.

Да, ему определённо нужны зрители, – что же, здесь Урра могла подыграть, только вот правильно ли он выбрал остальную публику? Крогг будет слушать его при любом раскладе, но оставшиеся двое... Горец определённо судит о мире так, как молоток воспринимает наковальню: ему скажи «ударь», и он уничтожит, испепелит и раскромсает. Аллаотт же... Судить о существе, которое так разительно отличается от неё и от её земных предков раза в два сложнее, но Урра чувствовала, что ему точно ничего объяснять не надо: такие вещи он и сам прекрасно знает. Ему нужно что-то другое – что-то, до чего она пока просто не додумалась. Признаться честно, Урра не раз и не два пыталась прощупать Аллаотта, а в особенности тогда, когда он задавал ей неудобные и оскорбительные вопросы. Ничего, пустота. Он слишком другой, слишком чуждый. И у него было определённое преимущество: в отличие от их всех, он их понимал.

Урра вздохнула и села в позу лотоса недалеко от Кэсседи, направив свои ментальные потоки внутрь, чтобы добиться покоя и расслабления. Горец, к её сожалению, сел совсем близко к ней – опять же она бы в жизни не сказала, что вытекающие из него соки ей противны. Ей была противна и чужда сама его сущность. Слизь тоже определённо затаилась где-то поблизости, так как она до сих пор чувствовала контакт с ней. Крогг так и не сдвинулся с места – скорее всего, он слышал эту речь уже раз десять, а то и больше.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. – Кэсседи снова разулыбался. – Не стану слишком уж вас загружать, но определённая прелюдия всё равно потребуется, дабы вы смогли понять, как я дошёл до моего настоящего плана, и чтобы осознали, насколько он прост и гениален одновременно. – Во время своей речи он постоянно ходил взад и вперёд по небольшой полянке, пока не протоптал в траве настоящую тропинку. – Вы наверняка знаете, что Москвой я грезил всегда, даже когда меня воспитывала моя славная нянька и мне в голову закладывали первые знания о мире. Более того, и Крогг здесь не даст мне соврать, последние пять лет я только и занимаюсь тем, что скитаюсь по всей Галактике и по крупице выуживаю информацию о том, чем был этот легендарный город и чем он стал теперь. И вот что самое удивительное: вопреки всеобщим представлениям о Москве как о гигантских руинах и памятнике людской гигантомании, на самом деле город до сих пор находится в прекрасном состоянии. Немногочисленные свидетельства, обрывки дневников и искорёженные визуальные и ментальные файлы говорят о том, что за Москвой следят, хоть и не пускают никого постороннего на её территорию. То есть да – город заброшен, но он прекрасен как никогда. Теперь же мы подходим с вами к самому главному – к стене.

– Давно пора. – Комментария Горца никто не просил, но вот он – полетел как камень в тихий водоём; Урра невольно поморщилась. Ох, неужели она чувствует в себе нетерпимость...

Кэсседи же не обратил на Горца никакого внимания и просто продолжил свой рассказ:

– Наличие здесь такой стены говорит о трёх непреложных фактах, которые я сейчас разложу перед вами настоящим карточным пасьянсом. – Он помолчал, будто оценивая реакцию на маленький каламбур, но, обнаружив на лицах слушавших лишь сосредоточенные мины, усмехнулся и продолжил дальше: – Первый сообщает о вполне очевидном моменте: стена была построена не просто так – её соорудили с определённой целью, которую я вижу как желание спрятать от остального населения Та-Кемета и прилежащих планет секреты Москвы. Она возведена, чтобы не пускать нас внутрь...

«А вы не задумывались, мистер Кэсседи, – на этот раз Адамса прервал Аллаотт, который, как успела заметить Урра, расположился на сухой ветке, выступающей из высокой травы, – что

стена может быть построена не для того, чтобы не пускать нас внутрь, а для того, чтобы не выпускать оттуда что-то и кого-то сюда, к нам?»

– То есть клетка для зверя? – подхватил Горец. – Да, логично.

– Джентльмены, джентльмены... – Кэсседи покачал головой и снисходительно поглядел на своих компаньонов. – Та-Кемет, может, и прошёл через период Забвения, но до сих пор сохранил своё невероятное могущество. Наше оружие до сих пор настолько совершенно и разрушительно, что способно стереть в порошок целые цивилизации, что уж там говорить о чём-то или ком-то, кто, как вы предполагаете, затаился в Москве?

– Да, но это было бы убийством. – Урра подала голос не просто так; она и сама видела разрывы в умозаключениях Адамса. – А Та-Кемет никогда не смотрел положительно на такие преступления.

– Ага, мечтай больше... – Мало того, что Горец её одёрнул, так он ещё и харкнул гадким сгустком слизи. – Та-Кемет лишь притворяется миротворцами, а на самом деле они готовы на многое...

– Ну, послушайте... – Кэсседи снова обратил на себя внимание. – Вы говорите о возможностях, а я делюсь своими догадками, которые, как я уже упоминал ранее, строятся на слухах и свидетельствах очевидцев.

– Ты находил других, кто здесь был?! – Горцу определённо не сиделось на месте; он ёрзал по траве, оставляя за собой след из жижи.

Урра продолжала убеждать себя, что это всего лишь его физиология, которая никоим образом не должна её отвращать...

– Некоторых, да... – Адамс поджал губы и покачал головой. – Но в большинстве своём это были ментальные и виртуальные источники. Могу сказать сразу, никому из путешественников так и не удалось попасть на другую сторону стены, но никто не говорил об опасности на другой стороне.

– Логично, ведь их там и не было... – И тут Горец прав, подметила про себя Урра.

«Я согласен с мистером Горцем», – прошептал Аллаотт.

– Просто Горцем! – рявкнул ядовитый инопланетянин, и Урра уголками прозрачных глаз заметила, как живая слизь дёрнулась, словно в испуге или от неожиданности.

– Хорошо-хорошо. – Конечно, Кэсседи пришлось сдаться. – Мы не знаем, что там, за стеной, но можем смело утверждать, что построена она неслучайно. Согласны?

Молчание, лишь ненароком нарушаемое стрёкотом и урчанием сверчков и других ночных насекомых, послужило ему утвердительным ответом.

– Отлично. – Он потянулся. – Прошу меня больше не перебивать, ибо у меня осталось минут двадцать, не больше...

– Осталось до чего? – Определённая вибрация в голосе Адамса заставила Урру напрячься и задать этот вопрос: он что-то знал. Что-то, о чём их не предупреждал.

– Я же просил! – укоризненный взгляд обратился на девушку, и ответ так и не прозвучал. – Итак... Где мы остановились? Точно... Второй непреложный факт: стену строили не только люди: я находил её точное и подробное описание, которое утверждает, что при строительстве использовались не только земные сплавы и материалы, но и инопланетные технологии: примакальные карбонитные скрепы, молекулярные материалы кроманьонцев и даже синтезированные железные жидкости цаннов. Стену строили не только люди – им помогали союзники, видимо тоже стремящиеся спрятать местные тайны. Более того, сразу отмечая очевидное: перелететь через стену нельзя, так как по всему периметру она ощетилилась автоматическими турелями с черт знает каким оружием и странным силовым полем, которое отключает любую электронику при приближении к Преграде. Так что создатели определённо не хотели пускать посетителей внутрь.

Горец уже начал открывать рот, дабы высказать своё очередное едкое замечание, как Кэсседи его осёк:

– Или хотели спрятать там что-то... Это означает, что ответ на вопрос, как преодолеть стену, лучше искать не только в земных источниках, но и инопланетных. Осталось лишь найти чертежи стены, и всё бы сразу встало на свои места, но не тут-то было. Мы с Кроггом облетели больше ста планет с самыми крупными библиотеками, суперкомпьютерами и архивами в поисках хоть какого-то намёка на чертежи, однако нет... Зато мы нашли кое-что другое: удивительный случай привёл нас на планету Акк, что находится на самом краю изведанной Галактики. Там мы ненароком встретили одного коллекционера древностей, имя которого так и не узнали – более того, он вообще просил как можно меньше о нём упоминать. Так вот, у него в коллекции мы отыскивали что-то вроде бумажной накладной на заказ трёх фотонно-андронных ускорителей пятого поколения, – вроде бы ничего особенного, просто кто-то решил построить пару-тройку распадающихся дверей – такие до сих пор на некоторых космолётах используются. Однако самое интересное оказалось чуть ниже, в разделе, куда продавец записал свои комментарии относительно особенностей конструкции запчастей, а заодно и их предназначение. Там было одно-единственное слово: Преграда.

Парадоксально, но Урра заметила, что, несмотря на всю свою напыщенность и излишнюю театральность, Кэсседи правда смог увлечь их – то, что казалось раньше невыполнимым и суицидальным, теперь практически лежало у них на коленях. Ну или утоплено в слизи Аллаотта у которого никаких коленей нет. Или есть?.. Опять она судила слишком прямолинейно, что недостойно правительницы Урр... Она снова чуть не погрузилась в себя, но тут поняла, что Адамс продолжает свой рассказ:

– Дальше всё пошло как по маслу! Мы списали имя заказчика, коим оказался житель планеты Торий, которая как раз и славится производством подобных дверных систем. Ещё немного поисков в архивах, и мы вышли на потомков семьи заказчика – благо, торианцы не заводят огромный приплод, как это делают те же самые рактоноги. Мы отыскивали на Тории некоего Пла-Кнута – последнего представителя династии Кнут-расс. После определённого денежного вознаграждения и помощи ему в постройке своего Последнего дома (не буду вдаваться в подробности, но культура торийцев воистину очень интересна), он рассказал нам, что в прошлом его семья и правда заведовала целой сетью заводов по производству растворяющихся дверей и даже, как ему рассказывал его третий отец, в своё время, очень давно, выполняла заказ для Российской Империи, чем, конечно же, очень гордилась.

– И что? Ну?! – Горец прекратил острить и даже пересел поближе к Кэсседи, чтобы не упустить ни одного слова.

– И тут самое главное. – Адамс быстро закрыл глаза, щёлкнул языком, а потом произнёс: – Чёрт, уже время на исходе...

– Ну давай же, доскажи! – Горец чуть ли не крикнул.

«Да, мистер Кэсседи, – слизь оказалась совсем рядом с Уррой, что изрядно её нервировало, но она снова начала себя успокаивать и укорять в некорректных проявлениях эмоций, – несомненно, нам нужна хоть какая-то определённая мотивация и возможности эффективного взаимодействия...»

– Да, именно то, что эта хрень сказала... – Воин с планеты Акрус разделял сантименты Урры, но если для него это было в порядке вещей, то девушка впервые раскрывала в себе такие негативные стороны: будучи правителем своей страны и одним из повелителей Урр, она редко сталкивалась с негуманоидными инопланетянами. При этом Урра никогда не могла подумать, что испытает отвращение и неприязнь к таким отличающимся от неё формам жизни. Но, с другой стороны, её прозрачность тоже может раздражать гостя из другого мира... Ведь так?

– Конечно, я доскажу, – Кэсседи, к её радости, оборвал её мысли, – но сначала...

Он полез в карман и вытащил оттуда небольшую чёрную шайбу, на которой перемигивались друг с другом две зелёные лампочки. Небольшие манипуляции длинными аристократическими пальцами, и он швырнул шайбу на ровную полянку, – при этом та зашипела и раздулась, что почему-то не удивило никого, кроме Урры. Да, она знала очень много и была кем-то вроде ходячего энциклопедического словаря, но только вот почему-то никто не потрудился рассказать ей об этой штуке... Правда, через несколько секунд, когда кругляш превратился в некое подобие большой скатерти, которая, подобно искусственному хамелеону, быстро переняла цветовую гамму травы, она поняла, что это такое – камуфляжная палатка. Шипение закончилось, и скоро перед ними предстало объёмистое полукруглое сооружение, в котором легко могли бы поместиться человек десять – и ещё бы место для жирного кота осталось.

– Как только я закончу, – Кэсседи снова закрыл глаза, – через пять минут... Вот. Как только я закончу, вы быстро собираете свои пожитки и прыгаете в палатку. Прошу заметить, это не простая палатка: она соткана из уплотнённой водородной плёнки, которая отражает свет, звук, радио- и аудиоволны. Обнаружить её и всех находящихся внутри неё возможно лишь для зрячего достаточно высокого уровня, что нынче на Та-Кемете большая редкость. Поняли, ребята?

– Но зачем? – Горец снова проявлял вполне завидные любопытство и дотошность. Однако Урра знала, чего так боится Кэсседи, – она ведь неплохо знала, кто и как сторожит Москву. – И ты вроде что-то нёс про покинутый дом? Почему не заночевать там?

– Нет времени объяснять сейчас, расскажу уже в палатке. – Кэсседи всплеснул руками и продолжил, но теперь уже не театральным и выразительным тоном, а так, будто торопился успеть на Лунный бал: – Итак, да... Третий непреложный факт... Пла-Кнут рассказал, что лет семьдесят назад компанию его семьи уличили в потакании монополиям и использовании зрячих для давления на покупателей, и, как следствие, она должна была выплатить катастрофический штраф напрямую в казну ВМО. Компания разорилась, а его семья начала влачить жалкое существование... Правительство Тория даже не дало разрешения на продолжение их рода – вот Пла-Кнут и оказался последним... Он добавил, что чертежей стены у них в семье никогда и не было, но вот точная карта расположения незримой двери у него оказалась. Чёрт возьми, мы были так близки! Но вот невезение – Пла-Кнут был настолько унижен, что ни одна корпорация не брала его к себе на службу, и в итоге он даже не мог получить кредиты на белковые инъекции (заменяет им еду и питьё). Он начал распродавать свои документы направо и налево, особо не запоминая, кому что он отдаёт и за какие точно гроши... Однако вот покупателя схемы стены он запомнил... Ведь нечасто увидишь щаканага на другой планете...

– Планета Щаклак... Великая Библиотека... – прошептала Урра.

– Всё верно, моя дорогая. – Адамс любил фамильярничать, что было прекрасно известно Урре, но именно сегодня, её, как видно, нервировало всё подряд. Она сжала зубы и настроилась на одну волну с магическим шумом леса, чтобы высвободить непонятно откуда взявшуюся негативную энергию. А между тем Кэсседи подводил свой рассказ к концу. – Только вот, оказавшись на Щаклаке, я так и не смог попасть в Библиотеку ввиду завидного упрямства местного населения, которое, как я понял, буквально помешано на написанном слове, а посему мне пришлось заручиться поддержкой одной подпольной организации и одной из их лучших её сотрудниц... По крайней мере, мне так сказал их контактёр... Она должна выкрасть карту Непреодолимой Преграды из Великой Библиотеки Щаканаги и привезти её нам, прямо сюда, на эту полянку. По крайней мере, мы так условились.

Он ещё раз оглядел всех своих спутников.

– Так что, как видите, я не знаю, как именно и где именно мы проберёмся за Преграду, но уверен, что мы всё поймём, как только получим в руки карту. Всем всё ясно?

– Ага... – буркнул на удивление задумавшийся Горец.

«Мистер Кэсседи, мне, конечно, всё понятно», – подал голос Аллаотт.

– И мне всё ясно, – не заставила себя ждать и Урра, которая прямо тут, на месте, могла найти несколько десятков брешей в задумке Кэсседи, но зачем его расстраивать? Особенно если учитывать, что в её нынешнем эмоциональном состоянии она вряд ли победит в такой дискуссии.

– Тогда всем спасибо за внимание. – Он резко поклонился; видимо, изначально этот манёвр входил в программу шоу, но теперь он выглядел несколько неуместно. – А теперь попрошу пройти всех в палатку, и побыстрее.

Все остались сидеть, кроме Крогга, который наконец очнулся от своей крепкой дрёмы и потягивался, как только что проснувшийся от зимней спячки медведь.

– Ладно-о-о... – протянул Кэсседи. – Скажу так: если вы сейчас же не залезете в палатку, то нас, скорее всего, ждёт встреча с душегубцами ВМО.

Душегубцы... Урра не раз слышала о них, но ничего фактического или энциклопедического: де-факто они просто считались полуполюгендарным подразделением полицейской силы ВМО. Если верить слухам, в ряды душегубцев входили люди, которых начинали тренировать в искусстве убийства с четырех лет. В четырнадцать они проходили практику на самых отдалённых кеметских колониях, где участвовали в стычках с кровожадными аборигенами, плотоядными животными, рептилиями, растениями и настоящими регулярными армиями. Умиряли тысячи неподготовленных душегубцев, но оставшиеся в живых становились настоящими мастерами своего дела. Фанатики, любящие убивать, которым при этом неоднократно промывали мозги кеметской и религиозной пропагандой, – так, чтобы они не испытывали никакой жалости или бессмысленных угрызений совести, когда вонзали солнечный дротик в свои жертвы. Душегубцы – элита из элит: их глаза, уши, носовые пазухи, – в общем, все органы чувств заменялись на искусственные, что делало их настоящими машинами выслеживания и убийства. Своеобразными супергероями смерти. Под кожу им вводили чёрный пигмент, а ногти заменяли на отравленные миниатюрные клинки. Душегубцы скользили в ночи подобно призракам и приносили гибель всем, кто казался им врагами Та-Кемета. Их невозможно увидеть, невозможно услышать, невозможно проследить их мысли... По крайней мере, так глаголили легенды и поверья.

Однако, видимо, все присутствующие очень даже верили в эти легенды и поверья, так как скоро вся группа из пяти человек прошла сквозь расползающуюся дверь палатки, и все сели на мягкий тёплый пол в кружок, чтобы выслушать, какие ещё инструкции им даст Кэсседи. Он не заставил себя ждать:

– Так, – в органическом свете палатки его лицо казалось бледным, как у недавно скончавшегося, – переночуем в палатке, а с утра пойдём на разведку в те самые дома. Вполне возможно, там нам придётся обосноваться, пока не дождёмся нашего контактёра с картой. Ждать будем максимум пять дней, а в случае, если она так и не появится, придумаем, что делать дальше. Теоретически у меня есть план Б, но не хотелось бы претворять его в жизнь. И нет, Горец, я не расскажу, в чём он заключается.

Горец в ответ лишь хмыкнул.

– Итак, первые четыре часа дежурим мы с Кроггом. Потом эта обязанность возлагается на Урру и Горца. Аллаотт не так приспособлен к жизни и условиям Та-Кемета, так что мы будем использовать его в другом плане. Аллаотт, ты должен постоянно поддерживать связь с теми двумя, кто дежурит на улице, и теми, кто в данный момент находится в палатке. Как только мы заметим какую-нибудь серьёзную опасность, ты обязан узнать об этом первым и передать всё сюда. Ясно?

«Конечно, мистер Кэсседи», – Аллаотт распластался по непривычной ему поверхности палатки и теперь напоминал Урре лужу органических отходов. Да-а-а, её совсем не радовала перспектива провести в этой палатке хотя бы ночь с их компанией, но больше делать нечего.

– Отлично. – Кэсседи чуть не вышел на улицу, но в последний момент обернулся. – Не ссорьтесь.

С этими словами он скрылся на улице, а его последние два слова остались висеть в воздухе подобно летающим глазам со спутника Карр-Лдона.

В течение следующего часа никто так и не произнес ни единого слова: Горец сразу же завалился на боковую, откатившись в дальний угол палатки и подложив под голову свой объёмистый ранец с оружием и боеприпасами, а Аллаотт собрался в комок и засел недалеко от места, где вышли Кэсседи и Крогг, – видимо, так ему было удобнее поддерживать связь с ними. Он, скорее всего, тоже «дремал» или «медитировал», или же «что-там-его-раса-делает-чтобы-набраться-сил», так как Урра, обладающая повышенными органами восприятия, постоянно слышала от него нечто вроде ментального сигнала, который состоял всего из одного слова – «мр-риот-т». Или, по крайней мере, так ей слышалось. Если бы она только знала, что это означает, то, может быть, сумела бы составить лучший психическо-ментальный портрет Аллаотта... Того существа, которое сегодня заставило её задуматься о своих устоях и наконец признаться себе в малоприятном факте: она хоть и была одним из самых важных людей на Урр, она всё равно так ничего и не добила за свою жизнь. Что же, сейчас настало время, когда она сможет это исправить. Урра соткала из палаточного волокна неплохого качества постельное бельё, отдалилась от неприятно пахнущего Горца на приличное расстояние и там расстелила себе нечто вроде импровизированной кровати. Убедилась, что все вокруг спят крепким сном, и сняла с себя всю одежду, искренне считая, что только необразованные простолюдины спят одетыми, и залезла под одеяло. Сегодня перед сном ей предстояло многое обдумать и понять.

Х. Марл

Некоторые секунды никогда не кончаются. Ты стоишь, пытаешься пошевелить хоть единой мышцей, но время будто включило медленный режим, и вместо быстрых и отточенных движений ты лишь можешь легонько двинуть одним пальцем, – да и то на это требуются невероятные, просто нечеловеческие усилия. Ноги тем временем утопают в помойном болоте – ещё несколько мгновений, и из него будет уже не вырваться, и оно станет твоей вечной могилой, куда не будут приходить ни друзья, ни даже отец...

Ах да, отец... Что бы он сейчас сказал? Обнял и утешил? Посмеялся и пошёл прочь? А может быть, просто сказал, что она сама во всём виновата?

Жив ли он вообще?

Алая лента. Слепляющая алая лента застлала Вишну глаза, и она ничего не могла поделать...

Сначала Кара сопротивлялась и всячески противилась её плану спрятаться в циклопических размеров сточной трубе, откуда мерная струя ржавой воды выносила плавильный котёл из органических отходов, битых бутылок и прочего шлака. Запах стоял просто невыносимый – он проникал в каждую клеточку тела и, казалось, разъедал самую суть мироздания. Вишну, конечно, перебарщивала в своих сравнениях и аналогиях, но сейчас именно так и казалось – особенно когда на её плечи обрушились усталость и желание долго и крепко поспать. Но сейчас совсем не до этого – мало того что праздник в самом разгаре, так ещё на их хвосте уже вполне может находиться целая армия головорезов во главе с золотозубым. Жаль, что его не было тогда в притоне...

Вполне логично, что Кара хотела пойти с ней: ей претила сама идея оставаться здесь, одной, пока сверху, на улице, прогуливается разношёрстный инопланетный люд. Более того, она всячески настаивала, что ей хочется посмотреть на самих щаканагов, даже когда они бегали по улицам Щаклака, Кара смогла разглядеть их лишь мельком, а ведь они, конечно же, такие интересные. Мама, мол, ей рассказывала, что у них заведельно красивые глаза, сияющие бриллиантовым и рубиновым блеском и переливающиеся всеми цветами спектра. Вишну пришлось напомнить Каре, что оригинальны у них не только глаза, но и их могучая сила, позволяющая буквально дробить кости непрошенных гостей. Этот весомый аргумент склонил чашу весов, а когда Кара узнала, что, для того чтобы попасть в библиотеку, Вишну придётся карабкаться по отводной трубе здания, то она сама вызвалась остаться здесь, даже предположив, что около трубы не так уж и сильно пахнет. Жаль, конечно, что Вишну не позаботилась о каком-нибудь покрывале: девочка сейчас сидит внутри холодной и грязной трубы, – не дай бог заразится или отморозит себе что... Ладно, осталось потерпеть лишь немного: скоро они улетят отсюда навсегда, и никто уже не будет мёрзнуть.

На первый взгляд жёлтая и мутная река казалась глубокой, но Вишну с удивлением обнаружила, что воды ей всего по пояс – по крайней мере, ей не придётся плыть и не будет никакого шанса нечаянно заглотнуть этой неприглядной жижи. Мало того, что соляной состав местной воды вряд ли подходит для человеческого организма, так здесь ещё растворено столько токсинов, что один глоток всенепременно означал бы точную смерть. Только вот идти приходилось по чему-то излишне мягкому и склизкому – она даже через плотные сапоги чувствовала, как по лодыжкам и стопам скользит живое червеобразное нечто. Местные вроде ничего не говорили о плотоядных существах, но верить никому на слово нельзя. К вопросу о доверии: сейчас она продвигалась вдоль крутого берега, по которому они совсем недавно сбежали с Карой, – от шумного вечера планетного празднества к помойной тишине засорённой реки. Так её не видно

с дороги, которая сейчас пустовала, ведь всё население города потянулось в центр, дабы всласть напиться и изрядно покутить, а аборигены либо, как обычно, прятались по подворотням, либо стекались к парадному Библиотечному мосту. Можно, конечно, пройти к зданию напрямик через реку, но тогда она слишком сильно рисковала быть замеченной, – мало ли, по берегу пройдёт солдатский патруль или какой любопытный щаканаг решит подкатиться ближе к воде. Да, вон они – аборигены роились на мосту такими толпами, что Вишну серьёзно удивлялась, как хлипкий деревянный мост выдерживает такую непомерную массу. Один из быков шатался так, будто вот-вот обрушится и потащит за собой всех щаканагов в жёлтую речную жижу.

Они были единственным слабым звеном её плана – с одной стороны, они увлечены и воодушевлены паломничеством в святая святых, но, с другой стороны, они вполне могли заметить её хрупкую фигурку, которая на полусогнутых подбирается всё ближе и ближе. Вишну искренне надеялась, что наступающий вечер скроет её от случайных щаканаговских взглядов, а если её и заметят, то примут за нищенку, которая шастает по берегу в поисках стухших объедков. Однако всё прошло без эксцессов: её не съели речные жители и не заметили аборигены – она оказалась прямо под мостом, прямо-таки физически ощущая всю тяжесть нависших над ней инопланетян. Теперь начиналась не самая сложная порция её приключения, но определённо самая противная, – та, которая оттолкнула Кару от совместного проникновения в здание. Слив представлял собой довольно обширную дырку, из которой время от времени выливалась мутноватая жидкость, смешанная с комьями грязи. Его, конечно же, прикрывала железная решетка, но на этот случай Вишну как раз припасла в ранце нужный инструмент. Через несколько секунд она уже пробиралась вдоль моста, таким образом получив прикрытие как от посетителей Библиотеки, так и от случайных прохожих, а в руке сжимала портативный лазерный нож. Пара ловких движений, и решётка мягко ушла на дно застойной реки, а Вишну снова полезла в ранец, откуда достала один из самых важных своих инструментов, который называла просто липучками. Они, конечно, назывались совсем не так, – ведь по сути своей это тоже живые существа: своеобразные домашние животные, которые не требовали особого ухода, но зато пребывали в симбиозе с владельцем, поглощая отпавший эпидермис и получая достаточную защиту от внешних опасностей. Мало кто знал, есть ли у липучек развитый разум, но вот инстинкты и способность восприятия информации у них точно имелись. По своим биологическим параметрам они умели вступать в контакт с любой поверхностью и, соответственно, с их помощью можно без проблем залезть на любой склон, даже самый отвесный. Более того, они сами подстраивались под изменение текстуры стены и практически исключали возможность падения или срыва... Разве что их носитель выбьется из сил...

Вишну тихонько шепнула пару ласковых слов, и четыре липучки с радостным визгом разбежались по её рукам и ногам, распластавшись по ладоням и стопам. Вишну почему-то любила считать, что её четыре липучки на деле являются двумя парами, – два парня и две девочки, но в душе понимала, что у них вообще вряд ли есть различие полов. Итак, теперь она готова к любому восхождению.

Сливная труба довольно резко уходила вверх, видимо, ведя на верхние этажи здания, что, честно говоря, было совсем нелогично, так как коллектор по всем правилам должен находиться в самом низу Библиотеки. Однако рассуждать не время, а потому Вишну просто пожалала плечами и полезла в трубу, предварительно заклеив себе рот обычной изоляцией, а волосы прикрыв эластичной шапочкой. И не зря: первый же поток органических отходов окатил её с ног до головы, оставив в носу тошнотворный запах. Если бы она сейчас глотнула этого добра, то её миссия закончилась бы, так и не начавшись. Волосы же... Однажды она тоже пробиралась по сливной трубе – но только не в Великую Библиотеку, а в усадьбу мультимиллиардера на Файеруинде: в тот раз она не удосужилась закрыть волосы, а потому первая же волна запачкала их так, что она потом целую неделю не могла вымыть из них фекальный душок. Она больше не повторит свою ошибку.

Если верить чертежам, то сливное отверстие должно привести её в коллектор одного из средних этажей Библиотеки, откуда она с лёгкостью попадёт во внутренние коридоры, где нет ни персонала, ни надсмотрщиков, – разве что уборщики могли попасться на глаза, но их-то она сумеет обвести вокруг пальца. Конечно, у неё с собой и фантомный гель, которым стоит лишь обмазаться, как сразу станешь невидимым для любой камеры, теплового датчика или фиксатора движения (разве что ментальные считыватели представляли определённую опасность, но она была процентов на пятьсот уверена, что здесь их нет), однако пока она не видела причин им пользоваться. Но если призадуматься, то во время Дня поклонения Букве щаканаги будут кишеть везде и повсюду, так что вполне возможно, что он таки пригодится.

Вишну заметила, что к основной трубе также подходило множество маленьких ответвлений, из которых постоянно выдувались мощные струи воздуха, задувавшие её в живот и подмышки. Вот она и нашла первый минус в чертежах своего информатора – в его описании ни слова нет про вентиляционные трубки. Мелочь, конечно, но кто знает, что может быть дальше? Очередная волна грязи окатила её с ног до головы, и Вишну чуть не потеряла липучку, которая осталась на поверхности трубы метром ниже. Аккуратным движением тела и руки она снова поддела её и осторожно поползла вверх – туда, где уже пробивался люминесцентный свет. Или нет, не люминесцентный. . . Новая порция отходов оторвала её от размышлений, но зато на этот раз прошло без эксцессов. Пока приключение её оказывалось отнюдь не таким интересным, как она думала, – нет, конечно, замкнутое пространство сливной трубы вполне себе создавало ощущение отчуждённости и клаустрофобии, но это было ничем по сравнению с тем, с чем она сталкивалась раньше. Как-то раз Вишну попала в ментальную ловушку, из которой она сама до сих пор не знала, как выбралась, – помогли смекалка и выброс адреналина в кровь. Она как раз собиралась выкрасть неприличных размеров алмаз из личных владений Шейханского вельможи – как и в любой воровской работе, ей пришлось ящерицей проползать по грязному и засорённому вентиляционному ходу, но только вот вывел он её немного не туда, куда планировалось. Девушка выскочила из шахты в зовущую тeneвую тьму и поняла, что оказалась в квадратной комнате без окон или дверей, даже вентиляционный люк, и тот куда-то исчез, как только она из него вылезла. И в этот момент осознания комната будто начала сужаться – в детстве обычно всем снятся сны, когда противоположная кровати стена внезапно срывается с места и локомотивом летит на спящего. Так вот представьте, если вы стоите в центре, а так себя ведут не только стены, но и пол. Определённо, это была ментальная ловушка, рассчитанная на то, что жертва либо умрёт от дикого страха (что бывало довольно часто), либо просто потеряет сознание от шока. Так и случилось бы, если бы за сотую долю секунды Вишну не пришла идея вколоть себе в живот лёгкую дозу транквилизатора: так её сознание ненадолго отключилось, и иллюзия сжатия комнаты пропала сама собой. Не зря её называли лучшей в своём деле.

С этими мыслями о прошлом Вишну доползла до самого верха и даже позволила себе немного оглядеться: как и предполагала, она оказалась в центре отстойного коллектора, куда сливались все отходы резидентов и посетителей Библиотеки: щаканаги выделяли довольно много слизи, которая негативно сказывалась как на хранимых книгах, так и на внешнем виде внутреннего убранства. Посему целая армия наёмных уборщиков постоянно подтирала за ними лужицы слизи и сливала это дело сюда. И почему инопланетные создания всегда такие отвратительные? Если не считать расу гато с астероидного скопления созвездия Рака, все пришельцы, которых она когда-либо встречала, были либо слишком уродливыми, либо вообще трудноописуемыми. Она, конечно, всегда интересовалась ими и с любопытством разглядывала всевозможные вариации щупалец, клешней, отростков и тому подобных приспособлений, но почему они все такие нескладные? Хотя, по всем законам ксеносоциологии, щаканаги, скорее всего, то же самое думают о людях.

В этот же гаденький бассейн сливались туалетные отходы, так что зрелище оказалось не из приятных. Более того, система была примитивнее некуда – сливная труба, по которой только

что приползла Вишну, просто-напросто выдавалась над уровнем воды на пару сантиметров: как только в отстойник сливалась новая порция грязной воды, её уровень поднимался и, соответственно, сливался по сливу. Да уж какие там ментальные считыватели, если щаканаги даже такие примитивные технологии, как утилизация отходов, не могут нормально организовать.

Вишну выполнила небольшой акробатический трюк и засела на корточках на самой вершине трубы, ища глазами твёрдую поверхность или какой-нибудь парапет. Служебная платформа оказалась в неприятно-отдалённом месте – отстояла от слива метров на шесть, а это означало, что Вишну придётся плыть. Неприятная перспектива, а потому она решила поискать альтернативные решения проблемы. Девушка огляделась и заметила ещё одну трубу, которая проходила прямо над её головой и вела в нужное место. Стоит лишь немного изловчиться, и...

Вишну, прыгнув, подобно лягушке, охотящейся за мухой, взмыла в воздух и крепко схватилась за трубу, которая неприятно заскрипела, но не развалилась. Она поймала нужный дыхательный ритм, перехватывала руки и подтягивала своё лёгкое тело, таким образом продвигаясь к цели. Но когда девушка уже проползла половину пути, дверь в дальней части платформы внезапно заскрипела и начала неспешно открываться, – в образовавшемся проёме появился гуманоид с несколькими конечностями и тремя парами ног. Вишну отреагировала мгновенно: подтянувшись и чуть не ударившись головой, она перераспределила вес своего тела и мощным рывком закинула ноги на трубу, распласталась и замерла. Инопланетянин, чью расовую принадлежность она так и не смогла распознать, неспешно зашёл на платформу, волоча за собой нечто вроде тканого мешка. При этом он что-то напевал или ворчал на непонятном гортанном языке – Вишну не могла разобрать ни слова. Внезапно он перебросил мешок через голову, засвистел как помешанный и запустил свою ношу прямо в отстойный бассейн, при этом почему-то захихикав, как истерик. Ну каждому свои жизненные удовольствия – лишь бы он тут не задерживался или не стал бы пристально осматривать помещение: Вишну, конечно, неплохо закамуфлирована, но кто знает этих инопланетян? Может, у него зрение инфракрасное...

К её ужасу, многоногий уборщик и не думал уходить, – он встал на кромке коллектора и словно что-то высматривал в воде, при этом выпуская из широкого и вытянутого беззубого рта сгустки плевков. А в то самое время её руки и ноги уже начинали уставать – труба была мокрая и холодная, и держаться за неё не так-то просто. Если он скоро не уйдёт, то она упадёт в воду прямо перед его носом, и Вишну очень сомневалась, что он обрадуется такому подарку небес. Инопланетянин же продолжал своё незамысловатое дело, но, что ещё хуже, достал из кармана то, что она сразу же приняла за портативную удочку. Что он вообще здесь поймать-то собирается? Разве что какой-нибудь ком грязи или крысиный труп... И тут саркастические размышления подвели её: липучки продолжали держать её мёртвой хваткой, но локти, которыми она упиралась в трубу, соскользнули, и она довольно сильно ударилась лбом, издав такой звук, будто её череп раскололся надвое. Инопланетянин вздрогнул и начал ошарашенно озираться, будто сразу не понял, откуда пришёл звук, – и это было вполне реально: не все виды обладали таким развитым чувством слуха, как человек. Однако этот житель неведомой планеты, видимо, вообще не был одарён какими-либо адекватными органами чувств, – он уже дважды скользнул взглядом по отчаянно цеплявшейся Вишну, но даже не разглядел её. Но вот третий раз уже грозил стать роковым – девушка ясно видела, как он задержал взгляд на том месте, где она повисла, и будто вглядывался, пытаясь осознать, что именно видит. Ещё немного, и он поймёт... Вишну уже продумывала, как на него броситься, но из её положения это было сделать почти невозможно: не от чего даже оттолкнуться. Каково же было её облегчение, когда инопланетянин резко тряхнул головой, криво усмехнулся и даже картинно ударил себя одной из конечностей по голове, видимо, высокоинтеллектуальный пришелец так и не осознал, что в Библиотеку вторгся посторонний, а потому не стал поднимать тревогу. Это была хорошая новость. Плохая же состояла в том, что после сего эмоционального кульбита он резко запустил крючок в воду и с довольным видом расселся на кромке платформы.

Выхода не было: пришлось сделать ставку на развитую глупость инопланетянина и продолжить медленно ползти вперёд, пока он не окажется в зоне поражения. Может, к этому моменту он уже уйдёт, а может, придётся его оглушить... Только как? Если верить теории кометских ксенобиологов, то любая форма жизни с головой обязательно должна иметь некое подобие мозга, так что теоретически ему можно просто хорошенько вдарить, и он заснёт крепким, здоровым сном. Но это, конечно, риск... С другой стороны... Его всегда можно убить.

Вишну даже думать об этом не захотела – видно, правы те, кто говорит, что любое убийство действует на человека как наркотик. Убийство одной личности может вызвать отторжение, но вот после трёх или четырёх остановиться уже почти невозможно. Если единожды ступить на тропу войны, потом невозможно с неё сойти... Нет, это не по ней. Лучше просто убежать.

Медленное движение рук, подтягивание тела – прямо как гусеница, которая готовится превратиться в куколку. Благо, труба почти не скрипела, так что многорукий рыбак больше не проявлял к ней никакого интереса, – он неотрывно следил за самодельным поплавком и продолжал насвистывать мелодию, казавшуюся Вишну подозрительно знакомой. Придётся теперь до конца дня повторять её в голове и пытаться понять, где она её раньше слышала.

С радостью и облегчением Вишну обнаружила, что труба не заканчивается над головой у пришельца, а делает крутой изгиб и ведёт прямо к двери, – так что при соблюдении определённой осторожности она сумеет спрыгнуть и выскочить за дверь, а этот умник даже не осознаёт, что что-то произошло. Ещё одно подтягивание, ещё пара... Мышцы уже начинало сводить, но запас сил оставался приличный, тем более что ползти гораздо легче, чем висеть. Но тут внезапно случилось нечто, чего Вишну не ожидала никак: инопланетянин быстро вздёрнул голову, посмотрел на неё спокойным и полным расслабления взглядом и на довольно чистом межгалактическом, разве что со свистящим акцентом, произнёс:

– Ну что? Починили трубу?

Если бы не молниеносная реакция и осознание ситуации, то Вишну раскрыла бы себя за несколько секунд – стоило лишь немного промедлить.

– Почти, – бодро произнесла она, мигом сорвав со рта изоленду. – Мне нужно лишь в подсобке пару деталей прихватить. – Пришелец определённо принял её за механика, который должен отремонтировать коллектор, а потому и не выразил никакой враждебности, когда взглядел её на трубе.

– Хе-хе. – Он взмахнул одной парой конечностей. – Вот так всегда: залезешь чёрт-те куда, а потом выясняется, что что-то забыл. Хе-хе-хе. – Во время смеха его шея раздувалась наподобие жабьего жабо, что делало его комичным и даже немного располагающим к себе. Если бы не постоянная привычка сплёвывать обильную слюну, то Вишну вполне приняла бы его за адекватно выглядящего пришельца.

– Это конечно. – Она оторвалась от трубы и ловко приземлилась на платформу, при этом сорвав с головы шапочку и разметав по плечам свои длинные блондинистые волосы. – Тем более что поломка там куда серьезнее, чем мне говорили.

– Да ну?! – Глаза инопланетного рыбака округлились, превратившись в настоящие блюдца. – Не протечка?

– Протечка, – поддакнула Вишну, аккуратно пятясь к выходу, – но она образовалась из-за серьёзного засора: в трубе какое-тодохлое животное застряло: вонь невыносимая и вода не проходит.

– Вот уроды! – Её собеседник добавил ещё пару ругательств из личного лексикона. – Ну сколько раз я говорил ярцам, чтобы они не прятали свой улов где попало! – И он, яростно тряся головой, отвернулся от Вишну, дабы продолжить своё интересное занятие.

Она чуть не спросила, что же он собирается поймать в чистейших водах коллектора, но вовремя опомнилась и аккуратно вышла в коридор, который, на счастье, был абсолютно пустынным. Правда, алиби у неё уже имелось – не особенно надёжное, но всё-таки. Вишну

образцово пожала плечами, кинула ему на прощание отрывочное: «Пока» и неторопливо двинулась к выходу в сеть подсобных коридоров Библиотеки.

– Только не вздумай под купол выходить... – услышала она провожающие её слова и на секунду почувствовала, как по её спине пробежал холодок.

Действительно, щаканаги очень ревностно относились к своему Дню поклонения Букве, а потому проникать в основную часть Библиотеки во время праздника считалось настоящим святотатством. И это послужило основной причиной, почему Вишну не хотела задерживаться на планете надолго – наиболее идеальным вариантом было свистнуть нужный ей свиток в обычный рабочий день – и только ее и видели. Но нет, конечно нет, – по милости золотозубого сутенёра ей остался план Б: обмазываться фантомным кремом и уповать на любые высшие силы, что не придётся мешкать во время поисков. Хотя, с другой стороны, если поразмыслить, то так бы она не встретила Кару и не решила головоломку...

Девушка вслепую повернула в соседний коридор и чуть не столкнулась с очередным чудиком, снабжённым двумя вытянутыми головами без каких бы то ни было отличительных черт вроде рта, носа или даже ушей. Вишну на секунду вздрогнула, но продолжила уверенно шагать вперёд, будто оказалась здесь по невероятно важному делу. Это подействовало, и инопланетянин не обратил на неё ровно никакого внимания, более того, если бы Вишну поспешно не посторонилась, он бы, скорее всего, просто врезался в неё. Она, проскочив мимо, начала выискивать глазами место, где можно уединиться и нанести фантомный крем: благо, ей удалось купить новую формулу, которая взаимодействовала с большинством известных науке тканей, – последнее, что бы хотелось делать, так это раздеваться в холодном и отталкивающем месте. Действительно, сейчас Библиотека произвела на неё примерно такое же впечатление, как публичный туалет на космических парамах для беженцев: огромный коллектор с целым спектром отталкивающих запахов, безумные пришельцы, словно забредшие сюда по несчастливой случайности, и длинные бесконечные коридоры, где стены выкрашены нежно-голубой краской. Если основной зал будет выглядеть примерно так же, то она вряд ли порекомендует его часто встречающимся ей галактическим туристам.

Наконец на глаза попала дверь, где, о чудо, была нарисована затенённая человеческая фигурка в юбочке: Вишну не стала ломать голову, а просто ломанулась в дверь в слепой надежде, что этот символ значит на этой планете то же самое, что и во всей Галактике. Однако чутьё её подвело, ибо за дверью открылось белое пространство практически пустой комнаты, единственным предметом в которой был круглый пластиковый стол. За столом же расположился кто стоя, кто сидя, а кто – на шупальцах и подушках, целый десяток инопланетян, среди которых доминировали двойники её недавнего друга по рыбалке, а остальные являлись представителями самых разных солнечных систем – самый настоящий мультикультурализм во всей своей красе. Вишну немного опешила и даже раскрыла рот, но почти сразу же решила, что наглости откроются все двери, и вызывающим голосом спросила:

– Ну и где вы прикажете девушке переодеться? – Она яростно отставила ногу, а правой рукой ненароком схватилась за эфес одного из лезвий.

Разномастная компания возрилась на неё кто чем: глазами, объективами, очками и непонятными отроствами. Они, казалось, были не менее ошарашены появлением незваной гостьи, чем она – их нахождением в том, что она приняла за женскую уборную. Воцарилась долгая минута молчания, и Вишну уже хотела дать задний ход, когда откуда-то с задних рядов собрания донёлся бурчащий голос:

– Направа отсюда... – Скорее всего, примакал, судя по ярко выраженному акценту.

Только сейчас Вишну заметила, что по столу раскиданы ярко-зелёные фишки, пригоршня игральных карт и пара-тройка пакетиков с постоянно извивающимися червяками. Скорее всего, ребята здесь просто затеяли игру в карты, а играли не на что-нибудь, а на мощные

наркотики, запрещённые под страхом смерти на всей территории ВМО. Неудивительно, что они решили спрятаться именно здесь.

Она мило улыбнулась и собралась уже спешно ретироваться, как из-за стола поднялся самый необычный персонаж из всех, – в основном потому, что он был человеком, а Вишну как-то совсем не ожидала, что здесь можно найти кеметцев или кого-либо из колоний. Правда, одет он был по всем правилам местного разгильдяйства: на плечи наброшена разорванная рубашка без половины застёжек, а спортивные брюки настолько поношены и запачканы, что заведомо невозможно определить, какого они раньше были цвета. В одной руке он держал лазерный топорик, а на заросшем щетиной лице читались явно заметная подозрительность и предвзятость. И без того раскосые глаза сузились настолько, что выпуклые щёки почти вошли в контакт с переносицей, а чуть приоткрытый рот являл миру ряд пожелтевших зубов. В общем, да: люди тут выглядели ничем не лучше инопланетян.

– Постой! – рыкнул он хриплым и немного даже усталым голосом. – Ты кто вообще такая?!

– Трубы чиню... – скучающим голосом произнесла, не растерявшись, Вишну, и уже начала прикрывать дверь, как вновь услышала этот противный голос.

– Нет, погоди, твою растак! – Человек определённо был довольно въедливым типом. – Как зовут?

– Кара. – Вишну готова была на месте убить себя за такой бестолковый выбор имени, но именно оно пришло ей в голову первым, а промедление может стать причиной большого кровопролития. – Кара Бриакс, – уточнила она, решив, что с фамилией будет звучать солиднее.

– Странно... – Мужчина вышел из-за стола и медленно направился к ней, и Вишну ненароком почувствовала, как её рука сжимается на рукоятке клинка. В глубине души она уже почувствовала, как песня лезвия зовёт её к новым убийствам... – Не припомню, чтобы у Клёр бабы работали...

– А тебе откуда знать?! – Вишну встала в вызывающую позу, яро играя роль местной простолюдинки.

– Я часто с её парнями бухаю! – При этом он зачем-то щёлкнул зубами, будто этим хотел показать, насколько выдающимся является донесённый им факт. – Ни разу там бабу не видел... А уж тем более такую мелкую! – Он встал недалеко от Вишну, а в его суженных жёлтых глазах читалась неподдельная подозрительность.

– Пф... – Вишну не выходила из образа и залихватски хохотнула. – Так немудрено, с такой-то рожей – все бабы небось и разбежались!

Эффект был сногшибательный: игральная комната просто взорвалась от невероятного шума и звуков, которые при желании можно было интерпретировать как хохот. Вишну не сказала бы, что её шутка уж больно смешная, но на публику она произвела просто неопишное впечатление: один из пришельцев, круглый и пупырчатый, как передутый баскетбольный мяч, даже свалился с подушки на пол и буквально покатился в дальний угол комнаты. Вишну, довольная произведённым эффектом, мило улыбнулась раскрасневшемуся человеку и шмыгнула за дверь, услышав за своей спиной лишь два озлобленных слова:

– Я проверю!

Плохо. Всё было очень плохо.

Несмотря на произведённый ею фурор, Вишну повела себя абсолютно неправильно, не усыпив бдительность подозрительного типа, а лишь раззадорив и разозлив его. Теперь он из кожи вон вылезет, но отправится к ближайшему средству связи, будь то телепатор или древний видеофон (Простора у него, скорее всего, не было...), и позвонит конторе, которая отвечает за ремонт местных труб, – то есть той самой Клёр. И тогда он, несомненно, поднимет хай и поставит всю местную охрану и, что ещё хуже, шаканагов на ноги (если к ним, конечно, применима

такая метафора). Лишь одно хорошо – она наконец нашла нечто вроде подсобки, где в кучу были свалены инструменты и уборочный инвентарь. Света не было, так что ей приходилось на ощупь обмазывать кремом, что, конечно, не особо удобно, но зато она надежно укрылась от посторонних глаз. Если в библиотечных коридорах когда-то и кипела бурная деятельность, то определённо не сегодня: Вишну лишь могла предположить, что большинство обслуживающего персонала получило выходной по поводу Дня поклонения Букве. Так что, да – ещё один просчёт с её стороны: если рассудить здраво, то сегодня как раз один из самых лучших дней для воровства: логично предположить, что при большем скоплении народу ей было бы сложнее спрятаться. Однако, с другой стороны, может, ей было бы проще смешаться с толпой и таким образом стать настоящей невидимкой. Вишну покачала головой – как же всё сложно и запутанно. Раньше ей такие мысли в голову не приходили – всегда действуя по наитию и ситуации, она во всех случаях оставалась в выигрыше, зарекомендовав себя одной из лучших воровок в Галактике. Что же теперь с ней случилось? Неужели эпизод с золотозубым так сильно на неё повлиял?

– Чушь, – прошептала она и нанесла на большой палец ноги последний мазок крема.

Найти дверь, которая ведёт в основной зал Библиотеки, оказалось не так уж и сложно – это была единственная дверь во всём комплексе, на которой висел внушительного вида замок. Более того, кто-то особо прилежный и рьяный написал на ней предупреждения на всех возможных межгалактических языках, среди которых был и кеметский: «НЕ ВХХОИТЬ ПО СТРАХ СМЕРТЫ». Определённо, писателю ещё стоило поработать над ошибками, – хотя, что уж тут жаловаться, общий смысл доходил достаточно просто.

Вишну оглянулась, но увидела за собой лишь пустой коридор, где перемигивающиеся лампы дневного света создавали неприятную больничную атмосферу. На пути же сюда она не встретила никого, кроме длинной кудахтающей сороконожки, которая не обратила на неё никакого внимания. И это неудивительно, ибо активные вещества фантомного крема уже успели активироваться и теперь, при условии, что Вишну будет держаться теней и не вылезать на открытое пространство, увидеть её смогут лишь существа с тепловым или ультрафиолетовым зрением. Так что можно без опаски взламывать дверь. Ну то есть не взламывать, а за миллисекунду срезать замок лазерным ножом, аккуратно положить его себе в карман (срезанный замок вызовет больше вопросов, чем отсутствующий) и забыть про него на веки вечные. Стоит признать, что до этого момента это дело оказывалось одним из самых простых за её карьеру, – если, конечно, отбросить в сторону эпизод с золотозубым. Охранные системы щаканагской Библиотеки так примитивны, что устарели на тысячи лет по вселенским масштабам... Нет, серьёзно, ну кто вообще нынче вешает замки на двери? Замки! Она, конечно, не раз встречалась с таким явлением, но то были отсталые, практически средневековые миры, попадавшие под юрисдикцию невмешательства, а тут... Ну что это такое вообще!

Следующим шагом Вишну приложила к двери небольшой раздвижной планшетик, который тут же засветился множеством цветов и красок, среди которых, однако, отсутствовал красный цвет, – это означало, что на ближайшие сто метров около двери нет ни одного живого органического существа.

Однако всё это отнюдь не отменяло факта, что за дверью могли наблюдать с порядочного расстояния. Это была бы не проблема, будь при Вишну глазница, – прибор, позволяющий достаточно хорошо просматривать помещение сквозь стены и препятствия, однако он стоил очень дорого и был достаточно накладен в плане эксплуатации. Она слышала, что таковыми пользовалась пара её коллег, но Вишну считала это бездумной растратой средств. А посему она просто-напросто решила рискнуть и аккуратно приоткрыла дверь... Увиденное же никак не соответствовало её ожиданию.

Центральное помещение Библиотеки просматривалось не так хорошо, так как избранная ею входная дверь оказалась загорожена двумя полупустыми стеллажами, однако одного взгляда хватило, чтобы осознать, что ничего подобного она ещё никогда не лицезрела. То, что снаружи представлялось тривиальным и безвкусным сооружением, на деле оказалось настоящим произведением искусства: поражающее воображение цилиндрическое помещение раскинулось на несколько квадратных километров, при этом имея круговую конструкцию, венчающуюся позолоченным и украшенным мозаиками куполом. Тот, в свою очередь, подпирался несметным количеством благородных колонн, уходящих ввысь, подобно вековым и разлапистым деревьям. Между ними то тут, то там проглядывали ротонды балконов, каждый из которых сам по себе являлся настоящим произведением искусства: фронтальные стенки балконов изукрашены гипнотизирующими и яркими картинами, будто совсем недавно сошедшими с книг всех народов Галактики. В героях картин она узнавала как примакалов, так и их соседей по Солнечной системе – куркитов; воинственные племена Пракса и полные фантазмагории и иллюзий сюжеты Аквиллии; примитивные и brutальные повествования рактоногов и даже образы длинных и витиеватых поэм оцимумов. Были здесь и кеметские литературные сюжеты, но они либо были малоизвестны в колониях, либо были настолько древними, что датировались годами до Забвения, – когда планета ещё называлась Землёй, а люди ещё так не измельчали...

Вишну засмотрелась на всё это великолепие и ненароком чуть не забыла про осторожность, – она уже минуту с лишним стояла как засватанная и не делала ни одной попытки продвигаться вперёд: если бы за дверью наблюдал хоть кто-нибудь, то её бы уже давно заметили и схватили. Она призраком проскользнула в зал и спряталась в тени первого же стеллажа, при этом вслушиваясь в каждый доходящий до неё звук. Однако таковых было на удивление мало – если она правильно понимала, то здесь сейчас происходило празднование Дня поклонения Букве, так что здесь должны бы быть целые орды шаканагов, а это означало много шума и возни. Однако единственным звуком, который она различила, оказалось тихое и равномерное урчание, исходившее, казалось, не из одного источника, а отовсюду, – с каждой балюстрады и с вершины каждой титанической колонны. Однако размышлять не было времени, и Вишну обратила внимание на стеллаж, в тени которого она так аккуратно пристроилась, – к её удивлению и ужасу, последний уходил вверх чуть ли не до самого купола, причём по пути от его основания отходило несчётное количество прозрачных платформ, которые, в свою очередь, тоже заставлены стеллажами, сейфами и шкафами. Каждая же полка каждого стеллажа была завалена таким количеством книг, свитков, журналов, каталогов, альбомов и просто кипами бумаг, что де-факто невозможно представить, как здесь вообще что-то можно найти. Просто ради интереса Вишну подкралась к ближайшей, самой низкой полочке и аккуратно взяла оттуда небольшую пятиугольную книжечку, выполненную из грубой бумаги и исписанную непонятными каракулями, которые принять за язык мог разве что шизофреник. Она пролистнула насквозь ещё пару томиков, но так и не нашла ничего ни на своём родном языке, ни на общегалактическом. Вишну хотела порыться ещё немного, но тут воздух пронзил гудящий, как локомотив, гул, который будто нарастал прямо из-под земли и магмой вырывался на поверхность, при этом чуть ли не оглушая всё живущее. Вишну, почувствовав, как по спине пробежал рой мурашек, проползла обратно в своё теневое укрытие и решила пока ни на что больше не отвлекаться.

12, 85, 6... Цифры Гнобельской загадки сами всплыли в её голове.

Логично было предположить, что цифры распределяются примерно так – стеллаж, уровень, стопка, – оставалось лишь немного подумать и понять, какая цифра к чему именно относится. А для этого надо изобразить из себя абстрактного математика и попытаться просчитать процентные варианты. Вишну быстро посчитала общее количество стеллажей (как раз двенадцать), количество уровней вплоть до самого купола (сто двадцать пять) и примерное количество стопок на каждом уровне (которое оказалась равным одной тысяче триста тридцати

двум, – и это без учёта прозрачных платформ). М-да, не складывается... Каждое число, выданное Гнобельской сферой, могло оказаться чем угодно, так как никто не мог точно поручиться, какой именно уровень ей нужен и какой стеллаж... Можно, конечно, просмотреть шестой, двенадцатый и восемьдесят пятый уровни полностью, однако это займёт не один час и даже не один день...

Да, она сейчас отдала бы всё что угодно за возможность получить справку у местного библиотекаря, будь он даже щаканагом. Однако нет – если её найдут в центральном зале Библиотеки в этот праздничный день, то, скорее всего, её порвут на части быстрее, чем она сможет задать свой вопрос. Пренеприятно, ничего не скажешь. Вишну затравленно огляделась по сторонам, и тут её внимание привлёк тускло светящийся экран настенного компьютера, на котором горели три цифры: 99, 23, 1. Она даже закрыла рот ладонью от удивления – дабы не вскрикнуть. Никто, конечно, не поручится, в каком именно порядке идут данные ей цифры, но так возможности нахождения нужного ей свитка увеличивались с одного до примерно восьмидесяти процентов. То есть теперь ей нужно прочесть не бесщётное количество стопок и шкафов, а лишь одну точку, которую ей выдаст справочный компьютер.

Тем более что точно такие же компьютерные терминалы разбросаны практически по всем библиотекам в пределах ВМО – Вишну это точно известно. Некоторое время назад она должна была выкрасть зародышей пятнистой пиявки из дома высокопоставленного лорда конгломерата Арс (зачем, она так и не узнала, однако клиент был в полной эйфории, когда она приподнесла ему баночку с этими отвратительными и постоянно пульсирующими жирными червями), что на планете Клоддира: так уж получилось, но, чтобы пройти сквозь лабиринт, который эксцентричный хозяин вырыл под своим домом, и благополучно миновать все расставленные в нём ловушки, ей пришлось на целый месяц засесть за книги в нескольких субсекторных библиотеках и практически полностью изучить всю историческую подноготную этой семьи. Так что эти терминалы ей до боли знакомы... Беда лишь в том, что зачастую они не показывали точного местоположения книги, а лишь предоставляли её примерное положение в пространстве. Так что попотеть в любом случае придётся.

Вишну глубоко вздохнула, грациозно изогнувшись, ящерицей припала к земле и аккуратно поползла навстречу терминалу, ближе к центру зала и, минуя титанический стеллаж, за которым тут же обнаружился ещё один, который она даже не заметила. Она ловко перепрыгнула из одной тени в другую, предварительно бросив быстрый взгляд в глубь зала, но увидела там лишь очередную стену из книг и несчетного количества бумаг. Однако перед следующим просветом Вишну притормозила, так как, в отличие от предыдущего, он был гораздо шире и пересечь его можно было лишь за несколько шагов. Она аккуратно встала на ноги и приподнялась на цыпочках, при этом вытянув тонкие, но достаточно мускулистые и жилистые руки вверх. Ещё пара вдохов, и она уже сделала первый широкий шаг, надеясь набрать побольше скорости, дабы как можно быстрее скрыться в спасительной тени. Но тут она словно ощутила лёгкое, еле уловимое смещение воздуха, будто кто-то тяжело и тихо выдохнул: за единую долю секунды девушка остановилась на самой границе густой тени, и в этот же миг из-за стеллажа вынырнул огромный шар – щаканаг, на огромном лице которого играла разнеженная улыбка, а радужные глаза были открыты лишь наполовину, будто он совсем недавно проснулся.

Если бы не фантомный крем и молниеносная реакция, то её миниатюрное тело сейчас уже оказалось бы разорванным на две части толстыми щаканаговскими отростками-щупальцами, и, скорее всего, мало кто бы знал, что сгинула она именно здесь, из-за простой неосмотрительности. Разве что Кошик догадался бы...

Абориген проплыл мимо, даже не обратив на неё взора, и Вишну собиралась уже проскочить дальше прямо за его спиной, как вдруг щаканаг остановился как вкопанный, при том издав нечто вроде стоны издыхающего кита. Вишну застыла на месте и даже перестала дышать, так как каким-то образом поняла, что ее не увидели, а именно услышали. Два внушительных

веера век скользнули с чмоканьем наверх и на Вишну воззрились два огромных глаза, чей взор намертво приковал её к месту. Она, как зачарованная, уставилась в их центр, где цвета, словно переплетаясь между собой, разыгрывали древние языческие танцы, где люди едины между собой и со своими душами. Вокруг всё поплыло, и Вишну стоило огромных усилий, чтобы не шагнуть к инопланетянину. Она попыталась отвернуться, зажмуриться, сделать хоть что-нибудь, но немигающий взор парализовал каждую клетку её тела – судя по ощущениям, кто-то будто выкачал из неё всю волю, заменив её чем-то мягким и податливым... Вишну снова чуть не шагнула навстречу щаканагу, но вовремя сдержалась и неожиданно для себя отшатнулась назад, – а вместе с этим наконец разорвала зрительный контакт с гипнотическими глазами аборигена. Хотелось немедленно побежать и скрыться, но Вишну прекрасно понимала, что так она выдаст себя с головой, – ведь если существо смогло услышать её тишайшее дыхание, то шаги будут для него подобно оглушительному грому, тем более что сейчас щаканаг определённо настороже.

Дальше сдерживать дыхание было просто невозможно, а потому она наконец выдохнула, но гораздо шумнее, чем она хотела, и в результате пришелец снова издал тягучий трубный звук: Вишну заметила периферийным зрением, что щаканаг начал аккуратно подвигаться к ней, будто бы прощупывая темноту. Глаза его были всё так же широко распахнуты, и она с трудом боролась с искушением снова погрузиться в их блеск и великолепие, дабы навсегда отдаться их воле и красоте... Но нет, нельзя. Нельзя! Чёрт возьми, ей никто не говорил, что щаканаги обладали таким умением, – почему этого не написано в справочниках Простора? Неужели она первая, кто столкнулся с этим уникальным явлением? Или все свидетели этого феномена уже мертвы? Кто знает! Сейчас надо спасать свою шкуру. А потому Вишну решила использовать тот факт, что щаканаг при передвижении издавал достаточно громкий хлюпающий звук, и начала аккуратно и как можно более тихо шагать назад, в сторону запылённого стеллажа.

Секунды казались минутами, и эта черепашня погоня начинала уже надоедать: она наконец упёрлась лопатками в холодную и угловатую полку, где мгновенно зашелестели свалывшиеся листья. Вишну уже успела проклясть себя за очередную неосторожность и даже снова помянула в голове отца, а щаканаг нервно вздрогнул, и в эту же самую секунду его неповоротливое тело увенчалось двумя длинными и извивающимися щупальцами, кончики которых наминали пятипалую ладонь, но только гипертрофированную и без костей. Рука Вишну сама собой легла на рукоятку клинка, и по телу мгновенно побежали ритмические вибрации, проходящие сквозь напряжённые мышцы, закаляя их ещё сильнее и готовя к предстоящему бою. В этот момент Вишну готова была поклясться, что в голове её возник голос, просивший и умоляющий мгновенной смерти пришельца. Ещё чуть-чуть... Немного... Ближе...

Она выдохнула.

Щупальце оказалось практически над её головой, а в нос ударил специфичный пряный запах, – она ещё никогда не была так близко к щаканагу.

Лезвие уже наполовину высвободилось... Ещё секунда...

Второе щупальце рядом... Сейчас... Вот!

Однако Вишну мгновенно замерла, так как по помещению настоящей неостановимой лавиной пронёсся торжественный вой, будто возвещавший, что начинается что-то грандиозное. Ощущение было такое, словно многотысячная толпа взревела в едином порыве, оглушая друг друга и всех окружающих. Щаканаг тоже замер, изо рта его донеслось что-то вроде радостного бурчания, и он визгливо втянул обратно щупальца, полуприкрыл галлюциногенные глаза, развернулся и с удивительной для его косматого тела скоростью пополз прочь от Вишну.

К своему же собственному удивлению, она чуть не рванула вслед за ним, дабы вонзить клинок в его тело и вспороть его тушу так, чтобы посмотреть, чем же наполнены эти ползучие шары. Вишну невольно вздрогнула, так как осознала, что она этого не хотела, но тело будто жило самостоятельной жизнью и пыталось само решить, что ему делать. Она медленно убрала

клинок обратно в ножны и опустилась на корточки, медленно возвращая себе контроль над мышцами и движениями. Если рассудить логически, то его смерть не принесла бы ей ничего, кроме дополнительных проблем, ведь тело обнаружили бы в самое ближайшее время, а тогда за ней бегал бы не один щаканаг, а целая армия оскорблённых пришельцев с цепкими и быстрыми щупальцами. Но как она могла даже на секунду допустить его убийство? Неужели её отец был прав, когда говорил, что есть тонкая грань между плохими поступками и ужасающими? Будучи вором, ты являешься преступником в глазах других, но если подходить к этому делу с умом и рассудительностью, то никому не причиняешь вреда, а лишь, наоборот, приносишь пользу: лишаешь богачей излишних денег и ценностей, отсутствия которых они даже не заметят; даришь надежду тем, кто этого заслуживает, и кто этого никогда не просил; помогаешь людям в осуществлении их целей и мечтаний. Да, у неё бывали и эгоистичные клиенты, движимые лишь жадой обогащения и наживы, но жизнь сама ставила их на место и наказывала по всем законам безжалостности бытия. Остальные же обращались к ней исключительно из-за несправедливости и отчаяния – когда что-то нельзя достать законным путём, нужны те, кто готовы переступить черту ответственности и двойственной морали. Да, большинство сочло бы её плохим человеком, и она всегда чувствовала себя кем-то вроде отверженной (вне своей родной планеты, конечно же), но чтобы стать убийцей... Причём не из самозащиты, но лишь из жажды крови... Неужели она уже перешла эту черту и никогда не сможет вернуться назад?

– Нет, – прошептала Вишну, аккуратно вбивая цифры в информационный терминал, который определённо нуждался хотя бы в удалённом сканировании, так как работал он чрезвычайно медленно.

Она не переходила черты. Всё это – последствия нескольких самых тяжёлых дней её жизни. Она просто устала, раздражена и взволнована... Мало того, что она не спала с тех пор, как очнулась в грязном дворе борделя золотозубого, так ещё на улице её ждала маленькая и чрезвычайно умная девочка, к которой она успела проникнуться странным и непередаваемым чувством защиты и... комфорта. Ничего удивительного, что она такая импульсивная и дёрганая.

Компьютер пикнул и выдал нужное ей место: придаточная комната Н7, семнадцатый уровень. Вот сюрприз – до сего момента она считала, что Библиотека ограничивается лишь этой огромной залой, однако оказалось, что по всему периметру к ней пристроены небольшие комнатки. Какие-то секретные или особо охраняемые хранилища, не иначе. Так что, видимо, всё-таки придётся потрудиться.

Вишну вздохнула, оценила примерное расстояние до семнадцатого уровня и кошкой запрыгнула на стеллаж, при этом помогая себя липучками: так лезть определённо проще, нежели по стене. Осталось лишь надеяться, что стеллажи сделаны на славу, и она не сорвётся вниз вместе с кипой книг.

Семнадцатый уровень. Вишну ловко запрыгнула на прозрачную древометаллическую платформу, которая полукругом опоясывала стеллаж, а дальше соединялась с другими платформами небольшими мостками без перил. Было не так высоко, всего-то метров тридцать, но у Вишну почему-то мгновенно закружилась голова, что она в очередной раз списала на усталость. Более того, у неё откуда-то взялась одышка, и она медленно присела на корточки, затаившись в самой тёмной части платформы, где та примыкала к стеллажу. В таком состоянии она походила на маленький комочек, и даже без фантомного крема её было не так просто разглядеть. Она порылась в рюкзаке и достала питательные крекеры, которые нормализовали работу организма и восстанавливали его боеспособность в течение каких-то пары минут. Только вот на вкус они были как кусок запечённого картона, чему не помогал даже близкий к оригинальному ароматизатор малины. Мало кто об этом знал, но малина оказалась единственной ягодой, которая прижилась на Вавилоне, после того как туда впервые ступила нога колониста. Все

остальные ягоды, будь то душистая ежевика или кислая красная смородина, вымерли в первые же несколько недель после того, как взошли ростки. Среди колонистов ботаников не было (единственный человек такой профессии умер на космолёте от воспаления лёгких), так что никто так и не смог объяснить этот феномен, но малина росла почём зря и даже умудрилась мутировать: плоды её теперь по размеру оказывались сравнимы с кеметскими арбузами или дынями (Вишну их никогда не пробовала, но знала, что они достаточно объёмны). Логично предположить, что местная планетарная кухня приняла эту мутацию к сведению, и в итоге в каждой семье Вавилона детей угощали запечённой малиной с сахаром, пирогами из малины, рулетом из малины, даже сладкой похлёбкой из малины... Да, этот крекер определённо напомнил ей о доме, – она малину всегда терпеть не могла и непременно высказывала это отцу, когда тот приносил ей соответствующие пироги от соседей (он их воровал, конечно). Отец лишь улыбался и говорил, что настанет время, когда она больше всего в жизни захочет именно этот пирог, и никакой другой. Прошло двадцать лет, а этот момент до сих пор не настал...

По залу начало разливаться мягкое и непринуждённое пение на неизвестном языке, к которому с каждой секундой присоединялось всё больше и больше голосов. Звучала такая потусторонняя и загадочная мелодия, что у Вишну невольно побежали мурашки, и ей почему-то невероятно сильно захотелось узнать, что же происходит там, внизу, куда так спешил недавно угрожавший ей щаканаг. Она приподнялась и окинула взглядом близлежащие платформы: складывалось впечатление, что на этом уровне не было ни единой живой души, но снова рисковать ей не хотелось, а потому она решила передвигаться как можно более медленно и аккуратно.

Девушка, пройдя сквозь лабиринт переходов, шкафов и мостов, в очередной раз убедилась, что здесь, наверху, никого нет, и более того, вряд ли здесь кто-то вообще был в последнее время. Пыль густым ковром покрывала все перила и непродуваемые поверхности, так что Вишну ненароком подумала, что если здесь и есть отдел по уборке помещений, то работников нужно всех уволить. Наконец она вышла практически к самому центру купола, однако тут же поняла, что дальше идти нет никакого смысла, так как стена из стеллажей резко закончилась и она очутилась на кромке крайней платформы, которая вместе с другими формировала центральный круг, через перила которого можно смело наблюдать всё то действие, что происходило внизу. А там было на что посмотреть. Если подумать, то всё происходящее очень напоминало миниатюрную сценку, которую она вместе с Карой наблюдала во время их долгого спринта по переулкам Щакары: в центре, на небольшом возвышении восседал своеобразный лидер действия, чья округлая туша была одета в некое подобие пёстрой и испещрённой драгоценностями мантии, а перед ним на помосте лежала раскрытая книга с изорванными страницами и неразборчивыми текстами. Вокруг него расположилось бесчисленное множество других щаканагов, распевавших бросающую в дрожь мелодию, которая одновременно напоминала молитву и зауспокойную, и постоянно дёргались, будто в священном экстазе. Глаза большинства были широко открыты, но как-то не сфокусированы, – создавалось впечатление, что они были в трансе или под каким-то наркотиком. Если она отсюда выберется, то ей впору писать талмуд по жизни местных аборигенов. Кто знает, если её и правда выпрут из гильдии воров, то ей вполне можно этим заняться... А что? Академическая карьера, мечта любой жительницы Та-Кемета...

Её размышления прервал очередной непонятный звук, который она могла бы описать лишь как скрежет гвоздём по пластиковой поверхности, причём после него пение мгновенно прекратилось, и в зале повисла оглушающая тишина. Вишну даже отчётливо услышала своё собственное ровное дыхание. Дальше начало происходить нечто ещё более необъяснимое: центральный щаканаг отрастил небольшое щупальце и начал аккуратно перелистывать страницы книги, при этом словно что-то бурча и выговаривая, остальные же аборигены при виде этого

зрелища начали раскачиваться и довольно урчать, как огромная стая котов. Что, наверное, было бы более приглядно: так же всё это действо напоминало праздник на скотобойне.

Вишну преследовал соблазн задержаться подольше, но она снова вспомнила о ждущей её Каре и решила, что пора ей наконец приступить к поиску нужной комнаты, которая, если верить информационному компьютеру, находилась где-то на севере Библиотеки. Она бросила последний взгляд на загадочное празднование Дня поклонения Букве и снова углубилась в нескончаемую сеть книжных коридоров.

Нужную ей дверь можно было не искать, ибо та сама её нашла: массивные плиты древнего мрамора висели на циклопических петлях, которые каким-то непонятным чудом удерживали всю эту махину на месте. Огромные буквы над дверью извивались ядовитыми змеями и переплетались подобно кружеву, но прочесть формируемое ими слово не составляло труда: ЗЕМЛЯ. Вишну никогда не была особым романтиком, но почему-то в этот момент её сердце затрепетало перелётной птицей, а в животе родилось ноющее и просящее ощущение, словно говорящее ей: «Давай, иди!». Теперь она понимала, почему до этого ей не попадалось на глаза ни одной кеметской книги, – их все складировали в одном помещении, в особой сохранности, будто они важнее и значимее, чем все остальные труды древности.

Вишну сделала шаг вперёд, но сразу же остановилась, ощущая всю сакральность и торжественность происходящего: она, маленькая и незаметная колонистка из отдаленного мира, можно даже сказать, из настоящего криминального захолустья, стоит на забытой всеми планете, в миллионах километрах от цивилизованного мира, и сейчас, прямо вот-вот, через считанные мгновения, прикоснется к тому, что, скорее всего, было утеряно столетия назад. Малый оплот её прошлого и всего прошлого человечества. Её внимание привлекла небольшая табличка, примощенная к стенке рядом с дверями. По спине пробежал холодок, а в горле встал комок, – она поняла, что послание оставлено здесь не для местных люмпенов-рабочих и не для книголюбцев-щаканагов, а именно для неё – для той или того, кто дерзнул пробраться в Библиотеку и найти эту спрятанную от лишних глаз дверь. Вишну сглотнула и медленно приблизилась к запылённой табличке.

Её элегантная рука провела по ней, и на чёрной перчатке остались приставучие лохмотья вековой пыли, которые тут же упали на пол и покатались к краю платформы. Глазам предстал небольшой текст, написанный на устаревшем, но вполне читабельном галактическом языке – или, как его тогда называли, русском:

«Остановись, путешественник, и внемли нам, строителям этой великой Библиотеки. Осмотрись и подумай хорошенько, есть ли у тебя право на открытие того, что было сокрыто так долго? Есть ли в тебе достаточно ума, дабы уразуметь и воспользоваться полученными знаниями во имя развития и познания, но не для собственной выгоды? Готов ли ты к тому, что ждёт тебя за этими дверями? Они не закрыты, а лишь запечатаны, но пусть твой разум сам будет замком, а твоя совесть – ключом к великому».

На этом послание закончилось, и Вишну почему-то мгновенно захотелось уйти прочь. В голове пронеслись сотни осознаний и предположений, которые одновременно пугали, но и наполняли все её существо трепетом перед неизведанным, желанием прикоснуться к древней мудрости землян, о которых ходят лишь легенды. Что же это получается? Все изученные ею справочники как один утверждали, что Библиотека Щаклака построена уже после возникновения ВМО, после объединения разрозненных кеметских колоний и даже после кровопролитной войны Та-Кемета и кроманьонцев, результатом которого стало подписание Нерушимого мира. Но теперь получалось, что здание это гораздо древнее и построено оно ещё до Забвения и, кто знает, может быть, даже до вторжения Жао. Или как раз после него... Последняя надежда человечества на возрождение и обретение былого величия. Неужели она готова к этому? Неужели она, которая так сильно отличалась от коренного кеметца и прожившая всю свою жизнь, нару-

шая законы и попирая мораль, дерзнёт открыть то, что предназначается для великих первооткрывателей, мудрых ученых и могущественных правителей родной планеты всего человечества? Более того, неужели ей это так нужно?

Вишну улыбнулась загадочной и интригующей табличке и чуть не повернула обратно, как вдруг заметила нечто странное. Огромный массив двери, до этого представлявший собой лишь пустую гладь мрамора, внезапно украсился литой ручкой, изображающей собой извивающегося и огнедышащего дракона. Вишну не могла сказать точно, что это за металл, но он переливался оранжевым и красным, будто прося её прикоснуться к нему, ощутить его тепло. Не могла же эта ручка просто взять и появиться из ниоткуда... с другой стороны, она же не слепая, чтобы сразу её не заметить, тем более когда она так впечатляюще украшена. Вишну недовольно нахмурилась и решила, что уйти, так и не попробовав открыть эту чёртову дверь, будет просто нелогично. Что она потом Каре скажет? Что просто ушла восвояси, когда перед ней лежали все тайны старого мира? Нет. Надо хоть попробовать – тем более что дверь, скорее всего, просто не поддастся. С удивительной лёгкостью она подошла вплотную к заветной двери и почувствовала, как тёплое тельце металлического дракона легло ей в руку. Она мигом ощутила, что по телу пробежал слабый заряд тока, проникший сквозь пальцы и прямо в мозг. Вишну тут же испуганно отшатнулась и чуть не упала, но удержалась на ногах и взглянула на дверь затравленным и разочарованным взглядом. Зря это она, ой зря.

Перемены уже были заметны: на блестящем мраморе проступили круглые рисунки, вспыхивающие на секунду, подобно звёздам, а потом гаснущие в яркой вспышке света, будто они сгорали в свете рождающейся звезды.

– Печати, – прошептала Вишну и снова перечитала написанное на табличке: «Они не закрыты, а лишь запечатаны...» Неужели?

Всё прекратилось так же быстро, как и началось: мрамор окрасился в исходный бирюзовый цвет, и в Библиотеке снова воцарились мир и покой. Только тут Вишну поняла, сколько же шума она наделала своим топотом и тем, что зачем-то взялась за эту проклятую ручку. Будет настоящим чудом, если шаканаги не услышали её и сейчас не бегут к ней с сотнями смертоносных шупалец наперевес. Надо бежать. Тем более что двери так и оставались закрытыми.

Или же?..

Только она подумала об этом, как внезапно послышался оглушительный скрип, и двери начали медленно раскрываться вовне, высвобождая застоявшийся и запылившийся воздух многих сотен лет. Теперь её точно слышали. Теперь они точно идут за ней. Обратного пути нет. Двери открылись, и теперь у неё нет другого выбора, кроме как зайти внутрь. Что Вишну и сделала.

Изо рта вырвался удушающий пар, а под комбез тут же прокрался щекочущий и колющий холод: в открывшемся помещении стоял настоящий мороз – минус двадцать пять градусов точно, а то и больше.

– Это не книгохранилище, а морозильник какой-то... – прошептала она.

Ещё пара шагов в темноту. Холод был всепроникающим, и ей невольно захотелось немедленно выбежать наружу и укутаться в какой-нибудь плед. Но вместо этого Вишну лишь пошла дальше, пока не дошла до некоего барьера: его не было видно, но она ощущала, что он есть. Нечто прозрачное, эфемерное и призрачное, будто кто-то применил магию и окутал помещение непроницаемой плёнкой, пройти сквозь которую мог лишь избранный. Помещение за барьером тонуло в непроглядной тьме, и даже когда Вишну включила фонарик, удачно запасенный ею до начала миссии, он не высветил ровно ничего: словно то была не тьма, а выкрашенная в чёрное стена. Но не было даже блика, свет будто рассеивался и исчезал, – примерно с таким же эффектом сталкивались исследователи космоса при проведении экспериментов с чёрными дырами. Оставалось лишь одно: Вишну протянула руку и коснулась невидимой пелены. Палец кольнуло холодком, но никаких других последствий не было, – он свободно прошёл сквозь

заслон и исчез из поля зрения Вишну. Значит, да – силовое поле, но только не обычное, будто сошедшее со страниц фантастических книг и кадров ментальных фильмов. Это определённо технологии старого Та-Кемета, или в данном случае правильнее говорить – Земли.

Что же, обратного пути нет: Вишну сделала уверенный шаг в неизвестность. Ощущение было такое, будто она за секунду попала из морозильной камеры в хорошо отапливаемое помещение: щёки обдало жаром, а глаза сузились как от яркой вспышки света. Но когда девушка наконец привыкла к резкой смене температуры и яркому свету, то оказалась так обескуражена увиденным, что встала как вкопанная и приоткрыла рот от удивления. Большое округлое помещение было полностью обито уютными деревянными панелями, а по полу тянулся узор классического паркета: такие декорации она видела разве что в музеях земного быта XX–XXIV веков или же в драматических фильмах того времени. Кажется, такой стиль назывался английским, в честь одной из разобщенных стран того времени. Все стены помещения занимали впечатляющие и блистающие шкафы с книгами, которым позавидовал бы любой современный коллекционер. Мало того, что здесь собраны авторы предзабвенческого периода литературной авансены, вроде Питера Кабсса и Валерия Братовского, чьи эклектичные повествования о бытии и нравах того времени легли в основу современной исторической науки, так ещё она краем глаза заприметила писателей XXI и даже XX века. Рэй Бредбери, Джек Лондон, Михаил Булгаков... Большинство этих книг считалось давно утерянными или же частично утраченными, в то время как здесь настоящий кладезь человеческого искусства. Если ещё присмотреться, то все дальние стеллажи оказывались посвящены науке и технике, – они под завязку забиты ментальными дисками, микрохранителями и другими сверхмощными носителями информации. Тысячи зеттабайтов знаний – и всё в одной комнатке в самом дальнем уголке Галактики... Какая ирония.

Однако самая удивительная картина, которая, в общем-то, больше всего и заинтриговала Вишну, ждала её в правой части помещения, где в камине, выложенном красным калёным кирпичом и украшенном искусной росписью, потрескивал будто настоящий огонь, а перед ним, уютно расположившись в чёрно-зеленом кожаном кресле, устроился человек, погруженный в чтение старой и потасканной книги с заношенными и засаленными страницами и выцветшими буквами на когда-то пёстрой и завлекающей обложке. Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес» – Вишну никогда ни о чём подобном не слышала, но по названию решила, что это, скорее всего, какое-то бульварное чтиво с эротическим подтекстом. По крайней мере, насколько она знала, такие были очень популярны на Земле XIX—XX веков. Сам же человек не поддавался никакому описанию: у него были как будто удлиненные руки и ноги, а тело оказывалось непропорционально малым в сравнении с членами. Более того, он весь был одет в какую-то белоснежную броню, настолько плотно прилегающую к коже, что, в то время как он беззаботно покачивал ногой, броня эластично сгибалась вместе с ней. На лице же была либо маска, либо некое подобие сплошного шлема, в центре которого светилось два бледных глаза, а чисто схематические ноздри и рот представляли собой лишь прямоугольные прорези. В остальном шлем старался повторять контуры человеческого лица, что делало его взвездным и даже немного отталкивающим. Однако тут Вишну поняла: никакой это не человек, а самый что ни на есть робот, – такие модели были распространены до Забвения. Тогдашнее население Земли считало, что служащий им искусственный разум должен практически во всем подражать самому человеку, как манерой поведения, так и своей внешностью. Вишну слышала рассказы о роботах, которые умели открывать рот при речи и даже имитировать дыхание. Такие модели, правда, в основном использовались в качестве сексуальных игрушек, но сам факт просто поража́л.

Пока Вишну стояла и размышляла на эти интересные темы, робот наконец осознал, что на него кто-то смотрит, медленно повернул голову в сторону появившейся девушки, посидел так где-то с полминуты, будто осознавая произошедшее, а потом аккуратно положил книгу на

маленький округлый столик из дерева и стекла и медленно поднялся на ноги, оказавшись при этом раза в два с половиной выше Вишну.

– Вы слишком низкая, чтобы быть человеком чистой крови. – Его голос звучал мягко и размеренно, даже, может быть, успокаивающе, но Вишну всё равно сразу же захотелось раздробить этого хама пополам. Мысль отдалась в её голове эхом, и она снова ощутила пульсацию в венах, будто зовущую её к убийству, но она смогла собраться и решила, что обижаться на робота как-то заведомо глупо.

– Знаешь, – она подошла поближе и посмотрела на него с вызовом, при этом облокотившись на один из сияющих стеллажей, – я вот тоже, когда сюда заходила, никак не ожидала увидеть робота.

– Я не робот, – обиженным голосом заявил её собеседник, – я силикат.

– А я не низкая, – теперь она говорила с вызовом, – я просто с планеты Вавилон, мы там все такие. Надо сказать, для своего народа я вполне себе хорошего роста.

Робот помолчал, словно осмысливая полученную информацию.

– Садитесь. – Он указал на кресло напротив, а потом и сам плавно опустился туда, где только что сидел.

Только вот у Вишну почему-то не было никакого желания садиться рядом с этой машиной, особенно до тех пор, пока она не выяснит, что за чертовщина здесь творится.

– Сначала извинись. Роботы не имеют права оскорблять людей.

– Не уверен, что роботы вообще могут кого-то оскорбить. – Он посмотрел на неё пустыми глазами, но что-то ей говорило, что его переполняют эмоции, если это вообще возможно. – Если я вас обидел, то можете быть уверены, в этом нет моей вины. Во-первых, мои базы данных имеют информацию о колонии номер 346-76-ВА под кодовым названием Вавилон, но только вот информации о мутациях местного населения колонистов у меня нет...

– Мутациях? – Бровь Вишну взметнулась вверх.

– Эволюционных, – дополнил робот не выдающим эмоций голосом, – однако карлицей вы тоже быть не можете.

– Вот же зараза... – прошептала в сторону Вишну.

– Строение вашего организма и комплекция тела практически полностью соответствуют моему эталонному представлению о человеке.

– Ну, хоть немного похвалил, и то спасибо. – Отпуская саркастические комментарии, Вишну оглядывала помещение и пыталась понять, в каком месте может быть запрятан нужный ей документ: кто знает, может, придётся уничтожить робота.

– Но при этом вы очень малы. – Робот поймал на себе очередной возмущённый взгляд девушки и сразу же решил дополнить: – Что отнюдь не оскорбление, а лишь констатация факта.

Вишну шумно выдохнула:

– Ладно, так и быть. – Она подошла к камину, который, как выяснилось, вообще не грел, а скорее всего, был просто иллюзорным, и села в предложенное ей кресло. – А во-вторых?

– Простите, что?

– Ты до этого говорил «во-первых». – Она будто разясняла начальную математику пятилетнему ребёнку. – А раз есть «во-первых», значит, должно быть и «во-вторых».

– Ах да, прошу прощения. – Силикат, казалось, сконфузился. – Мои создатели привили мне программу рассеянности, дабы я казался потенциальному собеседнику более человеческим.

– С таким лицом? – Вишну делано рассмеялась. – Ни за что в жизни!

– Я могу счесть это оскорблением?

– А разве мы тут не занимаемся тем, что систематически оскорбляем друг друга?

Робот снова задумался.

– Я вас понял. – Он немного подался вперёд, отчего Вишну вздрогнула и чуть не схватилась за рукоятку клинка. – Вы используете технику сарказма, коя не включена в мои коммуникационные базы. Мне очень жаль.

– Да ладно. – Вишну схватила с соседней полки небольшой томик, который оказался сборником сочинений некоего А. П. Чехова.

– Один из лучших писателей начала двадцатого века, если вы позволите мне высказать своё мнение. Вместе с такими гигантами, как Блок и Булгаков.

– Не слышала о таком, – проговорила Вишну и вернула книгу обратно, при этом приметив, что практически у каждого шкафа есть съёмная задняя панель.

– То есть создатели были правы, когда говорили, что будущие поколения, скорее всего, деградируют?

Вишну лишь недовольно посмотрела на непробиваемое лицо робота и произнесла:

– Так как насчёт «во-вторых»?

– Да, простите. – Робот откинулся на спинку кресла. – Вы должны понимать, что я провёл здесь четыреста с лишним лет и очень соскучился по людскому общению, так что имею свойство заговариваться.

Вишну лишь промолчала.

– Да, во-вторых. – Неужто она услышала разочарование в голосе силиката? – Вы должны понять, что мои создатели, перед тем как поместить меня сюда, дали мне абсолютно чёткие и непреложные указания, которые я обязан соблюдать под страхом демонтажа.

– Ну, насчёт этого можешь не волноваться. Уверена, все твои создатели уже давно умерли. – Вишну улыбнулась. – Но всё равно расскажи, что за указания.

– Они сказали, что дверь поддастся только землянину чистой крови.

– Пф, да твои создатели расистами были. – Она чуть не рассмеялась. – Или как называется нетерпимость исходной расы к своей производной?

– Я не знаю.

– Ладно, неважно. В любом случае меня изрядно напрягает их презрение к своим же колонистам.

– Уверен, что дело было совсем не в презрении, – робот на секунду мигнул одним глазом, – а в страхе.

– В страхе перед чем? – На этот раз Вишну и правда заинтересовалась. – Жао?

– Прошу прощения, но как раз эту информацию я и не могу вам передать.

– Но давай рассудим логически. – Она ещё ближе наклонилась к силикату. – Кто-то ещё пытался открыть эти двери?

– Да.

– У них получалось?

– Нет.

– А у меня получилось.

– С этим я не могу поспорить.

– Так не значит ли это, что я и есть человек чистой крови и мой... – она запнулась, – размер... не имеет к этому никакого отношения?

– В этом и есть вся загвоздка. – Робот продолжал сидеть неподвижно. – Мне нужно время для осмысления логической подоплёки моего будущего решения.

– А не могла твоя заповедная дверь просто сломаться?

– Это было бы самым простым решением проблемы, но не уверен, что оно правильно. Трансэлементарная технология, использованная при создании этого сейфа, как и всех остальных, работает безотказно.

– Но я прошла, – подытожила очевидное Вишну.

– Да. – Робот снова задумался. – Это тем более странно, что тот, другой, который сюда приходит каждый день, каждый раз терпит неудачу. А он ведь вполне адекватного роста.

– В смысле?! – Последняя реплика пролетела мимо ушей Вишну. – Кто приходил?

– Не могу сказать. – Силикат развёл длинными руками. – У меня нет камер внешнего наблюдения. Таким образом мои создатели хотели исключить формирование моего предварительного и, скорее всего, ошибочного мнения о потенциальном «избранном».

– Хорошо-хорошо... – Вишну вскочила с места и пошла по рядам книг, спешно читая их корешки в надежде найти хоть какую-то подсказку: Филип Дик, Альфред Бестер, Лев Толстой...

– Могу я узнать, что вы ищете? – Робот и не думал вставать, но зато его голова поворачивалась по кругу в соответствии с передвижением Вишну. – Кстати, я так и не узнал вашего имени. Рассеянность...

– Вишну! – бросила она и продолжила читать: Достоевский, Ключев, Пиренгсон, Кафка, Креолов... Никакого алфавитного порядка, просто хаос какой-то.

– Интересное имя, – отозвался силикат. – В честь индийского бога?

– Индийского что?! – Она встала и осмотрелась.

– Вишну – верховный бог в вайшнавской традиции индуизма. По поверьям, выполняет функции хранителя мироздания и является людям в виде...

– Так, погоди. – Она подскочила к креслу силиката и посмотрела прямо ему в глаза: – Это всё очень интересно, но скажи мне лучше другое: этот человек, который приходит сюда каждый день, – он был здесь сегодня?

– Нет, – мгновенно отозвался робот, и у Вишну мгновенно ёкнуло сердце.

Значит, если она хоть немного здесь задержится, то имеет большой шанс напороться на этого настойчивого искателя земных тайн, а стало быть, её раскроют и все усилия пропадут даром.

– Так, смотри. – Она обошла кресло и встала напротив робота. – Я ищу пергамент. Достаточно старый, с какими-то чертежами. Его должны были привезти сюда где-то лет сто назад, вместе с грузом книгопечатной контрабанды. Не знаешь, где он лежит?

– Прошу прощения, уважаемая Вишну, но я знаю каждый миллиметр этого помещения. – Голос робота звучал немного грустно. – Но никогда не видел здесь никакого пергамента.

Вишну хотела что-то сказать, но силикат её опередил:

– Более того, никто не вскрывал это помещение вот уже четыреста тридцать один год и шесть месяцев.

Она повесила голову.

– Послушай, – она схватила робота за плечи, чему тот совсем не сопротивлялся, а наоборот, склонил голову набок, будто был заинтригован её поведением, – я проделала чёрт-те какой путь через несколько солнечных систем, провела несколько дней в локальных справочных службах, меня чуть не изнасиловал урод с золотыми зубами, и теперь ты мне говоришь, что пергамент спрятан где-то ещё?!

– Я этого не говорил, уважаемая Вишну. Я лишь сказал, что здесь нужного вам документа нет. Это не одно и то же.

– Тогда почему местный компьютер указал мне именно это местоположение, а не какое-либо другое? Очередная ошибка?!

Ответом ей была очередная доза молчания.

– Ну?! – Она тряхнула силиката так, что тот моргнул и застонал.

– Прошу вас, осторожнее! – Робот заговорил чуть ли не обиженно. – Я, может, и кажусь хорошо сложенным, но сотни лет непрерывного функционирования кого угодно приведут к сбою...

– Не ной, ты же робот! – Она старалась говорить спокойнее, но в каждую частичку её тела будто вонзили по игле.

– Силикат, – поправил её собеседник. – Здесь я тоже не виноват, так как дело в эмоциональном чипе, которым меня снабдили мои создатели...

– Да что ж такое-то! – чуть не закричала Вишну. – Ну почему из всех загадок древности мне попала самая никудышная!

– Мне счесть это за оскорбление?..

– Отвечай на вопрос!

– Да, простите... Какой компьютер вы имеете в виду? – Силикат брезгливо взглянул на руки Вишну, которая все ещё цепко держала его за плечи. – Но давайте мы успокоимся. Я понимаю, что у вас могут быть определенные обстоятельства, которые вынуждают вас спешить и нервничать, но, поверьте мне, таким образом мы ничего не добьемся. Хотя ваша нетерпимость очень напоминает мне моих создателей.

– Ах! – Она почувствовала себя как-то неловко оттого, что так быстро всплыла: раньше за ней такого не наблюдалось, ибо реноме одной из лучших воровок в Галактике поддерживалось не только её навыками, но и психической уравновешенностью. – А нам-то всегда описывали землян как непогрешимых и непорочных богов, которые не способны на такие детские эмоции. Но я всегда знала, что это лишь куча навоза, и ничего более.

– Богов, говорите? – Робот, кажется, расслабился и снова откинулся на спинку кресла. – На самом деле интересное и вполне точное сравнение.

– Да ну. – Вишну внезапно захотелось закурить, хотя никогда в жизни она этого не делала: как там Кара? Она тут четвёртый час гуляет, а девочка там, наверное, уже волнуется и места себе не находит от страха. Хотя нет, вряд ли: натерпевшись такого, как Кара, можно перестать бояться всего на свете. – Просто они тебя создали, вот ты их и обожествляешь. Им, как и всем нам, ой как далеко до богов.

– Смотря как на это посмотреть. Если провести параллельный анализ всех религиозных и сакральных трудов, которые я прочитал, то две основные функции божественного начала можно свести к созиданию и, противоположно, разрушению. Бог создаёт Землю и человечество, в то время как его антагонист, Дьявол (как общесобирательный образ), ищет все возможные пути, дабы это творение пошатнуть и разрушить. Точно так же и человек: одна его часть создаёт удивительные и поражающие воображение вещи, в то время как другая из зависти либо из-за собственного уязвленного чувства самолюбия ставит целью своей жизни уничтожить их.

– Слишком общо мыслишь. – Она положила ногу на ногу. – Ты просто взял мириады теорий и убеждений, над которыми человечество билось целыми веками, и свёл их к двум предложениям. Примитивненько, не скажешь?

– Отнюдь. – Силикат говорил с еле заметным энтузиазмом. – Разве вы, Вишну, никогда не слышали о принципе упрощения?

– Нет. – Она улыбнулась.

– Жаль. – Робот покачал головой. – Ибо на нём была построена львиная доля передовой науки перед вторжением Жао.

Вишну хмыкнула.

– Он гласит, что то или иное понятие лишь тогда становится правильным и легко объяснимым, когда оно лишено ложных смыслов и избыточных описаний. – Он протянул руку и взял со стола ту самую книгу, которую он до этого читал. – Скажите мне, что это.

– Книга. – Она пожала плечами.

– Да, но что такое книга?

– Не знаю. – Вишну нахмурилась и решила сказать первое, что пришло в голову: – Текст на бумаге.

– То есть любая книга должна быть выполнена из бумаги? – Робот вопросительно посмотрел на Вишну, но та лишь покачала головой, снова чувствуя, что её разум наполняется нетерпимостью. Какого чёрта она сидит и выслушивает всю эту дребедень? Силикат же тем временем продолжил: – То, что ты видишь на полках, – лишь малая толика того, что хранится в этой Библиотеке: большинство трудов представлено на картах, планшетах, спицах и... – он постукал пальцем по голове и раздался еле слышный стук, – у меня в голове. Попробуйте ещё раз.

– Вместилище знаний. – Пока он говорил, она уже успела продумать ответ.

– Ближе, но давайте теперь попробуем ответить на вопрос: зачем нужны книги?

– Чтобы... – Она на секунду задумалась. – Чтобы один человек... донёс свою мысль до другого.

– Вот! – Голос силиката звучал очень взволнованно: эмоциональный чип определённо работал на полную катушку. – Мы докопались до сути вещей: книга не всегда содержит в себе знания, но всегда – информацию. То есть если отбросить в сторону все ложные смыслы, то получится примерно так: книга есть средство передачи информации. Вот как работает принцип упрощения. – Он торжествующе посмотрел прямо на Вишну. – Ну неужели не гениально?!

– Гениально... – Она возвела глаза к небу. – Так зачем мы вообще про это завели разговор?

– Мы говорили о боге.

– Нет, я лишь спросила тебя, почему местный информационный компьютер указал мне это местоположение, когда я задала ему нужные мне координаты. А ты внезапно перевёл тему разговора в астральную плоскость: а у меня ребёнок на улице ждёт...

– Подождите, Вишну, мы к этому подходим, и это очень важно, так как сейчас не только вы докапываетесь до сути, но и я тоже. – Она могла поклясться, что у него в голосе послышались капризные и умоляющие нотки.

– Ладно, давай. Что там у тебя про богов?

– Да, именно из-за принципа упрощения я имею полное право назвать человека богом в своей стезе. Вот скажите мне, какова главная функция бога?

– Созидание, мы это уже обсудили...

– Правильно. – Он говорил заметно быстрее, явно поглощённый своими же рассуждениями. – А теперь давайте посмотрим на человечество в общем и целом, а особенно — до вторжения Жао. Оно продвинулось в науке до высот, что не снились ни одному известному организму в Галактике, вышли в космос и построили циклопические станции и даже искусственные планеты... Проще говоря, они создавали миры. Но что самое главное... – Тут он внезапно запнулся и по-птичьему дернул головой. – Главное... Что...

– Что?! – Она насторожилась: не хватало ещё, что этот горе-философ не сломался прямо сейчас, после четырёхсот лет ожидания.

– Они... Они создали...

– Ну давай, не вздумай замыкание устраивать!

– Нет, не замыкание... – Он задумался, а потом посмотрел на Вишну так, будто внезапно прозрел и осознал весь смысл своей жизни. – Моя программа запрещает говорить мне на эту тему... Я пытаюсь как-то сформулировать мысль, но программа пресекает все мои попытки объяснения...

– Ну, хоть абстрактно давай. – Вишну это начало серьёзно надоедать. Она готова была уже встать и уйти, но что-то внутри ей подсказывало, что они уже близки к ответу.

– Мои создатели... – Он снова запнулся. – Мои создатели называли это... называли...

Он снова дернулся, чем заставил Вишну вздрогнуть: выглядело это так, будто у человека начинаются эпилептические конвульсии.

– Тёмная тайна. – В воздухе повисла многозначительная тишина. – Они всегда называли своё последнее творение Тёмной тайной.

– Не особо информативно, – заметила Вишну.

– Всё, что есть. – Робот вернулся в привычное русло поведения. – Тёмная тайна явилась вершиной их творения, но при этом – и причиной их гибели. Они и сами это понимали, а потому поместили меня сюда за десятилетия до вторжения Жао. Посему я до сих пор не был в курсе, выжил ли кто-нибудь из коренного населения Земли.

– Выжили, – ответила Вишну, – но давай об истории планеты после Жао мы поговорим на втором свидании, а пока... Пстой... – Она поняла, что что-то в истории робота не сходилось. – Ты сказал, что люди знали о том, что Жао вторгнутся на планету...

– Да, – кивнут силикат.

– Но это не так. Современные учебники и справочники утверждают, что Жао пришли неожиданно, и именно поэтому мы не смогли оказать им должного сопротивления.

– Прошу прощения, – он мотнул головой, – но это не так. Флотилию Жао засекли ещё за тридцать лет до её прибытия. В связи с этим организовали спасательную операцию «Созидание», в результате которой создали человеческий резерв на случай исчезновения планеты.

– Что?! – Она чувствовала, что все её представления о мире рушатся. – Какое «Созидание»? И как могли люди засечь Жао, если программа по предопределению вторжения была введена лишь сто пятьдесят лет назад...

– Вишну, – он немного помолчал, – программа предопределения вторжений работала ещё за пятьдесят лет до Жао...

Она даже не смогла ничего ответить: все известные ей исторические факты оказывались заведомо ложными. Перевираание истории не редкость, но здесь дело пахло заговором: ведь о программе предопределения вторжений нет ни слова ни в источниках того времени, ни в новостных выпусках Довторженческого периода... нигде. То есть их обманули не сейчас, а сотни лет назад, утаив от людей информацию о Жао и таким образом обрекая их на гибель. И что это за Ковчег? Средство выживания для богатеньких сынков олигархов, политиков и священников?

– Слушай, – она говорила сквозь мысли, а потому голос получился отстранённым, – ты не возражаешь, если я расскажу о тебе в Женевском университете? Уверена, наши ученые-историки заинтересуются тобой и той информацией, которой ты обладаешь.

– Я буду только рад, особенно учитывая тот факт, что дверь уже открыта и больше не закроется. – Он помедлил. – Но скажите мне, Вишну, вы говорите о Женеве, которая находится на Земле, в Европейской Республике?

– Э-э-эм... – Определённо, у силиката очень отсталые понятия о родной планете его создателей. – Давай по порядку. Во-первых, Земля теперь совсем не Земля, а Та-Кемет. Насколько мне известно, новое название планете дали, чтобы не ассоциировать её с эпохой Забвения, когда человечество чуть не вернулось к первобытным временам, а всё благодаря захватившим власть религиозникам... Я не буду в подробности вдаваться, уж прости.

– Интересно, – пробубнил робот, – надо будет побольше времени уделить этому периоду.

– Во-вторых, никаких республик теперь нет: есть только объединённое государство Та-Кемет со столицей в городе Женева.

– Ещё интереснее...

– Не говори! – Вишну поджала губы. – И, в-третьих, да, мне нужно туда попасть и доставить этот чертов свиток.

– Невероятно... – Робот снова подался вперёд. – А теперь очень важный вопрос: что должно быть в этом свитке и куда вы намереваетесь полететь на Земле, чтобы его доставить?

Теперь настал момент истины: стоит ли рассказывать роботу о своей миссии или нет? С одной стороны, он может, наконец, убедиться, что ей надо помочь, и выдаст ей этот злополучный документ, но, с другой стороны, он может постараться уничтожить её, – ведь никто не может точно предсказать, как именно он запрограммирован. На всякий случай Вишну неза-

метно ухватила левой рукой за клинок, почувствовав, как каждая ее мышца наливается кровью, будто готовясь к решающему удару.

– Буду откровенна. – Она говорила медленно и отдельно, чтобы в нужный момент понять реакцию силиката. – Это не просто свиток, а чертёж. Старый, как раз времён вторжения Жао. Если верить моему контакту, то в нем указано схематическое расположение входов в Москву.

Силикат молчал. И не двигался.

Просто продолжал сидеть в своём кожаном кресле с большими вдавленными пуговицами и смотрел в какую-то точку пространства, уловить которую Вишну никак не могла. В любой момент он мог вскочить и обвить свои длинные руки-лианы вокруг её шеи, дабы передавить ей горло и одновременно переломать все кости. Причём ему это будет сделать не сложнее, чем обломить тоненькую веточку.

– Вы говорите правду, – процедил робот.

– Всё-таки можешь мысли читать?

– Ну что вы, – странно, но Вишну могла поклясться, что робот аккуратно хохотнул, – синапсы органического мозга для меня – настоящий тёмный лес. Но вот отличить ложь от правды я точно могу.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Я в замешательстве. – Он помолчал, скрестив пальцы и задумавшись. – Одно могу сказать вам точно: никакого свитка и тем более Стены не существует. Вход туда открыт всем, кто только обладает старинным знанием.

– Это как?! – И без того большие глаза Вишну округлились так, что теперь занимали одну шестую лица. – Стену же видели тысячи свидетелей, она определённо есть... И что это вообще за старинные знания? – Какой-то прямо сюжет из дешёвого кино.

– Мои создатели были странными богами, но вот дураками они определённо не были. – Он оглянулся и снова посмотрел на Вишну. – Стена есть, но её нет – и это лишь первый ключ для прохода в Москву. В довесок же к этому мои создатели оставили след: своеобразную цепочку персонажей, документов, артефактов, – всё для того, чтобы вы или ещё кто-нибудь могли найти меня или другой похожий анклав земной культуры. Именно здесь и хранятся старинные знания.

И вот тут он вскочил: рефлекс сработал мгновенно, и запевшее лезвие Вишну уже мчалось на пути к голове робота, – ведь именно там обычно микропроцессоры размещаются, не так ли? Однако что-то произошло, Вишну даже не смогла осознать что, будто на совсем микроскопический миг время застыло, и в этот же момент она уже стояла безоружная и смотрела на то, как силикат оглядывает её клинок, при этом вертя его в руках так, будто увидел некий реликт.

– Интересное оружие. – Он осмотрел эфес. – Внеземное происхождение определённо, ибо в составе есть элементы, недоступные ни нашей планете, ни одной из колоний. По крайней мере, из тех, что я знаю. Но всё равно странное орудие. Даже не пойму, что с ним не так... – Он поднял взгляд на Вишну и передал ей клинок обратно. – Будьте с ним осторожны.

Вишну неохотно взяла клинок за эфес, ощущая одновременно стыд и отвращение к самой себе. Почему она вдруг прыгнула на него? Силикат же никоим образом ей не угрожал...

– Прошу прощения, что я так резко вскочил. – Робот же, казалось, вообще не расстроился. – За время моего уединения я не раз обдумывал, что новые люди могут негативно отнестись к искусственному разуму вроде моего, а потому отточил этот небольшой фокус по обезвреживанию и обескураживанию потенциального обидчика. Надеюсь, вы не расстроились?

– Разве что по другой причине. – Она чувствовала себя глупо, но это нужно было сказать: – Мне правда жаль, я не хотела...

– Мои нейроны радуются, когда я слышу, что человек относится ко мне как к живому. – Он пожал плечами. – Кстати, хорошие рефлексy: я почти не успел.

С этими словами он развернулся и уверенной походкой пошёл в сторону противоположного шкафа. Там у него прямо из воздуха в руках образовался прозрачный и тонкий, как лист бумаги, пульт, на котором он прочертил несколько символов длинными и гибкими пальцами. В результате послышался шелчок, и через несколько секунд он уже возвращался к Вишну, грациозно, будто цапля, ступая по полу, при этом издавая цокающий и скребущий звук. Силикат, бросив на неё пустой, но такой выразительный взгляд, протянул в её сторону руку, в которой был зажат длинный, продолговатый предмет, напоминавший старое оружие Вишну – энергетическую спицу. Только эта вещь будто была выполнена из какого-то драгоценного камня вроде сапфира – она переливалась всеми оттенками синего и, казалось, вмещала в себя цвета и даже атмосферу тёмного предгрозового неба.

– Пойдите. – Он снова притянул к себе спицу и провернул её в руках. – Нужно повернуть вот здесь. – Он показал на ту часть предмета, где синее сияние переходило в алебастровую тьму, и в этот же момент по нему побежали линии, постоянно прерывающиеся и скачущие, подобно человеческому сердцебиению. Силикат снова провернул «нижнюю» часть спицы, и всё прекратилось. – Как я уже говорил, никакой стены нет, но лишь для того, кто обладает этим. Врат тоже нет, ибо вся стена – это Врата.

– Но как же так может быть. – Она, как зачарованная, приняла спицу из рук робота, буквально ощущая, как её свечение пронизывает её насквозь. – Что что-то иллюзорное может сбивать катера и даже военные корабли...

– Я ничего не говорил про иллюзорность, я бы вас просил не искажать мои слова себе же во вред. Стена одурачивает и влияет на разум, так как так хотели мои создатели. – Он подбоченился. – Однако этот сердечник позволит увидеть вам правду – ту, в которой Стены нет вообще. Это и будут ваши врата.

– Хм-м... – Она взвесила сердечник в руках и с недоверием посмотрела на силиката: – Знаешь, как-то сложно всё это воспринять. Я шла сюда с определенной целью и установкой, а ухожу... ухожу с одной из самых загадочных вещей, которую мне только приходилось видеть.

– Уверен, что увидеть меня вы тоже не ожидали, – как-то слишком весело сказал робот, – но я здесь.

– Да, – Вишну улыбнулась, – и мне даже не пришлось ничего красть.

– Это точно. – Они немного помолчали. – А теперь идите, Вишну, вас ждёт ваша девочка. Однако я прошу вас не забывать обо мне: я буду до последнего синапса защищать наследство нашей общей родины, пока сюда не прилетят ваши учёные и не займутся изучением всего того, что скрывает этот анклав знаний.

Вишну улыбнулась и хотела что-то сказать, но вместо этого задала вопрос, который так и вертелся у неё на языке:

– Что я найду в Москве?

– Тёмную тайну, – мгновенно ответил силикат, указывая ей на выход.

Она уже подходила к призрачному барьеру, как вдруг снова услышала его голос:

– Осторожно, Вишну. Тот человек, о котором я вам говорил, – он здесь. Ждёт вас.

Она почему-то другого не ожидала, а потому просто грациозно кивнула, положила руки на эфесы клинков и уверенно прошла сквозь барьер.

Кого она ожидала увидеть? Логика была проста – единственного человека, которого встретила за время своего променада по Библиотеке Щаклака: того самого неприятного типа из-за игрального стола. Он с самого начала отнёсся к ней с подозрением, тем более что зачем вообще человеку устраиваться на работу в такое богом забытое место? Жители Та-Кемета фактически всегда могли рассчитывать на лучшие рабочие места, ибо ещё с незапамятных времен

они ценились по всей Галактике как очень адаптивная и смышленная раса, при этом мало подходящая для механической и силовой работы. Так что устроиться уборщиком или прислужником щаканагов человек мог лишь с одной целью – постоянно находиться рядом с дверями анклава, каждый день пытаться удачу, дабы разбогатеть, обрести могущество и получить запретные ныне знания. Интересно, конечно, как этот хам нашёл сюда дорогу и как смог найти все те подсказки, кои разбросали по Галактике древние земляне, но Вишну сомневалась, что у неё будет время на разговор.

Однако то, что она увидела в морозной темноте прилегающего к анклаву помещения, повергло её не то чтобы в шок, но в крайнюю степень удивления точно. Мало того, что это оказался не её недавний хамский знакомый, так это ещё и не человек был вовсе.

Перепутать встреченного ей инопланетянина нельзя было ни с кем: трёхглавый и трехрукий пришелец силуэтом вырисовывался на фоне открытых дверей, а его безумное хихиканье отражалось от стен и заполняло собой всё помещение. Он немного пританцовывал, видимо, тем самым выражая свою радость, а из его правого кармана торчала та самая удочка, которой он что-то пытался поймать в мусорном коллекторе. Похоже, силикат и правда барахлил, так как отличить человека от такого инопланетного подвида мог даже самый примитивный опознаватель современности. Однако это не отменяло того, что Вишну сейчас грозила опасность, – а вот серьёзная или не очень, это было ещё под вопросом. Один клинок уже был на свободе, а её кошачье тело уподобилось пружине, готовой в любой момент сработать и бросить её вперёд, навстречу сражению. Она буквально чувствовала, как в ней вскипает кровь, но сейчас старалась как могла, чтобы закончить назревающий конфликт мирно. Вишну хотела уже что-то сказать, как вдруг послышался голос, которого она никак не ожидала услышать:

– Я ведь знал, что ты здесь не просто так! Я-то знал, знал, знал, знал... – Смешного инопланетного акцента как не бывало: на неё изливалась настоящая кеметская речь, без какого-либо намёка не то что на инопланетность, но даже на колониальное происхождение говорившего. Однако его язык заплетался, и он часто заговаривался, проглатывая окончания и повторяя по несколько раз одно и то же: – Но почему, почему ты?! Ты ведь даже не чистая... не чистая, да... Почему ты?!

Но дальше – больше: в один момент она видела перед собой несуразного пришельца с бессмысленным набором конечностей и огромным ухмыляющимся ртом разросшейся жабы, а в следующий – перед ней оказался длинноволосый мужчина в поношенном военном комбезе, не слишком-то отличавшемся от того, который сейчас был надет на Вишну. «Исказитель восприятия», – поняла она, но это объяснение поднимало ещё больше вопросов, нежели давало ответов: технологию производства этих приборчиков утратили после эпохи Забвения, так что современные правительства и регулярные армии использовали лишь те, что смогли сохраниться в рабочем состоянии до наших дней. Это означало, что их чрезвычайно мало и все они наперечёт: даже на чёрном рынке достать хоть одну штучку искажителя фактически невозможно. Так что откуда он у этого безумца? Даже если предположить, что он кеметский военный, что сомнительно ввиду устарелости его обмундирования, то Вишну точно знала, что искажитель не входит в их набор гаджетов: они созданы не для шпионской работы, а для убийства. Он же продолжал говорить:

– Они же выбрали меня... Выбрали! – Если бы не постоянно бегающие жёлтые глаза и не высовывающийся и облизывающий губы язык, он был бы вполне симпатичным мужчиной: с крупным носом, благородной щетиной и правильными чертами лица, – по крайней мере, так показалось Вишну (хотя можно предположить, что в последнее время она так много общалась с инопланетянами, что теперь каждый мало-мальски адекватный человек мужского пола казался ей красавцем).

– Кто тебя выбрал? – Она старалась говорить спокойно и размеренно: если он и правда безумен, то его можно просто убедить в том, что она друг. Некоторое время назад она доста-

точно увлечённо читала книги по человеческой психологии и соответствующим заболеваниям, так что знала пару трюков воздействия на таких, как он. – Расскажи мне.

– Они! – Он показал длинным мясистым пальцем в потолок. – Они пришли и рассказали про это место... они пришли и рассказали, что я могу! – Он усмехнулся, обнажив на удивление белые и ровные зубы. – Что я могу пройти сквозь!

«То есть некая раса пришельцев обратилась к комету, дабы тот открыл им доступ к тайнам Земли прошлого», – мысли безумцев всегда нужно интерпретировать.

– Они сказали... они сказали, что я коренной. Сказали, что я открою, сказали, что мне позволят... Надо стараться! – Он ухватился руками за голову, и в то же время с его лицом произошли значительные изменения: песочные глаза перестали бегать по сторонам и целеустремленно сфокусировались на Вишну, а речь стала гораздо более связной и осмысленной. – И ты думала обмануть меня? Да как только я увидел твоё уродское тело на этой трубе, я сразу понял, что сегодня мне улыбнётся удача.

Ну да, оскорбления – чего ещё ждать Вишну от этого невротика. Однако она снова почувствовала, что перед ней стоит уже не тот человек, что раньше: будто его снова подменили, забрав из него все безумие.

– Им ведь необязательно знать, что дверь открыла именно ты. – Безумец начал угрожающе надвигаться на неё, а в правой руке мелькнуло что-то блестящее. – Я просто скажу, что дверь наконец поддалась и открыла мне свои тайны. Ведь так тоже может быть: я усердно работал, дабы добиться её признания.

– Делай что хочешь. – Она пожала плечами. – Я лично собираюсь уходить и предпочту, чтобы ты мне не мешал. Не претендую ни на одну книгу.

– Нет-нет, всё не так просто. – Он даже языком поцокал – ну что за тип? – Начать стоит с того, что ты свидетель. Да, твой ограниченный разум вряд ли нашёл что-то ценное в этом хранилище тайн, но, с другой стороны, когда ты узнаешь о моем возвышении, то, скорее всего, ты заявишь свои права на мои же знания...

– Делать мне нечего! – воскликнула Вишну.

– Ага, заговаривай мне зубы, давай! – Кометец немного разжал руку, и она разобрала нечто вроде сложенной сетки, сиявшей ярким красным светом. – Во-вторых, ты, конечно, тупа, как и все колонисты, но, скорее всего, всё же прихватила что-то с собой. Мечтаешь сбыть на грязном чёрном рынке, не так ли? – Он чуть не зарычал. – Дай мне свой портфель.

– Нет, – просто ответила Вишну, и так вымотанная разговором с силикатом, – я не хочу драться с тобой, но если ты не дашь мне пройти, то мне придётся.

– Рюкзак, – он будто и не слышал её, – немедленно. Брось к моим ногам.

Вместо ответа Вишну угрожающе поднесла клинок к глазам и наполовину вынула второй: если он и правда военный или когда-либо был им, то определённо придётся туго. Он же лишь в очередной раз рассмеялся:

– И скажи мне, как так вышло, что я, человек благородных и богатых земных корней, провёл в этой поганой дыре целых два года... Два года в образе этого уродства, отброса космоса! А ты... Ты. Карлик с никому не нужной и всеми забытой планетки...

Но он не успел договорить: Вишну смерчем метнулась в его сторону, размахивая клинками в строгой последовательности, создавая ими настоящий смертоносный вихрь. На его же лице снова заиграла улыбка, и он, сделав выпад вперёд, полностью разжал ладонь, выпустив в сторону Вишну нечто вроде длинного огненного кнута, конец которого венчал шипастый шарик, который с лёгкостью пробил бы череп любого человека. Вишну, увидев летящий в её сторону смертоносный снаряд, чудом смогла перенести вес на левую ногу и уйти вбок. Однако, к её удивлению, на этом всё не закончилось, и кнут, изогнувшись в воздухе и описав нереальную дугу, обвязался вокруг её ноги, обжигая и разрезая кожу остро наточенными шипами. В последнем скачке вперёд она метнула клинок в человека, но тот лишь отступил в сторону, и

лезвие улетело в ярко освещённый зал Библиотеки. Вишну повалилась на пол, и всё её существо пронзил нестерпимый холод: если бы не удачно найденный ею комбинезон, то она бы враз окоченела.

– Убого. – Она почувствовала его дыхание у себя на шее. – Так дерутся карлики у вас на планете?

Она молчала, в душе пытаясь понять, как же ей выбраться из сложившейся ситуации.

– Теперь давай-ка взгляну. – Он протянул руку за рюкзаком, и девушка почувствовала, как по её лицу заскользили его длинные пряди на удивление чистых и ухоженных волос. Идея пришла настолько спонтанно, что Вишну даже не успела обдумать её релевантность: она взбрыкнула, преодолевая растущую боль в ноге, и укусила его за ухо, почувствовав на языке железный привкус крови. Противник не то чтобы взвыл, но замычал и яростно тряхнул головой, что явилось большой ошибкой – Вишну услышала хруст, по губам потекла тёплая и густая кровь, а кометец уже откатился прочь, держась за кровавый ошметок того, что раньше было его ухом. При этом кнут он тоже выпустил из рук, и Вишну почувствовала, что хватка на её ноге заметно ослабла. Пара пассов рукой, и она уже встала на ноги и быстро поковыляла на выход, не забыв подобрать с пола обронённый клинок. Второй тоже надо было найти, но сейчас не до этого: скоро он очухается и будет ещё злее, чем прежде: а, как она уже убедилась, кометец оказался очень опасным антагонистом. Благо, его кнут теперь болтался у неё на поясе.

Она выбежала в тёплый и яркий свет Библиотеки и сразу заметила, что на тех местах, где комбинезон соприкасался с перчатками, образовались холодные ожоги, уже начинавшие стягивающе зудеть. Более того, прилепленные к её рукам и ногам липучки рассыпались в прах от таких перепадов температуры. Но, что хуже всего, и она только сейчас это поняла, – со всех сторон её обступали щаканаги, видимо заслышавшие грохот открывающихся дверей и недавней борьбы, стянувшиеся, дабы наказать совершивших святотатство в их праздник. Они медленно и угрожающе подкатывались, каждый с раскрытыми глазами, будто считывающими её мысли и самую душу. Странно, что они до сих пор не пустили в ход свои гипнотические способности, но лучше уж так, а то её давно разорвали бы на кучу маленьких частичек. Вишну подбежала к краю платформы и посмотрела на уходившие вниз стены из книг... Если достаточно разбежаться, то...

– Мразь, – окровавленное лицо её противника сверкало настоящим бешенством, – запомни имя того, кто тебя убьёт!

Она видела, как к нему подкатился щаканаг, ошетилившийся несколькими угрожающими щупальцами, но тот лишь сделал пасс рукой со светящейся рукояткой, как ничего не ведающий инопланетянин развалился надвое, явив миру свои источающие пар внутренности.

– Марл! – Кометец орал так, что его, наверно, услышали на всех этажах Библиотеки. – Запомни это имя, ибо оно будет вечно преследовать тебя после смерти!

Ещё одно неизвестное оружие, о существовании которого Вишну даже и предположить не могла: невидимый меч?! Что это вообще?!

– Да ну его на... – И она практически без разбега прыгнула в пустоту, в надежде долететь до ближайшего стеллажа.

Полёт длился целую вечность – воздух разметал её длинные волосы, и секунду она вообще ничего не видела. Но краем глаза она всё же заметила, как преследователь ринулся за ней следом, по пути нанеся смертельный удар ещё одному щаканагу. Те решили больше не рисковать, и ни один не приближался к Марлу, пока тот не спрыгнул вниз. Бежать не имело смысла – безумец будет преследовать её до самого конца планеты и сквозь бесконечные пространства.

Наконец Вишну спикировала прямо к стеллажу и с громким криком больно врезалась в его древометаллическое основание. Вниз посыпались книги, среди которых она успела приметить пару на языке, очень похожем на галактический. Скорее всего, что-то колониальное...

Только вот бумага ей показалась слишком уж глянцевой... Хотя о чём она вообще думает в такой момент! Послышался грохот, и, поглядев наверх, она увидела, что Марл приземлился чуть повыше, в результате чего в воздух взвился торнадо из рваных листиков с глифовыми записями. Вишну, держа одной рукой готовый к бою клинок, а другой хватаясь за основание стеллажа, поползла вниз, стараясь добраться до единственной платформы, пересекавшей зал аккуратно посередине. Там она сможет дать ему бой без посторонних свидетелей и вмешательства щаканагов. Но, чёрт возьми, как же он был ловок: казалось, что комета не спускается по стеллажам, а просто перепрыгивает вниз, вовремя хватаясь руками и придерживая себя от падения ногами.

– Чтoб тебя! – прошептала Вишну, стараясь ускориться, но Марл всё равно упорно её догонял.

Когда же расстояние между ними значительно сократилось, он взмахнул рукой, и прямо ей в глаза полетели бумажная пыль и обугленные страницы, рассеченные невидимым мечом. Она решила не оставаться в долгу и рубанула клинком прямо по свае, на которую в этот момент опирался Марл. Он издал бешеный крик и, потеряв опору, пролетел мимо неё, выпустив из рук рукоятку своего орудия. Он, конечно, не упал, а успел ухватиться за очередную полку, но Вишну теперь была выше, что давало ей определённое преимущество. Она запустила руку в рюкзак и извъяла оттуда энергетическую спицу – свой последний запас. Оставалось лишь хорошо прицелиться... прямо в голову...

В этот миг Марл встретился с ней глазами. Она замерла. Жёлтые глаза её противника пылали ненавистью, но было в них и ещё что-то – какая-то сомнамбулическая целеустремленность, будто он всё это время пребывал в оцепенении, выполняя чью-то далёкую и жестокую волю. Там плескался и страх – это определённо был он, но похороненный под сотнями других, противоречащих друг другу эмоций...

Его рот раскрылся в безумном крике ненависти и безумия, в то время как Вишну запустила в него свою пылающую разрядами электричества спицу. Он хотел отклониться, но не успел, и парализующая спица воткнулась прямо в его плечо, отчего Марл издал дикий крик и на секунду ослабил хватку. Вишну же только этого и надо было: её нога метнулась к нему с невероятной скоростью и врезалась прямо ему в голову.

Марл пролетел метров пять, прежде чем рухнул на прозрачную платформу, забрызгав ту кровью и слюной. Он уже не двигался, но Вишну слышала его причитания: не злобные и ненавидящие, но те, что она слышала до этого, – будто принадлежащие безумному и одержимому шизофренику.

– Не может... они же... я был выбран... выбран ими... они... они... – Под эти слова Вишну ловко спрыгнула со стеллажа и подошла к умирающему.

Странно, но она понимала, что только что дралась не с ним, но с кем-то другим, кто вселился, или же, скорее, кто управлял его телом. Она встала на колени и посмотрела в его золотистые глаза – на секунду она поняла, что в своё время он был очень красивым мужчиной, скорее всего, настоящей военной гордостью, одним из тех, чьё лицо помещают на агитационные плакаты. Она сама не поняла, как её влажная и трясущаяся ладонь легла на его окровавленную щеку. Его взгляд остановился на её лице, и впервые она увидела в его нём что-то ещё, кроме ненависти и страха.

– Убей... убей... – Она не слышала этих слов, но видела, как двигаются его губы.

Она потянулась за лежавшим рядом клинком и поняла, что их со всех сторон окружили щаканаги, кои с гробовым молчанием следили за происходящим. Что же – и пусть. Если её смерть уже предопределена, то, по крайней мере, именно она исполнит последнюю волю этого умирающего бедняги. Кончик лезвия упёрся прямо в сердце Марлу, и она увидела просящее выражение его глаз.

Он кивнул.

Она нажала на эфес клинка.

На секунду в его глазах появилась давящая агония, быстро сменившаяся упокоением. Марл больше не двигался.

Вишну выпрямилась, по пути убирая окровавленный клинок в одинокие ножны и почему-то сразу подумав о том, что второго клинка она так и не найдёт. Огромные глаза щаканагов следили за каждым её движением, но в них не читалось ни ненависти, ни обиды, ни ярости за осквернение их священного праздника. В них не было абсолютно ничего. Она гордо смотрела на них, пытаясь как-то совладать со своим скорострельно бьющимся сердцем и вкопец сбитым дыханием.

– Я не буду драться, – произнесла она тихо, – я слишком устала. – И правда, она ощущала, что ноги вот-вот подкосятся, и она упадёт на холодный и неприветливый пол. – Делайте что хотите.

Один из щаканагов медленно подполз к ней и выпустил на волю извивающееся щупальце, усеянное маленькими точечками и чем-то вроде бородавок. Ей захотелось зажмуриться, но гордость не позволяла, и она решила смело смотреть в лицо своей смерти.

Щупальце оказалось на удивление тёплым – её комбез позволял осязать окружающий мир прямо сквозь ткань, так что когда щаканаг коснулся её плеча, она живо это почувствовала. Но Вишну не ощутила ни боли, ни давления, – щупальце лишь аккуратно её поглаживало, будто щаканаг боялся нанести ей какой-либо вред. Вишну вздрогнула и посмотрела прямо в глаза странному существу: его взгляд светился кротостью и каким-то восхищением, а аляповатый рот изогнулся кривым полумесяцем блаженной улыбки. Губы щаканага разомкнулись, и Вишну услышала то, отчего по её спине побежали мурашки:

– Ты – она. – Слова пришельца было очень сложно разобрать, так как он говорил густым и томным басом, при этом будто постоянно выдыхая воздух, но всё же Вишну устало кивнула.

Вполне возможно, что сейчас она стала первым человеком, кто впервые услышал, как щаканаги говорят на общегалактическом, но она настолько устала и измучилась, что хотелось лишь поскорее уйти отсюда. Тем более что израненная кнутом нога наконец дала о себе знать и заболела так, что впору истерически закричать.

В это время по толпе пришельцев пронёсся гул удивления и почтения, выразившийся в одном-единственном слове:

– Она! Она! Она! – Это слово повторялось со всех сторон и во всех направлениях, волной распространяясь по Библиотеке и перекатываясь от находящегося внизу алтаря до самого небесного купола.

Те же, кто стоял рядом с ней, расступились, давая ей дорогу и формируя настоящий живой коридор.

Вишну лишь снова кивнула и, тяжело хромя, пошла на выход, ощущая, как то с одной, то с другой стороны к ней неистово тянутся благоговейные щупальца одних из самых загадочных существ в Галактике – щаканагов.

Заходящее щаклакское солнце на секунду ослепило её, но потом сразу же скрылось за горизонтом, осветив городские трущобы манящим золотистым светом. На всём пути до выхода из Библиотеки она ощущала, как её касались и поглаживали чуть ли не падающие ниц инопланетяне. Она не хотела задаваться вопросами, как и почему, но что-то подсказывало ей, что это их поведение связано с тем, что она открыла дверь, что стояла закрытой сотни лет и стала для них чем-то вроде святыни или алтаря. Настоящая мечта любого местного аборигена – кладёзь книг, недоступных не только им, но и всей Галактике на протяжении нескольких веков. И она открыла им дверь – может, даже исполнила какое-нибудь пророчество или предзнаменование, кто их там знает. Только вот они ещё не в курсе, что есть невидимый барьер, который вряд ли

пропустит в анклав нечеловекообразное существо, и что там живет болтливый силикат с молниеносной реакцией и директивой охранять человеческие знания от чужого вмешательства. Но сейчас всё это было неважно – девушка хотела спать, хотела раздеться, хотела помыться... но больше всего хотела подхватить под руку Кару и улететь с ней с этой гнилой планеты. Девочка слишком много натерпелась, и Вишну только и думать могла о том, как покажет ей развитые и красивые миры, где нет этих бесконечных трущоб, криминальных организаций и педофилов-наильников, кои устраивают беспредел в самом большом городе планеты.

Она, махнув на прощание шаканагам, увидела, как захлопываются двери Библиотеки, и оттуда снова начинает доноситься тягучее и загадочное пение, посвящённое божествам этих круглых и, как она смогла убедиться, достаточно интеллигентных пришельцев. На город опускалась ночь, и с запутанных лабиринтов улиц доносилась возгласы празднества и хаотичные ноты музыки, – кто-то играл на горунджии, а кто-то – на обычной гитаре. Если бы не всё, что она пережила, то этот вечер показался бы ей даже заманчивым и благостным, – тем, который создан, чтобы гулять по звёздной набережной вместе со своим нынешним любовником: при этом желательно, чтобы у него была густая жёсткая щетина, а руки украшали классические чернильные татуировки (а не эта современная обманная хрень). И неважно, что вокруг вас царит полная разруха и нищетолюбие, – сегодняшний вечер создан только для вас двоих и для того мимолетного животного чувства, что возникло между вами. С этими мыслями Вишну извлекла из рюкзака небольшой расплывчатый тюбик – стандартное лекарственное средство из аптечки скорой помощи любого космолёта: оно быстро заживляло раны, покрывая их защитным покровом, защищающим от внешнего воздействия и потенциальной заразы. По ноге пробежало приятное тепло, однако хромота так никуда и не делась, – порезы оказались достаточно глубокими, а в одном месте у неё просто вырвали кусок мяса. Вишну терпеть не могла шрамы, но, видимо, в её работе без них никуда.

Она вернулась обратно к дверям Библиотеки и спустилась к неприятно пахнущей воде – в душе витало странное ощущение дежавю и какого-то... обновления. Она пыталась сама для себя выразить свои эмоции, но никак не могла понять, что же именно сейчас клокотало внутри неё. Будто она только что прошла через настоящее пламя, а сейчас в воздухе разлиты умиротворение и расслабляющая прохлада. Это, конечно, только иллюзия, но она не могла не порадоваться такому внезапному приятному ощущению. С другой же стороны, почему бы не радоваться? Она раскрыла древние секреты Земли, нашла то, что искала (ну почти), и смогла справиться со смертельно опасным противником. Осталось лишь подхватить Кару под руку и убежать отсюда...

Вишну продвигалась по кругу вокруг титанического здания Библиотеки и высматривала нужную ей сливную трубу. Каждый шаг отдавался тупой и неприятной болью в ноге, но она прекрасно понимала, что осталось потерпеть ещё совсем немного, а потом она завалится спать хоть на всё время перелёта до Та-Кемета.

Но тут она увидела.

Остановилась.

Захотелось закричать...

Она наконец дошла до нужного ей слива, где она оставила Кару. И она до сих пор была там.

Она стояла на коленях в смердящей грязи, в то время как её голова со спутанными волосами вокруг маленьких рожек повисла так, будто она спала, а руки заломили за спину и, видимо, связали. Над Карой возвышалась доминирующая фигура мужчины, одетого в длинное блестящее пальто и поношенный костюм-тройку. Фигура улыбалась – заходящее солнце ослепляюще отражалось от золотых зубов, чьи ровные ряды создавали иллюзию того, что вся нижняя часть его лица объята смертоносным пламенем. Если бы оно было так.

Вишну захотелось просто упасть в воду и глотать её до тех пор, пока тело не пропитается химикатами и разрушительной органикой и не откажется функционировать, погружая её в бесконечный убаюкивающий сон. Но нет.

Она устало вытащила из ножен свой единственный оставшийся клинок и поплелась в сторону, не обращая внимания на то, что сзади неё уже стояли несколько вооружённых фигур в камуфляжных костюмах и с устаревшим оружием наперевес.

Золотозубый, конечно же, заметил её и уже подавал ей знаки, дабы она не медлила и побыстрее подходила к нему. Она на секунду пожалела, что с презрением относится к дальноточным видам вооружения, но сразу же рассудила, что этот ублюдок, скорее всего, перестраховался и окружил себя защитным полем. Её мысли подтвердили еле заметные блики, окружающие согбенную фигуру и её мучителя, – определённо, силовая защита. Поганый трус.

Она с удовлетворением заметила, что одна из его ног старательно перевязана и закреплена пластиловыми листами, – да, от её спиц у этого подонка отказала вся нервная система его нижней конечности, так что теперь он либо будет ходить так всю оставшуюся жизнь, либо решится на имплант.

За его спиной показалось ещё два дула, причём принадлежали они, скорее всего, звуковым ружьям, что совсем не радовало. Даже при всём своём профессионализме и её недавно открытом даре к полномасштабному убийству, Вишну сомневалась, что у неё получится выбраться из этого аврала живой. Золотозубый же уже аплодировал, продолжая улыбаться так, будто впервые познал плотские удовольствия.

– Кривоточка моя. – Этот голос... Вишну затрясло от одного только его звука. – Ты пришла! А я уж заволновался... Мы с девчужкой, – он схватил Кару за волосы и резко потянул на себя, – уже заждались тебя! Нельзя же так надолго уходить, твои родные волноваться будут...

– Отпусти девочку. – На её обнаженный клинок упала первая капля дождя: с тёмного запада на город находила непроглядная штормовая тьма, пожирающая небосклон, будто некое древнее божество пробудилось ото сна, дабы исполнить предначертанное пророчество о конце света. – Отпусти её.

– Но-но-но-но! – Он вызывающе помахал пальцем. – У нас с тобой вся ночь впереди, не торопи события. – Он отпустил волосы Кары, и только сейчас Вишну заметила, что рот у неё залеплен чем-то вроде большого пластыря. – Знаешь, в чём я убедился с тех пор, как начал заниматься этим делом? М-м? – Он помедлил. – В том, что любая шлюшка рано или поздно ко мне возвращается. Я видел сотни девок, которые убегали из моего пристанища удовольствий и пытались начать новую жизнь, как они выражаются. Они становились кухарками, уборщицами, соцработниками, некоторые даже находили себе хахалю. Однако всё всегда заканчивалось одним: они ползли ко мне на коленях, готовые ко всему, лишь бы снова отсосать у какого-нибудь жирного толстосума за деньги. А знаешь почему? Потому что похоть и разврат заложены в ваших генах с самого рождения! Я могу взять четырехлетнюю девочку с любой планеты, и она всё равно вернётся ко мне, дабы выполнять свою работу. И я их беру! Я же не могу оставить этих шлюх на улице, ведь так?!

Он подмигнул, и в душе Вишну начала подниматься волна отвращения и гадливости: слушала она его вполуха, но один его вид, его интонации, его манера поведения – всё это доводило её до тошноты... Какой-то мудрец однажды сказал, что дьявола как такового не существует, но он всё равно является к каждому живому существу в разных своих обликах. Сейчас перед ней стоял именно он – враг всей её жизни, и её самой, и всего человечества, и всего живого по совместительству.

Тонкие линии прохладного дождя прочертили воздух и украсили воду причудливым узором. Что же – если прорываться с боем, то лучшего момента и придумать нельзя: устаревшее оружие приспешников золотозубого, скорее всего, не приспособлено для таких условий,

а потому с вероятностью процентов пятьдесят будет давать одну осечку за другой. Но что-то останавливало её... Будто ноги приросли к этой гадкой жиже, в которую она потихоньку погружалась...

– Но они должны платить цену. – Он снова ослабился, и Вишну чуть ли не привиделось, как она выбивает ему эти золотые зубы, заливая его глотку кровью. – Кто-то просто отправляется ко мне в койку, и, поверь мне, это лучшая из их бед: пара синяков, порезов и кровоподтёков погоды не сделает. Другие же... – Он посмотрел на Кару, которая, как теперь поняла Вишну, ни разу не всхлипнула и не застонала: либо она без сознания или в прострации, либо просто держится. – Другие отправляются наверх – к моим самым дорогим и уважаемым клиентам. Ты уже такого встречала, сука! Мне придётся дорого заплатить, чтобы уладить мой конфликт с семьёй этого деятеля...

Она вспомнила растёрзанного мальчика и тот кусок сала, который с таким удовлетворением копался в его детских органах.

– Отпусти её, – она говорила тихо, но он всё равно наконец услышал её, – возьми меня. Пусть девочка будет на свободе. Я сделаю всё, что надо сделать.

– Шлюхи всегда возвращаются. – Он не переставал улыбаться. – Что же ты сделаешь?

Она молчала. Он определённо играл с ней, но, чёрт возьми, сейчас было совсем не до гордости и не до чувства собственного достоинства.

– Всё.

– Оу, это славно, это славно. – Он покивал и повернулся к ней спиной, открыв её взгляду вторую руку, которую он всё это время держал за спиной: в ней блестело что-то серебряное или металлическое, но она не могла разобрать, что именно. – Это, несомненно, искупляет вину этой маленькой проשמандовки. Да и, сказать тебе честно, трахать её было неинтересно: валяется как кукла и практически не дышит. Лишь тихонько постанывает, будто её кто-то иголкой покалывает. А, поверь мне, со мной такое редко бывает!

Его смех вводил её в настоящее иступление: вторая рука нащупала тёплую, практически горячую и обжигающую рукоятку хлыста. Но нет, сейчас ей нужно оставаться спокойной, очень спокойной...

– Только вот одно но, – он снова подошёл вплотную к Каре, – это была её цена. А тебе придётся заплатить свою.

Время замерло. Его рука снова ухватила за волосы девочки, и Вишну увидела её широко раскрытые глаза, наконец поняв, какие же они глубокие и красивые, – их красный цвет воплощал в себе настоящий поцелуй открытого пламени, согревающего человека в самые тёмные и холодные ночи.

– Артос Примм вынес приговор, – услышала она, но не восприняла никак.

Его вторая рука провела остро наточенным бритвенным лезвием по тонкой шее девочки. Алая полоса заполонила всё и ослепила Вишну. Несколько струек крови скатилось по нежной коже Кары, и она медленно, будто её тело было марионеткой, упала в воду.

Она не знала, что происходило далее. Она не помнила никакой общей картины. Лишь детали.

Она помнила свой оглушающий крик, заставивший Артоса засмеяться так, будто он добился главного торжества своей жизни. Она помнила, как он плюнул на мёртвую девочку и присел на корточки, показывая Вишну её всё ещё живое лицо, лишь немного испачканное в грязи.

Молниеносная струя кнута взметнулась в воздух и обвилась вокруг шеи ближайшего противника – шипастый шар врезался в его щёку с огромной скоростью, буквально размозжив ему лицо и обрызгав его напарника кусками окровавленной плоти. Тот тоже прожил ровно секунду: Вишну подскочила к нему подобно разъярённой кошке, распарывая его тело острейшим клинком.

Внутри неё сходили с ума сотни голосов, но все они твердили одно и то же: убей, убей, убей, убей, убей... Что-то обожгло её правую руку, но сейчас ей было совсем не до этого: вся боль ушла на второй план, и она даже не хромала, хотя нога и казалась одеревенелой. На неё бежали несколько человек с энергодубинками наперевес, но даже они не остановили её ни на шаг: один застыл с удивлённым лицом, наблюдая, как его внутренности мешком вываливаются прямо в сточные воды; второй будто споткнулся, но на самом деле лишился своих нижних конечностей: ошметки его тела погрузились под воду и больше не всплывали; третий замер на месте и устался в пространство, – добрая четверть его черепа отлетела в сторону подобно взорвавшейся консервной банке, обнажив серо-розовое мозговое вещество.

Вишну почувствовала ещё один укол. А потом ещё один... И ещё... Вокруг был лишь грохот и странное жужжание...

Она рычала как загнанная тигрица.

Из сточной трубы донёлся приглушённый голос Артоса, который она не смогла разобрать. Следующее, что она увидела, – два дула звуковых ружья. Что же, по крайней мере, эта смерть быстра... Она попыталась взмахнуть ослабевшей рукой и достать хотя бы одного противника кнутом, но тот лишь устало шлёпнул по воде, подняв дымовую завесу из пара.

Они уже прицелились. Послышался возглас. Что-то мягкое и пушистое возникло из ниоткуда прямо у неё на шее.

В этот момент всё исчезло. Одна картинка сменилась другой... Она закрыла глаза и провалилась в ничто.

XI. Кроль-тора

Тьма пришла незаметно – так, будто кто-то просто накрыл непроницаемым покрывалом солнце, и то мгновенно отошло ко сну. Ночь принесла с собой бриллиантовые россыпи звёзд, аккуратный полумесяц луны, высвечивающий в лесной чаще мокрые трепыхающиеся грибы, и настоящую какофонию звуков, сплетённых из щебечущего птичьего пения, мелодичного пилляканья сверчков и непонятных шорохов, которые могли говорить о чём угодно – о крадущихся хищниках или о продирающемся сквозь чащобу лосе, при условии, что они ещё не вымерли, конечно. Завораживающий силуэт Великой Преграды утопал в перемежающихся ночных красках, сливаясь с небом и лишь иногда переливаясь в серебристом цвете луны.

В такие моменты в голову невольно приходили мысли о тщетности всего происходящего, – будучи философом по своей натуре, Кэсседи вдыхал ароматные запахи тёмного леса и размышлял, а нужно ли ему всё это? Эта Москва, эта циклопическая стена, эти бесконечные опасности и эти бессонные ночи? Если ведь призадуматься, то на его банковском счёте предостаточно денег не только для него до конца его дней, но и для безбедного существования его потенциальных детей. Признаться честно, этим вопросом он задавался уже не в первый раз: за всё время, пока они с Кроггом колесили по Галактике в поисках ключей к преодолению Преграды, он не раз и не два ловил себя на мысли, что пытается откусить слишком большой кусок, – что ему это не по зубам, как он ни старался бы. До сих пор всё шло как по маслу, без каких-либо происшествий, – они даже ни на одного душегубца не натолкнулись, что уже можно считать за крупнейшую удачу, но Кэсседи всё равно осознавал, что дальше им грозит одно из самых трудных и тяжёлых испытаний в их жизни. Если не самое. Он подобрал себе отличную команду, но хватит ли им отваги и опыта, чтобы провести их маленький отряд сквозь загадки, ловушки и головоломки, оставленные им людьми древности, – народом, который славился не только своими научными и культурными достижениями, но и подавляющими жестокостью и непоколебимостью. Не стоит забывать, что львиную долю войн развязали именно земляне – вопреки тому, что говорила тогдашняя пропаганда. Во имя великого блага люди того времени отправляли свои смертоносные космолёты навстречу беззащитным инопланетянам, которые вот-вот успели выйти в открытый космос и вкушать плоды бесконечности. Никакими официальными источниками это не подтверждалось, однако многие документы по всей Галактике говорили о неоднократных случаях геноцида во имя человеческой расы. Землян Дозабвенческого периода почитали как богов, но мало кто знал, что они одновременно были и дьяволами, одержимыми величием и процветанием своего народа. Хотя... а так ли всё изменилось?! Кэсседи пришёл на ум случай десятилетней давности, когда трансгалактический линкор «Вольность» полностью уничтожил всё население планеты Джирак, не оставив в живых ни одного представителя нескольких рас, обитавших там. Власти не раз утверждали, что они не имели к этому событию никакого отношения, но Кэсседи в это почему-то не верилось.

Из размышлений его вывел громкий и смачный плевок Крогга, который стоял, прислонившись к дереву, и скептически осматривал инфракрасные очки с функцией распознавания движения и дыхания. Все остальные всё ещё были в палатке и, может быть, даже спали, хотя Кэсседи понимал, что, если бы его сейчас уложили на боковую, он так бы и остался лежать с открытыми глазами в предвкушении того, о чём мечтал всю жизнь. Но почему он временами так противился мысли, что наконец зайдёт в Москву и откроет то, что этот древний город так долго скрывал от всего человечества? Может быть, он боялся потерять то, над чем он корпел, сколько себя помнил? Идея о Москве преследовала его уже больше тридцати лет: Кэсседи буквально просыпался и засыпал с видениями, как он взламывает заржавевшие замки на старинных московских небоскребах, офисных и торговых центрах и, что ещё более интересно, университетах и центрах хранения ментальной информации. Более того, если верить легендам,

то именно в центре Москвы находится первая и всевышняя церковь Единой Веры: настоящий оплот паломников давно ушедшего XXIV века и средоточие ужаса и ненависти для тех, кто хоть немного знал о Забвении. Движение Единой веры зародилось в этом городе и распространилось не только на всю планету, но и на всю известную Вселенную. Оно уничтожило рудиментарные монотеистические религии и поработило сознание человека, говоря о прогрессивности и величии человечества, но вогнало планету в эпоху разрухи и умственного застоя. Почему так получилось? Кто за этим стоял? Вот лишь маленькая толика вопросов, на которые он мог найти ответы за Великой Преградой. Не стоит при этом забывать о музыке, литературе, живописи, скульптуре, в общем, обо всём том, что находилось под запретом религиозных фанатиков и что подвергалось безжалостному уничтожению во имя Единого.

– И после всего этого Собор так и не был упразднён, – прошептал Кэсседи, но Крогг услышал его без каких бы то ни было проблем.

– Опять причитаешь? – Он снова сплюнул. – Всегда знал, что люди безумны, но ты самый дурной из всех.

– Да нет. – Адамс пожал плечами. – Я лишь в очередной раз думаю, правильно ли мы поступаем, что идём туда.

– Пф! Конечно нет. И я не раз об этом говорил.

– Да нет, я в другом смысле.

В ответ Кэсседи услышал лишь задумчивое мычание, означавшее, что Крогг не настроен на разговор. Что же, скорее всего, так даже и лучше, ибо здоровяк бы опять затеял разговор о слабости и убогости человеческой расы, а потом стал учить его уму-разуму. Да, ещё одна мысль, на которой Кэсседи ловил себя всё чаще и чаще: Крогг изменился. Он не мог сказать точно, когда произошла перемена, но в один прекрасный момент он перестал разделять с Адамсом его увлечения выпивкой, кутежами и прекрасными девушками и вместо этого ухаживал за собой, занимаясь непонятно чем. Более того, если раньше они болтали без умолку, совместно высмеивая современное кеметское общество и его лживые диктаторские устои, то сейчас Крогг лишь критиковал Кэсседи. Это начинало раздражать, и Адамс ловил себя на мысли, что ему не всегда приятно находиться вместе со своим старым другом. А может, он просто преувеличивает, что вполне объяснимо переутомлением и волнением по поводу Москвы.

Он встал на ноги, почувствовав, как крупные капли росы скатываются на землю с его комбеза, внимательно изучил показания прибора слежения за ментальными сигнатурами и сказал скорее просто в пространство, нежели Кроггу:

– Я пойду прогуляюсь. – Он сощурился от яркого лунного света. – Слишком хорошая погода и чистый воздух, чтобы сидеть на одном месте.

– Про душегубцев забыл? – Крогг даже не пошевелился. – Либо остаёшься здесь, либо я с тобой.

– Не уверен, что это хорошая идея. – Кэсседи улыбнулся. – Наша смена, и мы должны охранять их. – Он указал на палатку.

– Хм... – Крогг всегда признавал, что Адамс превосходит его в плане интеллекта, логики и анализа, но желание спорить и противодействовать было в его крови, а посему он не мог так быстро сдаться. – Ты тоже должен стоять в охране, а не шляться по лесу.

– Ну, давай рассудим так. – Тут его друг был, конечно, прав, но если уж Кэсседи что-то взбрело в голову, то он добивался своего всеми мыслимыми и немыслимыми способами. – Посмотри на себя, а потом на меня. Я хорош в разработке стратегии, а ты – в проламывании черепов, что я тоже всегда считал искусством, так что не надо тут на меня обижаться.

С такой логикой трудно поспорить, и скоро Адамс уже удалялся прочь от раздражённого Крогга и спящей крепким сном палатки. По пути он сорвал несколько огненно-красных ягод и закинул их в рот, с видимым довольством причмокивая и испытывая странное успокоение, – будто секунду назад он стоял посередине обезумевшего и оглушающего города-миллионника,

а сейчас перенёсся в рай на земле – в буквальном смысле. Что-то гнало его вперёд, что-то манило за собой, а потому он решил, что если уж он ушёл так далеко, то есть смысл дойти до предположительно покинутого дома, что он видел ранее.

Лес закончился так же быстро, как и начался: только-только он вошел под задумчивую и сонную сень деревьев, при этом несколько раз споткнувшись, видимо, от полноты ощущений, и почти сразу же, через пару минут сбивчивой ходьбы, очутился в месте, которое, скорее всего, раньше было пахотным полем. Земля до сих пор сохраняла неровности, будто бы её уверенно бороздили плугом на протяжении веков, и даже сотни лет бурного природного развития не залечили нанесённые ей шрамы. Правда, от самих посадок не осталось ровным счетом ничего: высокая сорная трава мирно покачивалась на ветру, будто довольная победой над аграрной промышленностью. Немного поодаль виднелись скелеты кирпичных и каменных построек – несомненно, загородные дома москвичей того времени. Даже отсюда было видно, что большинство либо намеренно разрушили, либо сожгли: провалы в крышах являли миру глубокие раны, а чёрные синяки опалённых окон ошетинились заострёнными остриями стёкол. Ясно, что дома покидали в спешке, не успевая как следует замести следы и разрушить то, что строилось веками.

Кэсседи попытался представить местный пейзаж до массового исхода из Москвы, но почему-то никак не мог сложить в голове кусочки пазла, который по крупницам собирал по всей Солнечной системе и даже Галактике. Деловитые силикаты, снующие между посевами, мешающие им дети, превращавшиеся на природе в настоящих маленьких дикарей, скучающие взрослые, не знающие чем заняться, с тех пор как аграрная промышленность практически полностью перешла под автономное роботизированное управление... Нет, он не видел. Руины оставались руинами, а разруха – разрухой.

Адамс медленно пошёл через поле, не забывая уделять внимание своим датчикам биосигнатур: можно сколько угодно доказывать Кроггу, что никакая опасность им не грозит, но сам-то он знал, что смерть поджидает на каждом шагу. Мало того, что он мог рано или поздно напороться на душегубца, так ещё не стоило забывать о местной разросшейся фауне. Дикие хищники, не испытывая никакой конкуренции со стороны человека, должны были превратиться в полноправных владельцев этой брошенной территории: если верить статистике, кою он нашёл в глубинах архива Марса, то наибольший процент авантюристов, что погибли в бесплодных попытках проникнуть в древний заброшенный город, приходился именно на жертв диких зверей. Более того, многие из этих записей говорили об агрессивных насекомых, – что бы это ни значило: Кэсседи сомневался, что те же самые муравьи могли значительно проэволюционировать и вырасти до угрожающих размеров. То же относилось и к жужелицам, сороконожкам и слизням: четыреста лет – слишком маленький срок, чтобы те успели превратиться в гигантов. Но осторожность всё равно не помешает, а посему он смотрел себе под ноги: вдруг ненароком вступит в косяк плотоядной тли. Ну и плюс к этому Адамс очень уж надеялся найти среди заплонивших всё сорняков хоть какой артефакт древности: какой-нибудь приборчик, слетевший во время эвакуации с силиката или хоть рудиментарную лопату или грабли... Но нет: он прекрасно понимал, за несколько прошедших веков все оброненные людьми вещи давно уже ушли под землю. Здесь нужны полноценные раскопки, с профессиональными археологами и историками Та-Кемета: и, что самое интересное, Локальное Археологическое Общество не раз обращалось в правительство планеты с просьбой провести раскопки вокруг Москвы, но при этом всегда получало отказ: опасно, мол. В чём же заключалась опасность, орды бюрократов-чиновников разъяснить не могли. Кэсседи, глядя на этот запущенный, но достаточно безмятежный ландшафт, невольно задумался, что, может быть, их всех обманывают уже не один десяток лет: опасности никакой нет, а есть лишь заброшенный город, хранящий в себе слишком много загадок прошлого. Тех загадок, которые могут разрушить сложившиеся устои...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.